This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

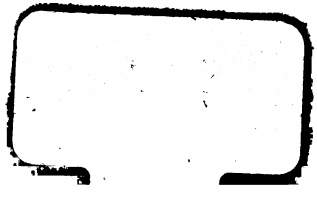
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06804743 4



*QD4

К. М. ФОФАНОВЪ.

К. М. ФОФАНОВЪ.

ТѢНИ И ТАЙНЫ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КОНСТАНТИНА ФОФАНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца М. В. ПОПОВА.
1892.

137198
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1899.

ПАРОВАЯ ТИПОГРАФІЯ МУЛЛЕРЪ И БОГЕЛЬМАНЪ. НЕВСКІЙ, № 148.

* * *

Идеалъ:

Къ небу, свободный пѣвецъ! О, къ небу стремися проворнѣй,—
Вѣчно-безсмертное небо тебя увѣнчаетъ цвѣтами!..

Поэтъ:

Соки земные питаютъ цвѣтовъ сокровенные корни,—
Я же прикованъ къ землѣ вѣчно земными цѣпями!..

К. Фофанова

ТѢНИ И ТАЙНЫ.

И тайны, и тѣни рождаются вмѣстѣ,
И вмѣстѣ чаруютъ мечтой непонятной:
Въ нихъ—ласки и шопотъ любви ароматной,
Въ нихъ—ропотъ и муки тоскующей мести.

И тѣни, и тайны намъ сердце тревожатъ
Загадкою вѣчной, какъ сонъ, неизвѣстной:
Что тайны подскажутъ, то тѣни умножатъ
И смертныхъ обвѣютъ печалью небесной...

Игра ихъ живая, рѣзва и капризна—
Волнуетъ и тѣшитъ мучительно-сладко.
И смерть—колыбель имъ, и небо—отчизна,
И въ безднѣ надзвѣздной ихъ скрыта разгадка.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Какъ хорошо при лампѣ одинокой
Въ тиши ночей обдумывать свой трудъ!..
Душа кипитъ и образы плывутъ,
Какъ млечный путь, толпою звѣздоокой.
Младенческій и сладостный восторгъ
Стѣсняетъ грудь... слеза дрожитъ во взорѣ...
Счастливая!—богъ грезъ ее исторгъ
Изъ родниковъ растаявшаго горя.
Еще къ землѣ прикованъ чуткій слухъ,
Но къ небесамъ уже подняты крылья...
Еще порывъ... еще одно усилье—
И новый міръ объемлетъ гордый духъ...
Для жаркихъ сновъ раскрытъ чертогъ ума,
И памяти разсѣянная тьма
Яснѣетъ вновь; былое воскресаетъ...
Но конченъ трудъ; остылъ сердечный жаръ,
Развѣялись видѣнья милыхъ чаръ...
Алтарь погасъ... и жертва остываетъ.

*
* *

Была-ль то—пѣснь, рожденная мечтою,
Иль пѣснею рожденная мечта,—
Не знаю я,—но въ этотъ мигъ со мною
Роднилися добро и красота.
Отъ свѣтлыхъ думъ сомнѣнья исчезали,
Какъ легкій дымъ отъ гаснущей золы,
Я былъ далекъ отъ сумрачной печали,
Отъ злыхъ обидъ и дерзостной хулы.
Я міръ любилъ и былъ любимъ я міромъ,—
Тая въ душѣ неугасимый свѣтъ,
Я въ безднѣ безднъ носился по эфирамъ
Съ толпою звѣздъ, за сонмищемъ планетъ.
И видѣлъ я плѣнительныя тайны
Безсмертнаго, божественнаго сна...
Я постигалъ, что зло и смерть случайны,
А жизнь съ добромъ и вѣчна, и сильна.
Я ликовалъ смущенною душою
И жаръ молитвъ сжигалъ мои уста...
Была-ль то пѣснь, рожденная мечтою,
Иль пѣснею рожденная мечта...

*
* *

Далекіе міры, какъ огненныя зерна,
Мерцаютъ надъ землей спокойно по ночамъ,
И мы на нихъ глядимъ прилежно и упорно,
И тайнамъ ихъ дивясь, мы учимся мечтамъ.
Мнѣ говорятъ они: «воздушною стезею
Безъ цѣли мы плывемъ, какъ грезы божества.
Ты, слабый человѣкъ, ты—скованный землею,
Но и тебѣ, какъ намъ, даны свои права!»
Волшебная мечта, таинственная дума—
Не тѣ же ли міры? Твой духъ, какъ небеса,
Въ нихъ тайны вѣчныхъ сновъ текутъ какъ мы, безъ шума
И тихія свои свершаютъ чудеса.
Мы смотримся въ тебя, какъ ты въ эфиръ надзвѣздной
Мы проникаемъ въ глубь и сердца и ума...
И вѣчность насъ страшитъ загадочною бездной
И мнится намъ: въ тебѣ не вѣчность-ли сама?

*
* *

Я знаю генія,—со мною
Онъ рѣчи странныя ведетъ.
Онъ небеса зоветъ землею
И землю небомъ онъ зоветъ.
Онъ ложь, какъ правду, славословитъ,
Любовь онъ гонитъ какъ вражду;
Онъ торжество для злыхъ готовитъ,
Сулитъ для праведныхъ бѣду.
Не знаетъ онъ ни дня, ни ночи,
Ни зноя жизни, ни могилъ,
Что бъ проклинать его нѣтъ мочи,
А полюбить его нѣтъ силъ...

* * *

Не вѣрь, не вѣрь рѣчамъ моимъ веселымъ
И хохоту безпечному не вѣрь;
Я весь объятъ смущеніемъ тяжелымъ,
Я ревностью терзаюся теперь.
Не отвѣчай на шутки ликованьемъ,
Не вторь рѣчамъ и смѣху моему...
Знай,—я смѣюсь лукаво потому,
Что не могу отвѣтствовать рыданьемъ,
Шучу затѣмъ, что все еще боюсь
Проклясть любви безумное похмѣлье...
Мой горекъ смѣхъ, темно мое веселье...
Рыдай, дитя,—пока я веселюсь!

*
* *

Точно листья съ древа жизни
Отпадаетъ годъ за годомъ;
Точно гость на скучной тризнѣ
Я слѣжу за ихъ уходомъ.
Каждый годъ съ собой уноситъ
Что-нибудь изъ сердца тайно;
То внезапно друга скоситъ,
То мечту сразитъ случайно.
Каждый годъ неторопливо
Открываетъ вѣчность двери,—
И гляжу я въ нихъ пугливо,
И считаю тамъ потери...
Все туда стремятся очи,—
Гдѣ забвенья волны плещутъ,
Гдѣ, какъ звѣзды въ небѣ ночи,
Дорогія тѣни блещутъ...

УТРОМЪ.

На разсвѣтѣ, въ мою комнату, въ раскрытое **окно**
Потянуло ароматами воскреснувшаго дня;
Бѣлыхъ тучекъ легкотканное, волнистое руно
Опалилося лобзаніемъ румянаго огня.
Передъ солнцемъ разбѣжалися пугливою толпой
Звѣзды робкія, какъ дѣвушекъ стыдливый хороводъ.
Садъ душистый, весь обвѣянный и утромъ и **росой**,
Дышетъ жизнью пробужденною, лепечетъ и **поетъ**.
Сновидѣнья затуманились... веселой зарей
Въ сердцѣ что-то безконечное опять оживлено...
И заботливыя думы съ ихъ пытливой суетой
Въ душу хлынули, какъ звуки въ растворенное **окно**.

*
* *

Вечеръ дышетъ ароматомъ.
Тихо. Сонная рѣка,
Озаренная закатомъ,
Чуть колышетъ облака.
Вечеръ блещетъ на вершинахъ,
Въ догорающей зарѣ.
Вечеръ легъ росой въ долинахъ
На узорчатомъ коврѣ,
Утонулъ въ рѣкѣ спокойной,
Въ облакахъ зажегъ свой свѣтъ,
Взволновалъ мечтою знойной
И въ душѣ оставилъ слѣдъ.

ЗАБЫТАЯ АРФА.

Забытая арфа висѣла въ забытомъ чертогѣ,
Года пролетали и ржавѣли звонкія струны;
Молчала-ли ночь, иль гроза низвергала перуны—
Забытая арфа томилась въ беззвучной тревогѣ.
И стѣны чертога ветшали, и сны невидимкой
Въ пустынныхъ покояхъ скользили надъ арфою сонной,
И тѣни, печальныя тѣни обманчивой дымкой
Надъ нею шуршали—и страненъ былъ шорохъ смущенный.
Но арфа молчала, румяное утро встрѣчая,
И ночь провожая съ ревнивою тѣнью,—молчала...
Но люди пришли—и подъ вечеръ зеленаго мая.
Коснулись персты ея струнъ—и она зарыдала.
И все разсказала, что ей въ одиночествѣ снилось,
Какъ жаждала долго спугнуть она тайны молчанья.
Но люди въ тѣхъ звукахъ свои угадали страданья
И каждое сердце своею тоскою томилось...

ФАНТАЗІЯ.

Живые сны воздушною толпою
Вокругъ меня витаютъ на яву.
Смирился я смущенною душою
И слушаю шумящую листву,

Жукъ пролетѣлъ и прозвенѣлъ струною
И тяжкой каплей рухнулся въ траву;
На вышинѣ глубокой и спокойной
Алѣетъ ночь, лобзая западъ знойный...

Ростутъ, ростутъ плѣнительные сны...
Блѣднѣетъ ликъ природы безмятежной,
Предъ ихъ толпой загадочной и нѣжной,
Обвѣянной дыханіемъ весны.

На небесахъ, въ румянцѣ золотомъ,
Фантазія таинственнымъ рѣзцомъ
Уже чертитъ волшебные узоры...
Тамъ изъ тѣней воздвиглись города
И облаковъ жемчужная гряда,
Тѣснясь, слилась въ причудливыя горы...

Вонъ терема... кіоски... обелискъ...
Мерцаютъ мнѣ сквозь сумракъ полусонный...

А это что? Луны ли блѣдный дискъ,
Или маякъ, надъ озеромъ зажженный?
Не мчатся ль мнѣ, эфирныхъ сновъ быстрѣй,
Туда, туда, въ воздушные чертоги!
Тамъ красота безъ жизни и страстей...
Но если жизнь—то нѣтъ земной тревоги,
И если страсть—то нѣтъ земныхъ цѣпей.

СРАМОТА.

Выходила срамота за ворота,
Выходила прихорашивалась,
Наряжалась въ платье шелковое,
Алымъ поясомъ подпоясывалась.
И смѣялись надъ ней люди добрые,
Все великіе и малые,
И смѣялись и выспрашивали:
«А и гдѣ срамота родилася,
А и гдѣ у ней отецъ съ матерью,
Кто одѣлъ ее въ платье яркое,
Подпоясалъ алымъ поясомъ?
Не пригоже-де ей роскошничать,
Не пригоже ей въ шелку ходить!..»

Осерчала срамота, разгнѣвалась,
Уплывала морями широкими,
Запиралась въ башню каменную,
Хоронилась за семью печатями...
А и слышитъ срамота не гроза шумитъ,
Не змѣя шипитъ за стѣнами;
То идетъ о ней худая молва
Съ укорами да попреками,
Съ бранью-руганью кабацкою,
А и видитъ срамота—одолѣли ее.

Нѣтъ житья нигдѣ, стала каяться...
И одѣлась она въ рубище,
Подпоясалась ременнымъ поясомъ,
Расплела она косу русую,
И ломаючи руки бѣлыя,
Вышла блѣдная, исхудалая
На крещеный міръ, на лицо людей...
И сказала она потупившись:
«Моя родина—жизнь кабацкая,
А отецъ-то мой—злой помыселъ,
А и мать моя—кручинушка.
Я ползла змѣей—перевѣтчицей,
Я съ ножомъ въ лѣсу стерегла людей,
Выводила красныхъ дѣвушекъ
На посраму, на позорище
И младенцами некрещеными
Насыщала я рѣки чистыя..

И рыдала срамота и каялась,
И ломала она руки бѣлыя...
Да не въ добрый часъ спохватилася,
Засмѣяли ее пересудчики,
Засмѣялъ ее весь крещеный міръ,
Весь крещеный міръ—весь честной народъ.

Л. Н. Т.

Я знаю міръ души твоей;
Земному міру онъ не сроденъ.
Земной міръ сотканъ изъ цѣпей,
А твой какъ молодость свободенъ.
Не золотой телецъ—твой богъ,
Не оскверненъ твой храмъ наживой.
Ты передъ торжищемъ тревогъ
Стоишь какъ жрецъ благочестивый!
Ты какъ пророкъ явился намъ,
Тебѣ чужды пороки наши—
И сладкой лести фиміамъ,
И зломъ отравленныя чаши.
Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю.
Остановясь на полпути,
Тебѣ довѣрчиво я внемлю.
Слѣжу за геніемъ твоимъ,
Горжусь его полетомъ смѣлымъ...
Но въ изумленьи оробѣломъ
Не смѣю слѣдовать за нимъ!..

ДВА СТРАННИКА.

Въ тотъ часъ, когда въ ночной тѣни
Дневные звуки замираютъ,
И только кое гдѣ мерцаютъ
Веселья поздніе огни,—
Въ тотъ часъ, на улицѣ глухой
Сошлись два странника, два друга;
Ихъ ризы развѣвала вьюга
И осыпалъ ихъ снѣгъ сѣдой.
Но вьюги бѣшеной побѣду
Не признавая надъ собой,
Они вели свою бесѣду
Про сны людей и міръ земной.
Одинъ былъ юнъ, любимъ и свѣтелъ,
Другой—оплаканъ, старъ и сѣдъ.
—Что въ мірѣ новаго, сосѣдъ?
Одинъ спросилъ. Другой—отвѣтилъ:
—Все тотъ же міръ, все тотъ же свѣтъ,—
Я новизны въ немъ не замѣтилъ.
И ты увидишь то, что я
Провидѣлъ въ тайнахъ бытія...
Все тѣ же слезы и улыбки...
—А опытъ какъ?
— Онъ не ростетъ

И міръ на старыя ошибки
Лишь цѣпи новыя куетъ.
— А трудъ какъ?
— Онъ въ слезахъ, въ опалѣ
И не поруганъ онъ едва ли
Затѣмъ, что радужный порокъ
Тогда бы бражничать не могъ.
— А смерть?
— Смерть торжествуетъ смѣло—
И все, что жизнью разцвѣло,
Что ненавидитъ ложь и зло—
Глядишь, поблекло, помертвѣло,
Въ могильный сумракъ отошло!
— Зачѣмъ же вѣчностью отнынѣ
Я посланъ въ міръ?
— Затѣмъ, что тамъ
Въ надзвѣздной голубой пучинѣ
Нѣтъ счета звѣздамъ и вѣкамъ.
Затѣмъ, что все надеждой тайной
Полна вселенная... И ты
Вновь повтори ея мечты,
Мечты игры ея случайной.

1888 г., декабрь.

* * *

Я знаю грусть: пѣвучая какъ пѣснь,
Она въ душѣ рождается случайно,—
Чтобъ утомить, какъ тяжкая болѣзнь,
И взволновать, какъ призрачная тайна...

Я знаю пѣснь: въ душѣ моей какъ грусть
Она звучитъ то нѣжно, то сурово;
Ее давно твержу я наизусть,
Но въ ней мечтамъ все ярко и все ново.

*
* *

Снится мнѣ хуторъ въ вишневомъ саду;
Алой зарей зарумянены окна...
Свищетъ вдали соловей...
Грезою тайной обвѣянъ иду—
Тучекъ волнистыхъ сѣдыя волокна
Гаснутъ на встрѣчу тѣней...
Сумракъ нисходитъ... Упалъ лепестокъ
Бѣлый съ душистой черешни... Повсюду
Тѣни, мечты и покой...
Мѣсяцъ разцвѣлъ, какъ лучистый цвѣтокъ
Въ небѣ... И ночь содрогнулась... и къ чуду
Тихо влечетъ міръ земной...
Но безучастна земля въ тишинѣ
Къ тайному голосу ночи; она
Дышетъ своимъ бытіемъ.
Вонъ мчится всадникъ на быстромъ конѣ...
Калитка скрипитъ... чья-то пѣсня слышна—
Смертный поетъ о земномъ.

*
* *

Что-то будетъ у насъ впереди, и куда намъ идти?
Міръ такъ много страдалъ, человѣчество плакало много
И съ безумьемъ во взорѣ, съ тоскою на трудномъ пути
Въ блѣдныхъ призракахъ сердца искало то правду, то Бога.
Низвергалися царства и вновь созидались они,
Создавались кумиры и въ прахъ низвергалися снова,
Сѣрый мракъ уносилъ лучезарно разцвѣтшіе дни.
Боевые мечи заглушали свободное слово.
Міръ изъ бездны вставалъ, колебался надъ бездною вновь,
И отвѣта просилъ у судьбы,—но судьба молчалива.
И распятая правда, сожженная злобой любовь
Вознеслись маяками--и блещутъ надъ бездной пугливо.

СВЯТОЧНЫЯ НОЧИ.

Природа въ зимнемъ снѣ; все снѣжно и мертво,
Но надъ селеньями, покрытыми снѣгами,
Разлито праздника святое торжество
И святочныхъ ночей огни и колдовство
Мнѣ сердце трогаютъ младенческими снами.
Преданья чудныя далекой старины
Волнуютъ память мнѣ,—и въ завываньи вьюги
Рыданія духовъ таинственныхъ слышны.
И, кажется, что ликъ задумчивой луны
Сквозь мглу морозную внимаетъ имъ въ испугѣ.
И, кажется, блестятъ туманнѣй зеркала,
И свѣчи въ комнатѣ печальнѣе мерцаютъ,
И тайнами полна загадочная мгла,
Какъ будто призраки въ ней рѣютъ безъ числа
И всюду сторожатъ, и всюду обольщаютъ...

А. А. ФЕТУ.

Есть въ природѣ безконечной
Тайныя мечты,
Осѣняемыя вѣчной
Силой красоты.
Есть волшебнаго эфира
Тѣни и огни,
Не отъ міра, но для міра
Родились они.
И безсильны передъ ними
Кисти и рѣзцы...
Но созвучьями живыми
Вѣщіе пѣвцы
Уловляютъ ихъ и вносятъ
На скрижаль вѣковъ
И не свѣетъ, и не скоситъ
Время этихъ сновъ.
И пока горитъ мерцанье
Въ чарахъ бытія:
«*Шопотъ, робкое дыханье,*
Трели соловья».
И пока святымъ искусствамъ
Радуется свѣтъ,
Будетъ дорогъ нѣжнымъ чувствамъ
Вдохновенный Фетъ.

1889 г., январь.

* * *

Когда въ душѣ своей лелѣялъ
Я поэтическіе сны,
Надъ ними свѣтъ горѣлъ, и вѣялъ
Зефиръ застѣнчивый весны.
Они, какъ перлы въ безднѣ моря,
Таились въ сумракѣ души.
Они, страшася зла и горя,
Съ земными звуками не споря,
Такъ были дивно хороши!
Но только силой вдохновенья
Я въ пѣсни сны свои облекъ,—
Ихъ міра шумное теченье
Пріяло въ бѣшеный потокъ.
Земля ихъ страстью опахнула,
Земля ихъ смяла и сожгла
И въ вихрѣ пестраго разгула
Въ водоворотъ свой повлекла.
Но не для нихъ земли тревога!..
Ихъ безмятежный хороводъ
Остановился у порога
Земнаго, тлѣннаго чертога
И смотритъ въ даль родныхъ высотъ.

1889 г.

*
* *

Мнѣ снилася она, кого боятся всѣ,
Кто шумный міръ страшитъ загадкой роковою...
Она пришла ко мнѣ въ задумчивой красѣ,
Пучокъ могильныхъ травъ желтѣлъ въ ея косѣ
И шлейфъ ея вился атласною змѣею...
Она мнѣ подала отравленный фіалъ,
Послѣдній мой бокалъ—и чокнулась со мною,—
И въ сладкомъ трепетѣ предъ нею я упалъ,
И міръ благословилъ, и горько зарыдалъ,
Съ безмолвной вѣчностью сливаяся душою.
Но въ этотъ грустный мигъ, вся полная тепла,
И свѣта полная, лучиста и прекрасна,
Весна румяная съ улыбкой подошла,—
Отравленный фіалъ изъ рукъ моихъ взяла
И улыбнулася мнѣ ясно!

ХУДОЖНИКЪ.

(Посвящается И. Е. Рѣпину).

Онъ мертвый холстъ волшебно оживлялъ
Послушной кистью передъ нами...
Мы видѣли моря и кручи темныхъ скалъ,
И стаи облаковъ, играющихъ съ волнами.
Исполненъ творчества, покорствуя мечтамъ,
Онъ всюду проникалъ своимъ духовнымъ взоромъ,
И снова открывалъ испуганнымъ очамъ,—
Что вѣчность навсегда для насъ закрыла флеромъ...
Подъ кистью властною вставали изъ гробницъ
Цари, томимые раскаяньемъ невольнымъ,
Пророки блѣдные, склонившіеся ницъ
Передъ святынями въ восторгѣ богомольномъ.
Мы казни видѣли и видѣли пиры
И кельи темныя отшельниковъ унылыхъ,
Въ затишьи шумныхъ битвъ зажженные костры,
И вдовъ заплаканныхъ на родственныхъ могилахъ,
Предъ нами умиралъ царевичъ молодой,
Родительскимъ мечемъ до времени сраженный,
И клялся, и скорбѣлъ передъ печальной донной
Жуанъ, волнуемый и страстью и тоской.
Мы видѣли въ цѣпяхъ смиренныхъ христіанъ
И грубыхъ палачей съ кровавыми мечами;
Мы видѣли пѣвца: надъ звучными волнами
Стоялъ онъ звучными мечтами осіянъ.
. . . . . .

* * *

Я сидѣлъ у окна, я смотрѣлъ въ полутьму,
Въ задремавшій, росою, обрызганный садъ;
Я смотрѣлъ, какъ, зеленыхъ вѣтвей бахрому
Наклоняя, березы безмолвно грустятъ,
Какъ чуть зыблились маковки трепетныхъ вербъ,
И какъ въ блѣдной далекой лазури небесъ
Выплывалъ и яснѣлъ грустный мѣсяца серпъ,
Наполняя мнѣ сердце игрою чудесъ.
Я сидѣлъ у окна—и смотрѣлъ въ полутьму,
И не знаю—взгрустнулося мнѣ почему,
И не знаю—зачѣмъ непонятный восторгъ
Изъ мятежнаго сердца созвучья исторгъ...

NOCTURNO.

Не мечты ли мнѣ напѣли
Этотъ бредъ и этотъ сонъ...
Иль въ ту ночь на самомъ дѣлѣ
Былъ я боленъ и влюбленъ...
Я горѣлъ; писалъ безумно
И написанное рвалъ;
Открывалъ окно безшумно,
Открывалъ и закрывалъ.
Выходилъ, дрожа волненьемъ,
На балконъ и на крыльцо.
Ночь душистымъ дуновеньемъ
Обвѣвала мнѣ лицо.
Точно блескомъ лунной пыли
Былъ осыпанъ влажный садъ
И цвѣты лунѣ кадили
Какъ богинѣ ароматъ.
Я глядѣлъ... пылали очи...
Точно самъ я былъ творцомъ
Этихъ звѣздъ и этой ночи,
Серебрящейся кругомъ;
Точно самъ растенья эти
Я росою напоилъ,
Точно я одинъ на свѣтѣ
Плакалъ, мыслилъ и любилъ!...

ЭТО ТЫ.

Ночь. Одинъ я, но со мною
Кто-то нѣжный въ тишинѣ
Жизнью дышетъ неземною...
Ты ли, спящій подъ землею
Другъ, сопутствующій мнѣ?
— Это ты?.. Но нѣтъ отвѣта.
Безучастной темнотой
Ночь какъ саваномъ одѣта...
Только слышу снова гдѣ-то
Робкій вздохъ... и звукъ живой.
— Это ты?.. На стеклахъ оконъ
Тѣнь трепещетъ отъ вѣтвей,
Точно чей-то темный локонъ...
Мракъ на небѣ... какъ глубокъ онъ!
Сколько скрыто въ немъ ночей!
— Это ты?.. опять ни звука,
Только въ мірѣ темноты
Все больнѣй съ тобой разлука,
Все страшнѣе сердца мука
И отвѣтъ въ немъ: это ты!

1889 г.

ТАИНСТВЕННОМУ ДРУГУ.

Мой другъ таинственный, ты мнѣ еще невѣдомъ,
Но я знакомъ тебѣ; за мной ты ходишь слѣдомъ,
Ко мнѣ сочувствіе въ душѣ своей тая,
Мой каждый видишь шагъ на играхъ бытія.
Годъ, ровно годъ истекъ съ тѣхъ поръ, какъ ты прислалъ
Мнѣ въ даръ стихи пѣвца любимаго всѣмъ свѣтомъ
И этотъ даръ мнѣ былъ торжественнымъ привѣтомъ
Заочной почести и льстящихъ мнѣ похвалъ.
А нынѣ, празднуя годину дружбы тайной,
Мнѣ шлешь посланіе—въ немъ тонъ необычайный,
Упреки,—полные и власти, и тоски,—
Которые зовемъ мы дружескимъ вниманьемъ.
Я пораженъ тобой; я изумленъ посланьемъ,—
Ты въ немъ клянешься мнѣ до гробовой доски
Слѣдить вездѣ, всегда; считать мои ошибки...
Будить раскаянье угрозой хочешь ты...
Твое посланіе мнѣ близко какъ мечты;
Въ немъ слезы ангела и демона улыбки,
Въ немъ око совѣсти и голосъ правоты...
Но кто же, кто ты самъ? Зачѣмъ тебя тревожитъ
Больная жизнь моя? Зачѣмъ ты только звукъ!..
Зачѣмъ же твой приходъ мнѣ радость не умножитъ?
Я, глядя на друзей,—тебя ищу вокругъ...
Ты въ нѣжномъ ихъ кружкѣ всѣхъ искреннѣй быть можетъ!..
Приди же, сбрось туманъ... Я вѣрю: ты мнѣ другъ!

1889 г.

ВЪ СУМЕРКАХЪ ВЕСЕННИХЪ.

Какая грусть! Прозрачный сумракъ блѣденъ,
Вечерняя лазурь озарена
Прощальнымъ свѣтомъ алаго заката ..
Какъ грустно мнѣ! Какъ я душою бѣденъ
И какъ свѣтла прекрасная весна,
Какъ чарами, какъ жизнію богата!

Въ моей душѣ, какъ поздніе цвѣты,
Осыпалися раннихъ грезъ видѣнья,
Оставивъ мнѣ раскаянья недугъ,
И не дарятъ мнѣ новыя мечты
Живой весны живыя дуновенья,—
Въ лучахъ, въ тѣняхъ плывущія вокругъ...

Унылъ и тихъ сижу я у окна.
Молюсь веснѣ, жду отъ нея чего-то!—
Встрѣчаю-ль ночь иль провожаю день?..
Блѣднѣй, блѣднѣй лазури глубина,—
Румяная въ ней гаснетъ позолота—
И стелется плѣнительная тѣнь...

Но эта тѣнь—не тѣнь моей души...
Но этотъ мракъ—не мракъ моей печали—
Онъ не волненья—тихій шлетъ покой,—
Онъ, какъ цвѣты, бросаетъ намъ въ тиши
Рой свѣтлыхъ сновъ... Онъ вновь ростаетъ въ дали
Едва земля увидится съ зарей!..

1889 г., мартъ.

Чертогъ фантазій искрометныхъ,
Жилище пѣсенъ и боговъ,—
Не видно мнѣ твоихъ привѣтныхъ,
Твоихъ лазоревыхъ цвѣтовъ!

Твои огни налётомъ бури
Давнымъ-давно погашены,
И отлетѣли въ глубь лазури
Твои задумчивые сны.

На стѣнахъ стёрлась позолота
И полинялъ на тканяхъ шёлкъ,
И шумъ пѣвучій водомёта,
Какъ-бы испуганный, умолкъ.

И на твоихъ руинахъ тёмныхъ,
Еще кочуя до сихъ поръ,
Толпа жрецовъ твоихъ бездомныхъ
Напрасно ищетъ свой шатёръ,—

Напрасно плачетъ—и слезами
Кропитъ засохшіе цвѣты,
И охлажденными устами,
Зоветъ погибшія мечты!

СТАРАЯ МУЗЫКАНТША.

Она стара, она поблекла,
Въ туманныхъ взорахъ нѣтъ огня,—
Очковъ внимательныя стекла
Глядятъ уныло на меня.
Докучной старости ненастье
Какъ осень стелется надъ ней
И дальнимъ солнцемъ блещетъ счастье
Въ воспоминаньи прежнихъ дней.
Какъ я люблю, когда жеманно,
Быть можетъ прожитымъ горда,
Она подходитъ къ фортепьяно,
На мигъ свѣтла и молода.
Такъ лѣсъ безмолвный въ дни дремоты
Встаетъ, едва блеснетъ весна...
Подниметъ пультъ, раскроетъ ноты—
И оживилася она!
Какъ будто призракъ чей-то снова
Ей улыбается вдали.
Коснулась клавишъ,—съ устъ ни слова,—
Но что за звуки потекли!
Въ нихъ нѣтъ мелодій сладкогласныхъ—
Затѣй возвышенныхъ искусствъ,

За то какъ много сновъ прекрасныхъ,
Простыхъ, забытыхъ нами, чувствъ.
Аккорды стонутъ и рыдаютъ...
Ея проворные персты
По желтымъ клавишамъ порхаютъ
И будятъ тайныя мечты:
Мнѣ снится осень... лѣсъ дрожащій,
Почившій въ стужѣ и тѣни
И сквозь рѣдѣющія чащи
Селеній поздніе огни...

Я ЗНАЛЪ.

Я зналъ весну; она въ румяномъ блескѣ
Про свѣтъ и жизнь тепло шептала мнѣ;
Откинувъ ткань кисейной занавѣски
Какъ свѣтлый сонъ бѣлѣлася въ окнѣ;
Она порой при гаснущей лампадѣ
Внимала мнѣ, свой чуткій слухъ склоня...
Она любовь сулила въ каждомъ взглядѣ,—
Но та весна далеко отъ меня...

Я призракъ зналъ; не яркимъ одѣяньемъ,
Не красотой къ себѣ онъ привлекалъ,
Его черты дышали состраданьемъ,
Онъ все любилъ и все благословлялъ...
Въ дни первыхъ грезъ, смиряя гнѣвъ и ропотъ,
Внушалъ онъ стихъ невинный и простой...
Но только въ дверь лукаво стукнулъ опытъ,—
Онъ улетѣлъ—и нѣтъ его со мной!

Я зналъ любовь и жажду наслажденья,
И зналъ мечты возвышенный восторгъ...
И все ушло... но жадный мракъ забвенья
Угасшихъ лѣтъ изъ сердца не исторгъ.
Они живутъ, какъ сонъ воспоминанья;
Я ихъ не разъ въ созвучья облекалъ...
Въ нихъ радости и первыя страданья...
Я ихъ люблю, я ихъ когда-то зналъ!

НА ЗАРѢ ЛЮБВИ.

(Посвящается Л. К. Ф—ой).

I.

Пятнадцать лѣтъ минуло ей весной.
Ея душа исполнилася смутной
Какъ вешній сонъ задумчивой тоской;
Тревожилъ сердце страхъ ежеминутный.
Ей снилося, что съ жизнью и съ землей
Разстанется... И блѣдной, безпріютной
Она бродила въ рощахъ и лугахъ
То съ робостью, то съ томностью въ очахъ.

II.

Ей снилися нерадостные сны,—
Забытыя кладбища и бурьяномъ
Поросшія могилы; тишины
Исполненные склепы; въ бездыханномъ
Величіи покойники. Луны
Небесный ликъ болѣзненнымъ и страннымъ
Казался ей... И въ сумракѣ одна
Боялася задуматься она.

III.

Не разъ, волнуясь безпокойнымъ сномъ,
Она постель въ испугѣ покидала.

Молилася и трепетнымъ перстомъ
Нагаръ съ лампадки гаснущей срывала,
И, робко оглядѣвшися кругомъ,
Ложилася—и снова засыпала.
И снился ей какой-то чудный садъ;
Густыхъ аллей меланхоличный рядъ.

IV.

Тамъ алый свѣтъ вершины золотилъ,
Въ кустахъ, журча, клубилися каскады;
Тамъ сонмъ тѣней туманныхъ проходилъ
И какъ трава шуршали ихъ наряды.
И между нихъ, звеня размахомъ крылъ,
Потупивши застѣнчивые взгляды,—
Рой ангеловъ медлительно порхалъ—
И лиліи, и звѣзды разсыпалъ.

V.

Ее смущалъ неясный очеркъ лицъ
Дѣвически-прекрасныхъ и стыдливыхъ...
И нѣжный сонъ сбѣгалъ съ ея рѣсницъ
И вотъ она въ страданіяхъ пугливыхъ,
Свой райскій сонъ принявъ за міръ гробницъ,
Вновь плакала въ разсвѣтѣ дней счастливыхъ,
Но къ ней не смерть стучалась, а любви
Живой разсвѣтъ забрезжившій въ крови...

1889 г.

ЖАНО.

(Посвящается А. В. Колмакову).

Вы, незнавшіе печали,
Въ чашахъ видѣвшіе дно.
Вы, конечно, ужъ встрѣчали.
Бѣлокурую Жано!—
Это милое созданье
Съ бѣлой розой въ волосахъ,
Вы встрѣчали на пирахъ—
Эта та, чье обаянье
Юныхъ дней благоуханье
Пробуждаетъ въ старикахъ!

Ничего нѣтъ у Жано,
Все заложено давно,
Все до нитки... кромѣ платья.
Кромѣ теплаго объятья—
Ничего нѣтъ у Жано!
И кружится по паркету
Ей свободно на балахъ.
Но сказать ли по секрету,
Къ ней присватался надняхъ
Тотъ артистъ, гуляка страшный,
Легковѣрный, безшабашный

И влюбленный впопыхахъ,
Тотъ, кто съ кистью и палитрой
Бродитъ утромъ на зарѣ,
Въ часъ, когда туманной митрой
Боръ синѣетъ на горѣ
И въ румяномъ янтарѣ
Рдѣютъ зыбкія озёра
И дрожатъ слезинки бора
На березовой корѣ;
Тотъ, кто радугою красокъ
Мертвый холстъ животворитъ...
Тотъ любитель винъ и плясокъ
Изъ безпечныхъ волокитъ,
Тотъ, при комъ всегда попойка
Упоительно и бойко
Зимнимъ вечеромъ летитъ...
Онъ влюбленъ; съ Жано онъ пишетъ
И вакханокъ и мадоннъ.
И ни мало не смущенъ,
Что Мадонна страстью дышетъ.
Посмотрите на холсты—
Въ каждомъ милыя черты!
Здѣсь Жано полунагая
Межъ сатировъ возлежитъ,
Здѣсь Жано на мраморъ плитъ
Входитъ, ризами сверкая.
Здѣсь подъ сводами аркадъ
Спитъ въ гробу она безгласно,
Здѣсь, мечтая сладострастно,
Жадно смотритъ въ темный садъ...

Но одно есть полотно,
Только тронуто оно:
Тамъ Жано съ огнемъ въ очахъ
Съ наклоненной головою
Тихо шествуетъ къ налою
Въ бѣломъ тюлѣ и цвѣтахъ.
Но что странно и темно —
Молвятъ, это полотно
Не допишется отнынѣ...
Если слушать намъ молву:
Несвершенное въ картинѣ
Совершится на яву!..
Вы, съ безпечностью поэта
Осушавшіе вино,
Вы, рожденные для свѣта,—
Что вы скажете на это—
Будетъ счастлива-ль Жано?..

— XI —

ВѢЧНАЯ БОРЬБА.

(Драматическій отрывокъ).

Воздушное пространство. Звѣзды падаютъ, блистаютъ молніи. Хаосъ и мракъ. Проносятся Смерть и Сатана).

Смерть.

Давно ты ждалъ, чтобъ міръ передъ тобой
Упалъ во прахъ!.. Ликуй и веселися,—
Онъ рухнулъ весь; хвосты его кометъ
Перемѣшались съ языками молній!
И небеса безгрѣшныя его
Съ грѣховною землею сочетались!..
Ликуй и пой!..

Сатана.

Я радъ, что волны мрака
Весь шумъ и чадъ лучистый мірозданья
Побѣдно захлестнули... но зачѣмъ же
Надъ хаосомъ блуждаютъ эти два
Туманныя, лазурныя пятна?..
Что надо имъ?..

Смерть.

То—призраки, какъ мы...

Сатана.

Но мы темны, какъ око властной тьмы,
Они же блещутъ... О, развѣй скорѣе
Ихъ блѣдное мерцанье! Потуши
Туманъ прозрачный ихъ... Смотри: все ближе
Они плывутъ!.. Дохни на нихъ скорѣе!..

Смерть.

Не властна я надъ ними; только то
Покорно мнѣ, что время и пространство
Созиждило, что вѣсъ въ себѣ имѣетъ.
А эти пятна блѣдныя, какъ тѣни,
Измѣнчивы и ткань ихъ легче струй
Безцвѣтнаго эфира... Я не властна
Надъ ними: кто, откуда и куда
Плывутъ сни—не знаю я! Быть можетъ,
Сны міровданья это, иль послѣдній
Миражъ лучей, который самъ собою
Исчезнетъ въ мракѣ вѣчности!..

Сатана.

Смотри:

Все ближе, ближе эти пятна къ намъ.
Они слѣпятъ меня своимъ мерцаньемъ...
Бѣжимъ отъ нихъ скорѣе въ мракъ беззвучный..

(Сатана и Смерть исчезаютъ во мракѣ. Выплываютъ лучезарными облаками Любовь и Поэзія).

Любовь.

Могла ли думать я о разрушеньи
И гибели живущаго, сплетая
Алмазные лучи созвѣздій стройныхъ

Въ гирлянды неба, а сердца людей
Въ безсмертную гармонію сливая!
Когда меня злодѣи и пигмеи
Старались задушить—я выползала
Побѣгомъ свѣжимъ межъ обломковъ мшистыхъ,
Меня пожравшихъ пастью гробовою.
Я выползала мощною и бодрой
И алый стягъ побѣдно водружала
Надъ грудою холодною руинъ.
И все, что было юнаго въ природѣ,
Что билося для правды и добра —
Все, все ко мнѣ, подъ мой могучій стягъ
Стремилося, алкая и страдая!..

Поэзія.

Но гдѣ-жъ теперь намъ тронъ свой воздвигать,
Гдѣ развѣвать призывныя знамена.
Кому служить, кого намъ волновать?
Мой міръ погибъ—и твой погибъ на вѣки!
Мои цвѣты засохли отъ дыханья
Смертельныхъ грозъ—и яркіе огни
На пиршествѣ моемъ давно погасли,
Какъ свѣтляки въ часъ синяго утра.
И нѣтъ гостей—погибли гости пира!
Кому мнѣ пѣть, кого мнѣ восхищать?

Любовь.

Не плачь, сестра! Мы соберемъ обломки,
Мы соберемъ оставшіяся искры
Потухшихъ звѣздъ; холодныя планеты
Мы раскалимъ опять своимъ дыханьемъ,
И вновь ихъ ткань, согрѣвшись, оживетъ!

На нихъ лѣса, синѣя, затрепещутъ
И океанъ подыметъ гребни волнъ,
И легкихъ птицъ живые хороводы
Въ эфиръ направятъ радостный полетъ...
И будетъ день и будетъ ночь. И снова
Къ мечтателю мы въ келью проберемся
И сядемъ съ нимъ безмолвно у окна
Въ часъ алаго, вечерняго заката!
И снова мы подъ пышною черешней
Сольемъ уста въ согласное лобзанье,
И снова мы воздвигнемъ алтари
Въ честь вѣчныхъ сновъ, въ честь братства, въ честь себя!

(Поэзія и Любовь, разгораясь, уплываютъ, на пути оставляя струи свѣта. Сатана и Смерть).

Сатана.

О, посмотри: въ обломкахъ тлѣнныхъ міра
Вновь зыблются для жизни сѣмена...
Смотри: огонь всесильный міровданья
Еще все тлѣетъ межъ сѣдыхъ развалинъ
И я боюсь, чтобъ вновь не разгорѣлся...
Смотри: въ волнѣ лучистыхъ облаковъ
Прильнули звѣзды и, кружась, за ними
Уже плывутъ!..

* * *

рожащій блескъ звѣзды вечерней
И чары вешнія земли
Въ былые годы суевѣрнѣй
Мнѣ сердце тронуть бы могли.
А нынѣ сумракъ этотъ бѣлый
И этихъ звѣздъ огонь несмѣлый,
И благовонныхъ яблонь цвѣтъ,
И шелестъ брезжущій по саду,—
Какъ блѣдный призракъ прошлыхъ лѣтъ,—
Темно и грустно блещутъ взгляду.
Хочу къ былому я воззвать,
Чтобъ вновь вѣрнѣй имъ насладиться;
Сны молодые попытать,
Любви забытой помолиться!..

На землѣ всё грустно иль смѣшно;
Не любить намъ страстно и глубоко.
Небеса осмѣяны давно,
А земля поругана жестоко.
Міръ погибъ въ зачатьи роковомъ,
Смерть его таилася въ рожденьи.
Онъ живетъ въ безуміи слѣпомъ,
И упретъ, безумствуя, на тлѣнье.

Я вѣрю въ то давно глубоко,
Что безконечно и прекрасно.
Пускай его не видитъ око,
Но сердцу все въ немъ свѣтитъ ясно.
Имъ всѣ міры полны отъ вѣка
И дышутъ имъ созвѣздій зерна;
Слѣпая воля человѣка
Ему подвластна и покорна.
Но власть его не зло, не бремя,
И жизнь его не сонъ страданья.
Вся наша вѣчность, наше время
Лишь слабый вздохъ его дыханья.
Мы мигъ живемъ и мигъ блистаемъ,
Но жизни рушится препона—
И блѣдной каплей упадаемъ
Въ его недремлющее лоно.
И снова мощное теченье
Его волны непостоянной
Насъ извлекаетъ изъ забвенья
Для жизни знойной и туманной.
Такъ обтекая мірозданье
По волѣ вѣчнаго закона,—
Мы бродимъ сномъ воспоминанья
Его недремлющаго лона...

ЭЛЕГІЯ.

Былъ вечеръ блѣдный и сырой.
Деревья въ дремотной печали
Листы послѣдніе роняли,
И полумѣсяцъ золотой
Межъ облаковъ кудрявыхъ, мирно
Какъ челнъ скользилъ во мглѣ эфирной.
Цвѣтовъ обвѣтрившихся хоръ
Слѣдилъ въ агоніи за тучей,—
И принималъ ихъ робкій взоръ
Падучій листъ за метеоръ
И метеоръ—за листъ падучій!
Я былъ одинъ въ тиши аллей
И въ тайникѣ души моей
Казалось юность умирала;
Она прощалася со мной
И умирающей зарей
Меня тепло благословляла.
Послѣднихъ ласкъ, послѣднихъ нѣгъ
Я отъ нея просилъ, рыдая,
Какъ первобытный человѣкъ
У вратъ потерянаго рая...

*
* *

Во дни ликующаго мая
Побѣду празднуетъ весна,
Зарницы бѣлыя роняя
Проходитъ томная она
И въ полѣ, и въ прозрачной рощи
Среди обвѣтренныхъ кустовъ—
И вотъ лѣсовъ сухія мощи
Одѣлись въ праздничный покровъ.
Ручьи расторгли плѣнъ докучный
И прилетѣли соловьи,
И шумъ волны съ ихъ пѣсней звучной
Слился въ одинъ аккордъ любви.
По утру съ первыми лучами
Слышна пастушечья свирѣль;
Надъ полемъ жаворонка трель
И звонъ пчелы надъ цвѣтниками...
Вездѣ весна съ улыбкой бродитъ,
Плететъ созвучья и вѣнки...
Но вотъ исполнена тоски
Къ оврагу темному подходитъ—
И видитъ въ немъ, на влажномъ днѣ,
Бѣлѣетъ глыба снѣговая,
При пѣньи птицъ, при ясномъ днѣ
Морозъ и смерть напоминая.

И сѣнь широкая вѣтвей
Дубовъ склоненныхъ надъ оврагомъ,
Какъ бы весны зеленымъ стягомъ,
Ее хоронитъ отъ лучей.
И тяжело весна вздохнула
И рать косматую дубовъ
Она впервые упрекнула
За лицемѣрный ихъ покровъ.
Она шептала: «Что гнала я,
Съ чѣмъ я боролась свѣтомъ дня,—
Мои созданья, расцвѣтая,
Теперь спасаютъ отъ меня!..»

СКОРО НЕ БУДЕТЪ НОЧЕЙ.

Скоро не будетъ ночей. Серебристыя тѣни
Станутъ уныло окутывать городъ больной
И за оградой садовъ почки раскроютъ сирени
И опушатся березы зеленой своей бахромой.
Весь очарованный нѣжной мечтой и печалью,
За городъ, въ рощи, пойду—буду смотрѣть на закатъ,
Буду слѣдить, какъ луна встанетъ надъ синею далью,
Или къ кладбищу пойду, тайной тревогой объятъ.
Между склоненныхъ крестовъ, мавзолеевъ огромныхъ,
Близкія сердцу могилы сыщу, гдѣ лежатъ
Бренныя кости покойниковъ честныхъ и скромныхъ,
Гдѣ безвременно спитъ незабвенный и нѣжный мой брать,—
Тихо простые вѣнки возложу я на холмы надгробные ихъ,
Сумракъ кладбища пугая, съ теплой тоскою шепну:
«Тѣни! Я васъ не забылъ въ тревожныхъ заботахъ своихъ;
Вѣсть о веснѣ вамъ принесъ, празднуя снова весну!»

ЭЛЕГІЯ.

Тяжело, милый другъ, вѣчно мыслить и мыслить.
Вхожу ли
Въ лѣсъ темнокудрый, гдѣ сыростью пахнетъ грибною,
Гдѣ рѣзвыя птицы щебечутъ по вѣткамъ порхая,—
Тяжкая мысль не даетъ наслаждаться—и мыслишь:
«Сколько кудрявыхъ деревьевъ пойдетъ на топливо.
Сколько пойдетъ на строенья людскія и сколько
Будетъ печальныхъ гробовъ изъ этихъ стволовъ-вели-
кановъ?..

Къ нивамъ ли желтымъ придешь, гдѣ рожь золотистая
дремлетъ,
Гдѣ голубой василекъ, ночью звѣзду подсмотрѣвъ.
Къ утру, смѣяся, звѣздой самъ наряжается ярко,—
Думаешь: сколько заботъ, сколько труда земледѣльцу
Было надъ этой живой скатертью новаго хлѣба!
Сколько лукавыхъ и злыхъ будутъ питать эти зерна,
Какою ужасной цѣной купятъ иные свой хлѣбъ!

Къ синему-ль морю приду, гдѣ небо склонилося къ
волнамъ
Подслушать ихъ рокотъ,—я думаю: сколько несчастныхъ
Здѣсь, въ этой темной пучинѣ, и сколько сокровищъ!

Думаю: будетъ пора—высохнетъ море—исчезнетъ;
Дно обнажится его—и люди селиться начнутъ
Тамъ, гдѣ ютилися рыбы, да камни дремали, какъ ризой
Тиной косматой одѣты... И грустно мнѣ станетъ, такъ
грустно!..

Въ городъ ли шумный войду---посмотрю на движенье,
На пестрые камни жилищъ, на поспѣшныхъ прохожихъ,—
и мыслю.
Вѣкъ, только вѣкъ протекетъ—никого изъ живущихъ
не будетъ,
Въ очередь каждаго смерть скоситъ медлительно ровно,
Всѣ подъ землею уснутъ, не зная зачѣмъ суетились...
Тяжко, мой другъ, вѣчно мыслить!.. Но все же я весъ
цѣпенѣю
При горькомъ сознаньи, что мысли теченье прервется!..

КУКУШКА.

Гаснетъ вечеръ, гаснетъ небо
Въ блѣдномъ золотѣ лучей.
Вѣетъ тихою печалью
Отъ безлиственныхъ аллей.

Даль пронизана туманомъ
Точно пылью голубой,
Пахнетъ свѣжею травою
И увядшею листвой.

Все полно безмолвной нѣги,
Только въ зелени сосны,
Будто медленные стоны,
Звуки мѣрные слышны,—

То встрѣчая праздникъ мая
Въ ароматной тишинѣ,
Одинокая кукушка
Объ иной груститъ веснѣ.

Я люблю ея глухое,
Похоронное ку-ку;
Въ немъ я слышу наши слезы,
Нашу вѣчную тоску.

И обычай суевѣрный
Наблюдая по веснѣ,
Я шепчу лѣсной кукушкѣ:
«Сколько жить осталось мнѣ?»

И пророчица-кукушка
Съ безмятежною тоской,
Точно слезы, сыплетъ годы.
Сыплетъ звуки надо мной.

Я считаю ихъ прилежно:
Десять... двадцать... тридцать лѣтъ!..
Нѣтъ, кукушка, ты ошиблась,
Льстивъ и ложенъ твой отвѣтъ.

Неужель еще такъ много
Дней печали и борьбы,
Дней тревожныхъ увлеченій
Въ тайникахъ моей судьбы?

Неужель еще придется
Мнѣ оплакивать друзей,
Чье участье сердце грѣло
На разсвѣтѣ юныхъ дней.

Нѣтъ, кукушка, ты ошиблась!
Жизнь вначалѣ хороша,
Въ дни, когда кипитъ восторгомъ
Окрыленная душа.

Но не сладко встрѣтить старость,
Чтобъ утраты вспоминать
И какъ ты въ своей печали
Къ одиночеству взывать!..

1889 г. Май.
Царское Село.

ПЕРЕДЪ ВЗОРОМЪ НОЧИ.

Погасъ послѣдній лучъ на дымчатой каймѣ
Пловучихъ облаковъ; въ неясной полутьмѣ
Одинъ я. Ночь глядитъ стеклянными очами
Мнѣ въ душу—и молчитъ; обвѣянный мечтами
Я передъ нею самъ застѣнчиво молчу,
Ославъ прощальный взоръ послѣднему лучу.
Гляжу и слушаю я, ночь не понимая,—
Она передо мной, какъ дѣва восковая,
Безъ жизни, безъ огня, нѣма и холодна...
Я не пойму ее, и не пойметъ она
Ни вздоха моего, ни пѣсни, ни порыва...
Я ложью жизни полнъ; она собою лжива.
И что мнѣ мракъ ея? и что ей мой укоръ!
Такъ сфинксы, обративъ другъ къ другу мертвый взоръ,
Глядятъ загадочно, себя не понимая,
А вкругъ ихъ стелется пустыня голубая
И ропщущій самумъ въ таинственную даль
Летитъ, не утишивъ ихъ праздную печаль.

* * *

Еще дрожитъ послѣдняя слеза
Въ моихъ очахъ, въ моемъ потухшемъ взорѣ,
Но пронеслась суровая гроза
И улеглось рыдающее горе.
Еще дрожитъ печальная струна;
Но скорби пѣснь послѣдняя ужъ спѣта.
Опять душа спокойствія полна
И холодно внимаетъ шуму свѣта.
Лишь въ сонмѣ грезъ, какъ въ бѣлыхъ облакахъ
Ночныхъ зарницъ невѣрное блистанье,
Сіяетъ мнѣ въ измѣнчивыхъ мечтахъ
Тяжелое души воспоминанье...

ВСЕ ТО ЖЕ.

Ты сказала мнѣ: «какъ скучно
«Нынче пишутъ всѣ поэты;
«И у этого печалью
«Переполнены сонеты.
«Тѣ же грезы, тѣ же риѳмы!..
«Все сирени... да сирени!»...
И, зѣвая, опустила
Книгу пѣсенъ на колѣни.
А надъ нами въ это время
Горячо лазурь сверкала;
На пескѣ узорной сѣткой
Тѣнь отъ вѣтокъ трепетала.
Въ кленахъ зыбью золотистой
Блескъ мигалъ, играя съ тѣнью,
Пахло липами и медомъ,
И цвѣтущею сиренью.
И сказалъ тебѣ я: «видишь
«Какъ прекрасны чары лѣта,
«Но стары онѣ, какъ вѣчность,
«Какъ фантазія поэта.

«И, неправда ли, намъ съ дѣтства
«Такъ настойчиво знакомы
«Птицы, шелестъ, ароматы,
«Тучъ кудрявые изломы.
«А взгляни ты ночью въ небо,
«Въ эту книгу Саваова,—
«Все, что предки прочитали,
«Тамъ прочтешь ты слово въ слово!
«Ты увидишь тѣ же звѣзды—
«И поймешь разсудокъ бренный,
«Какъ мы гордые ничтожны
«Передъ бездною вселенной!»...

1889 г. Май.

МЕЧТА.

Дрожитъ ли зыбь сребристаго ручья,
Сверкаетъ ли вечерняя зарница,
Шумитъ ли лѣсъ, иль пѣсня соловья
Гремитъ въ кустахъ,—вездѣ мечта моя
Найдетъ пріютъ, какъ властная царица.

Она живетъ съ природой заодно;
Она въ ручьѣ купается наядой—
И ложе ей изъ мховъ цвѣтущихъ дно...
Ей все любить, ей все понять дано,
Чтобъ пролетѣть мгновенною усладой:

Чтобы на мигъ блеснуть въ душѣ моей
И озарить улыбкой суевѣрной
Холодный мракъ моихъ печальныхъ дней,
Чтобъ исцѣлить минутный ядъ страстей
И скрасить жизнь красою лицемѣрной...

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Исчезъ надеждъ веселый сонъ
Какъ дымъ, какъ утро золотое—
И я печально пробужденъ,
Заслышавъ пиршество мірское.
Толпа шумитъ, толпа поетъ,
Хлопочетъ,—трапезы готовитъ...
Бранится, споритъ и злословитъ
Въ чаду разгула и заботъ.
Ее не радуетъ убранство
Свѣтилъ и неба и морей;
Природы вѣчной постоянство
Смѣшно для вѣтреныхъ людей.
Они сковали всю природу
Мгновенной цѣпью суеты;
Поработили землю, воду,
Лѣса и камни и цвѣты...
И побѣжденная природа
Лежитъ какъ рабъ у смертныхъ ногъ.
И тотъ, кому мила свобода,
Кто убѣжитъ отъ зла тревогъ,

Разцвѣсть душой, вздохнуть всей грудью.
Отдаться грезамъ и безлюдью,—
Толпа столкнетъ его съ пути;
Отъ сновъ плѣнительныхъ разбудитъ
И засмѣется, и принудитъ
За нею въ мракъ ея пойти...

СОНЕТЪ.

Горятъ надъ землею, плывущіе стройно,
Алмазныя зерна міровъ безконечныхъ.
Мнѣ грустно, хотѣлъ бы забыться спокойно
Въ мечтаніяхъ тихихъ, въ мечтаньяхъ безпечныхъ.

Молиться теперь бы,—молиться нѣтъ силы;
Заплакать бы надо—заплакать нѣтъ мочи—
И вѣетъ въ душѣ моей холодъ могилы,
Уста запеклися и высохли очи.

Унылa заря моей жизни печальной
И отблескъ роняетъ она погребальный
На путь мой, безъ радости пройденный путь.

И сѣтуетъ совѣсть больная невольно...
О, сердце разбейся! Довольно, довольно!..
Пора бы забыться, пора бы заснуть!

Въ майскихъ сумеркахъ.

I.

Этотъ розовый вечеръ
И аллеи пустынныя
Почему-то навѣяли
Мнѣ преданья старинныя;
Почему-то напомнили
Сердцу дни невозвратные,
И опять пробудилися
Сны любви благодатные,
И тоскою плѣнительной,
Какъ мечтою взволнованный,—
Улыбаюся прошлому
И стою очарованный,
И ловлю что-то нѣжное
Въ этихъ грезахъ измѣнчивыхъ,
Въ этомъ вечерѣ розовомъ
И аллеяхъ застѣнчивыхъ...

II.

Посмотри, въ кустахъ черемухи,
Кто-то ходитъ у окна...
Это тѣнь любви оплаканной,
Или блѣдная весна?

На кудряхъ ея кокошникомъ—
Полумѣсяцъ золотой,
Грудь унизана, какъ жемчугомъ,
Переливною росой.
Очи грустныя потуплены,
И повилъ румяный станъ,
Точно дымъ благоухающій,
Серебрящійся туманъ.
Кто она? Зачѣмъ явилася?
И куда меня зоветъ?
И зачѣмъ такъ обольстительно,
Такъ задумчиво поетъ!
Не несетъ-ли съ пѣснью нѣжною
Мнѣ знакомую печаль,
Не зоветъ-ли въ лучезарную,
Заколдованную даль?

Гдѣ она въ цвѣтахъ рожденная,
Сплетъ сны и чудеса,—
И землею опечаленнымъ
Открываетъ небеса...

У ПОТОКА.

Я слушалъ плескъ гремучаго потока,
Онъ сердца жаръ и страсти усыплялъ.
И мнилось мнѣ, что кто-то издалека
Прощальный гимнъ мнѣ братски посылалъ.

И мнилось мнѣ, что въ этомъ влажномъ шумѣ
Таинственно и мирно я тону
Всѣмъ бытіемъ,—какъ въ непонятной думѣ,
Клонящейся къ загадочному сну.

И тихо жизнь какъ будто отлетала
Въ безмолвную задумчивую даль,
Гдѣ сладкая баюкала печаль
И нѣжное волненье волновало...

* * *

Какъ бѣлыя версты мелькаютъ на скучной дорогѣ,
Такъ годы мелькаютъ въ томительной жизни моей.
Годы печальные, полные блѣдной тревоги,
Тихой, незримой борьбы, полные тайныхъ страстей.
Двадцать шестая весна мирно глядитъ на меня...
Слава жужжитъ, какъ пчела, жалитъ и вьется вокругъ.
Я же какъ прежде люблю молча сидѣть безъ огня,
Образы сердцемъ ловить, къ звуку нанизывать звукъ.
Тихо святая любовь мой осѣнила очагъ,—
Сердцу легко подъ ея теплымъ и свѣтлымъ крыломъ.
Но отчего же порой въ сладкомъ забвеніи благъ,
Сердце проснувшись груститъ, тайно груститъ о былomъ.
Развѣ оно не темно? развѣ въ немъ не было бѣдъ?..
Или во мракѣ его блещетъ грядущаго свѣтъ?

1888 г. Май.

* * *

Тогда звучнѣй была волна,
Тогда теплѣй луна сіяла,
Тогда лазурная весна
Благоуханнѣе дышала.
Разсвѣтъ сіялъ въ душѣ моей,
Я небесамъ не прекословилъ,
Я ждалъ подругъ, я ждалъ друзей,
Имъ гимны нѣжные готовилъ.
Теперь мутнѣй волна рѣки,
Теперь блѣднѣе мѣсяцъ томный,—
Я не прошу ни чьей руки
И ласки мертвой и заемной...
Безмолвенъ мракъ моей души,
Что грѣло—то исчезло въ дали...
И въ очарованной тиши
Я гимнъ пою своей печали.

ПИСЬМО ГЕРОЯ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ.

Вы пишете, Marie, что счастливы. Я вѣрю;
Достойнѣе меня супругъ вашъ, можетъ быть.
А я? Я перенесъ съ покорностью потерю;
Я, потерявши васъ, еще остался жить.
Но знаете-ли вы, что значитъ *жизнь*? Да, прежде
Когда-то знали вы!.. Теперь для васъ борьба,
Желанье подвиговъ, какъ всякому невѣждѣ,
Лишь громкія слова, не правда ли? Судьба
Избаловала васъ; въ стремленьи безразсудномъ
Не мечетесь!... Вы—мать, хозяйка и жена.
Вы къ пристани пришли, вы въ уголкѣ уютномъ,
Семейный вашъ очагъ ласкаетъ тишина.
У васъ богатый мужъ, покорная прислуга.
Въ постелѣ до полдня вы нѣжитесь... потомъ
Васъ тонкій завтракъ ждетъ... потомъ пріѣздъ супруга—
И вы хлопочете съ обѣденнымъ столомъ.
Зимой вы въ городѣ, а лѣтомъ вы на дачѣ,
Я думаю, теперь вы сдѣлались свѣжѣй?..
И какъ не хорошѣть, когда во всемъ удачи,
А ваше гнѣздышко такъ мило для очей:
Повсюду нѣжный шелкъ и пышныя растенья,
Картины цѣнныя подъ легкой кисеей
Ковры и зеркала, гдѣ ваше отраженье

Плѣняетъ васъ самихъ нежданной красотой,
Какъ фея на цвѣты дождите вы изъ лейки,
Срываете, смѣясь, то розу, то тюльпанъ...
По утру—трескотня веселой канарейки,
Подъ вечеръ—музыка пѣвучихъ фортепьянъ.
Не правда ль, хорошо?.. Спокойно сердце дремлетъ...
Но развѣ это жизнь? Вѣдь это блѣдный сонъ,
Позорный, жалкій сонъ, который васъ объемлетъ
Затѣмъ, чтобъ жизнь затмить, закрыть со всѣхъ сторонъ!
Вы спросите, гдѣ жизнь?. Но это вамъ извѣстно;
Къ чему мнѣ повторять, что знали вы давно...
И если вамъ теперь не душно и не тѣсно—
Я ошибался въ васъ... а мнѣ безъ васъ темно!..

. . . . . .

*
* *

Да, я безуменъ, нѣжный другъ,—
И мой таинственный недугъ
Не уврачуетъ жизнь земная;
Онъ зрѣетъ въ сердцѣ у меня,
Какъ плодъ ужасный день отъ дня
Неумолимо созрѣвая.

Напрасно дышетъ и цвѣтетъ
Вокругъ меня изъ года въ годъ
Природа прелестью зеленой...
И я стою предъ ней въ слезахъ,
Какъ искушаемый монахъ
Передъ завѣтною иконой.

Она упрекомъ роковымъ
Мнѣ сердце жжетъ—и я томимъ
Всегда раскаяньемъ невольнымъ
За свой разгулъ, за свой позоръ,
И жадно къ смерти грустный взоръ
Стремлю въ порывѣ богомольномъ.

Въ душѣ печально и темно—
Ее не радуютъ давно
Ни вдохновенье, ни свобода.
Да, я безуменъ, нѣжный другъ,
И мой невѣдомый недугъ
Не уврачуетъ вся природа...

* * *

Задумчиво на звѣзды мы смотрѣли.
Онѣ свѣтло текли...
Куда? Зачѣмъ? Къ какой пустынной цѣли?—
Понять мы не могли.
И молча мы смотрѣли, какъ дрожала
Ихъ огненная пыль,—
И намъ съ небесъ, казалося, звучала
Таинственная быль
Нѣмыхъ вѣковъ, протекшихъ безъ возврата,
Существъ живыхъ борьба,
Все, чѣмъ въ своихъ волненіяхъ богата
Вселенская судьба.
И долго мы въ ту ночь грустили тайно,
Страшила насъ любовь,
Какъ будто мы сошлись на мигъ случайно,
Чтобъ разойтися вновь...

ALTER EGO.

Я разбудилъ былого тайны
Неосторожною мечтой,—
И гость вошелъ необычайный
Ко мнѣ, мой спутникъ не случайный;
Тотъ гость былъ я, но я—другой.

Его глаза огнемъ горѣли,
Былъ блѣденъ цвѣтъ его лица—
И долго молча мы сидѣли,
Какъ будто передать хотѣли
Другъ другу мысли и сердца.

Онъ весь согрѣтъ былъ юнымъ пыломъ,
А у меня, хладѣя, кровь
Текла медлительно по жиламъ.
Онъ улыбнулся; я унылымъ
Остался, грустно хмуря бровь.

Онъ просіялъ улыбкой ясной,
Сказалъ: «отъ прошлаго поклонъ,—
Поклонъ отъ молодости страстной,
Поклонъ отъ ней,—весны прекрасной»!..
Ему отвѣтомъ былъ мой стонъ.

И онъ, припавъ ко мнѣ нѣжнѣе,
Опять шепталъ: «смотри, весна
Идетъ, какъ радостная фея.
И сѣетъ, сѣетъ не жалѣя
Для новой жатвы сѣмена.

«По небу облачныхъ волоконъ
Рой блѣдный таетъ безъ слѣда,
И мотылекъ прорвалъ свой коконъ,
И томныхъ ивъ зеленый локонъ
Склонился къ зеркалу пруда.—

«Съ весною дѣвственной воскресни,
Душой усталою воспрянь!
Тебѣ принесъ я свѣтъ и пѣсни—
Любви и молодости дань!»...

Но я молчалъ тоской волнуемъ,
Очей въ слезахъ поднять не могъ...
И вдругъ горячимъ поцѣлуемъ
Меня внезапно онъ обжегъ.—

Я посмотрѣлъ на гостя,—въ скромныхъ
Его застѣнчивыхъ очахъ
Увидѣлъ я восторгъ влюбленныхъ,
И сладкій бредъ ночей безсонныхъ,
И небо въ радужныхъ лучахъ.

Я вспомнилъ горькія ошибки,
Позоръ и страсти прежнихъ дней!—
И не сводилъ съ его улыбки
Своихъ заплаканныхъ очей.

А онъ манилъ къ небесной дали,
Туда, гдѣ гасъ вечерній лучъ,
Туда, гдѣ звѣзды проступали...
Но я шепнулъ: уйди, не мучь!

Мой гость померкъ; печалью странной
Вдругъ омрачился нѣжный взоръ;—
И онъ исчезъ—какъ паръ туманный,
Какъ вздохъ цвѣтовъ благоуханный,
Какъ мимолетный метеоръ.

И все смущенный, все безгласный
Я къ небу взоръ свой устремилъ:
Тамъ свѣтъ мерцалъ еще неясный,—
Тамъ вечеръ солнце хоронилъ!—

И, зажигаясь, проступали
Огни небесные вдали,
И съ ними, полные печали,
Вновь перемигиваться стали
Огни минутные земли...

ДУМА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

I.

Съ природою искусство сочетавъ,
Прекрасны вы, задумчивые парки;
Мнѣ милъ коверъ густыхъ, хранимыхъ травъ
И зыбкія аллей прохладныхъ арки,
Гдѣ слаще миръ мечтательныхъ забавъ,
Гдѣ тѣнь мягка и гдѣ лучи не ярки,—
Гдѣ вѣетъ все давно забытымъ сномъ
И шепчутся деревья о былomъ.

II.

Садъ, какъ вино, чѣмъ старше—тѣмъ милѣй,
Тѣмъ больше въ немъ игры и аромата,
Особенно онъ дорогъ для очей,
Когда искусство нѣсколько помято
Завистливымъ соперникомъ людей—
Природою, которая богата
Неряшествомъ и чудной красотой
И гордостью, доступной ей одной.

III.

Такихъ садовъ близь царственной Невы
Довольно есть. Сады увеселеній,—
Кумирни мелкой прессы и молвы,—
Затмили ихъ. Такъ фокусника геній
Свѣтъ разума и мудрость головы
Тмитъ мудростью лукавою движеній.
Но славу тѣхъ рѣзвящихся садовъ
Переживутъ сады большихъ дворцовъ.

IV.

Меланхоличенъ царскосельскій садъ
И тѣмъ милѣй мечтателямъ угрюмымъ;
Онъ васъ чаруетъ прелестью балладъ,
Привѣтствуетъ спокойно важнымъ шумомъ.
Въ немъ вечеромъ люблю встрѣчать закатъ,
Предавшися своимъ пѣвучимъ думамъ.
Войдемте же въ него мы; много въ немъ
И выходовъ и входовъ есть кругомъ.

V.

Ведущія въ ласкающую даль
Какъ хороши тѣнистыя аллеи!
Тамъ что ни шагъ—то будятъ въ васъ печаль
Угасшихъ лѣтъ невинныя затѣи;
То прудъ блеснетъ прозрачный какъ хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи
На васъ глядитъ, кокетливо грустя,—
Столѣтнее, бездушное дитя!

VI.

А тамъ, въ тѣни благоуханныхъ липъ
Стѣна и валъ искусственный руины,
Гдѣ блѣдный мохъ и толстогубый грибъ
Уже взросли для полноты картины.
Мы нѣчто тамъ еще встрѣчать могли-бъ,
Когда-бъ не стражъ таинственной долины.
Ютящійся въ развалинѣ съ семьей,
Не наблюдалъ за скромной чистотой.

VII.

А дальше рядъ душистыхъ цвѣтниковъ,
Подстриженныхъ акацій изгородки
И мостики надъ зеркаломъ прудовъ,
А на прудахъ—и лебеди и лодки,
И въ сумракѣ задумчивыхъ кустовъ
Печальный ликъ склонившейся красотки;
Она груститъ надъ звонкою струей,
Разбивъ кувшинъ, кувшинъ завѣтный свой.

VIII.

Она груститъ безмолвно много лѣтъ;
Изъ черепка звенитъ родникъ смиренный,
И скорбь ея воспѣлъ давно поэтъ,
И скрылся онъ, нашъ геній вдохновенный,
Другимъ пѣвцамъ оставивъ бренный свѣтъ;
А изъ кувшина струйка влаги плѣнной
По прежнему бѣжитъ не торопясь,
Храня съ былымъ таинственную связь.

IX.

О, время, время! Вѣчность родила
Тебя изъ мглы безчувственнаго лона.
Ты вдаль летишь, какъ легкая стрѣла,
И все разишь; чужда тебѣ препона!
Давно ли здѣсь кипѣла и цвѣла
Иная жизнь? У женственнаго трона
Писатели, министры и князья
Тѣснилися, какъ важная семья.

X.

То былъ разсвѣтъ и вкуса, и ума;
Отъ Запада текло къ намъ просвѣщенье.
Императрица мудрая сама,
Уставъ отъ дѣлъ, искала вдохновенья.
И роскошь модъ, какъ сладкая чума,
Объяла всѣхъ восторгомъ увлеченья,
И жизнь текла, какъ шумный карнавалъ,
И при дворѣ блисталъ за баломъ балъ.

XI.

И снится мнѣ, что ожилъ старый садъ;
Помолодѣли статуи въ немъ даже.
У входовъ стройно вытянулись въ рядъ
Затѣйливыхъ фасоновъ экипажи...
Въ аллеяхъ томныхъ вкрадчиво шумятъ...
Мелькаютъ фижмы, локоны, плюмажи...
И каламбуръ французскій заключенъ
Въ медлительный и вѣжливый поклонъ.

XII.

Огни сверкаютъ факеловъ ночныхъ,
Дрожащій свѣтъ скользитъ въ кустарникъ тощій.
Межъ гордыхъ женъ въ нарядахъ дорогихъ,
Украсившихъ искусственныя рощи,
Подобно рою бабочекъ цвѣтныхъ,—
Одна скромнѣй, привѣтнѣй всѣхъ и проще,
И бѣлое, высокое чело
Ея, какъ день безоблачный, свѣтло.

XIII.

Года прошли... Погибли всѣ давно
Подъ легкою сѣкирою Сатурна;
Всѣмъ по ровну забвеніе дано,
Но не у всѣхъ промчалася жизнь бурно.
Не каждымъ все земное свершено,
Но каждаго оплакивалась урна.
И люди вновь родились, чтобъ опять
Злословить, пѣть, влюбляться и страдать.

XIV.

Да, жизнь вѣчна, хоть бродитъ смерть кругомъ!
Не знаетъ міръ, состарившись, утраты.
На рубищѣ природы роковомъ
Мы новыя, непрочныя заплаты,—
Въ насъ даже пятна старыя притомъ:
Изъ лоскутковъ отброшенныхъ мы взяты.
Ахъ, экономна мудрость бытія:
Все новое въ ней шьется изъ старья!

XV.

И снится сонъ другой душѣ моей...
Мнѣ чудится—во мглѣ аллей старинныхъ
На радостномъ разсвѣтѣ юныхъ дней
Одинъ, весной при кликахъ лебединыхъ,
Мечтатель бродитъ. Блескъ его очей
Изъ подъ бровей густыхъ и соболиныхъ,
Загаръ лица, курчавый пухъ ланитъ,—
Все въ немъ душѣ такъ много говоритъ.

XVI.

Разсѣянно къ скамьѣ подходитъ онъ,
Съ улыбкою онъ книгу раскрываетъ;
Задумчивостью краткой омраченъ,
Не долго онъ внимательно читаетъ...
Изъ рукъ упалъ раскрытый Цицеронъ...
Поэтъ поникъ и—что-то напѣваетъ.
И вотъ, смѣясь, набросилъ на листѣ
Послушный стансъ невинной красотѣ.

XVII.

Святая тѣнь великаго пѣвца!..
Простишь ли мнѣ обманчивыя грезы?
Ужъ ты погибъ, до горькаго конца
Сокрывъ въ груди отчаянье и слезы.
Но вѣченъ лучъ нетлѣннаго вѣнца
Во тьмѣ глухой житейскихъ думъ и прозы.
И славныя могилы на землѣ,
Какъ звѣзды въ небѣ, свѣтятъ намъ во мглѣ.

XVIII.

Счастливые! Ихъ сонъ невозмутимъ;
Они ушли отъ суетнаго міра.
И слава ихъ, какъ мимолетный дымъ,
Еще пьянитъ гостей земного пира.
И зависть зло во слѣдъ смѣется имъ,
И льстивый гимнъ бренчитъ небрежно лира.
Но клевета и лесть, какъ жизнь сама,
Не тронутъ имъ ни сердца, ни ума.

XIX.

А сколько лицъ безъ славы въ глубь могилъ
Ушло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ паркъ унылый
Гостепріимно сѣнь свою раскрылъ!
Здѣсь мальчикомъ когда-то братъ мой милый
Гулялъ со мной. Разцвѣлъ и—опочилъ
Онъ, нѣжный другъ, согрѣтый юной силой,
Желавшій жить для дружбы и добра,
Онъ смертью взятъ отъ кисти и пера...

XX.

Прости, прощай, товарищъ дѣтскихъ лѣтъ!
Подъ бурями мучительнаго рока
Слабѣю я, въ глазахъ темнѣетъ свѣтъ;
Я чувствую, что срокъ мой недалеко!..
Когда въ душѣ предсмертный вспыхнетъ бредъ,
Увидитъ ли тебя больное око;
Придешь ли ты, чтобъ въ міръ тѣней вести
Усталаго на жизненномъ пути?..

Царское Село, 1889 г.

ПАДШІЙ АНГЕЛЪ.

Въ часы тоски и покаянья
Я звалъ: «духъ пѣсенъ и любви,
Приди, смири мои терзанья
И мой очагъ благослови»!
Но я въ тоскѣ своей глубокой
Напрасно звалъ его. Ко мнѣ,
Какъ день, мой геній свѣтлоокій
Не появлялся въ тишинѣ...
Я ждалъ—молилъ!... росли сомнѣнья
И думъ приливъ мятежный росъ,
Но свѣтлый геній вдохновенья
Не приносилъ желанныхъ грёзъ...
И новый, чуждый духъ дотолѣ.
Тогда предсталъ моимъ очамъ,
Рожденный для небесной доли
И павшій къ адскимъ глубинамъ,—
Какъ ночь слѣпой, какъ тайна важный,
Весь непонятныхъ звуковъ полнъ:
Плылъ въ темныхъ ризахъ шумъ протяжный,
Подобный шуму дальнихъ волнъ...

— Кто ты?

— Я сердце міросданья,
Я созданъ злобой въ дни любви,
И если хочешь дать названье—
То падшимъ ангеломъ зови!
И я гостилъ въ надзвѣдномъ мірѣ,
Въ крылатомъ сонмѣ свѣтлыхъ силъ;
Я пѣлъ молитвы въ божьемъ клирѣ—
И тѣ молитвы позабылъ!
Мнѣ было душно въ сѣни рая;
Томили райскіе цвѣты,
Благоуханьемъ опьяняя
Мои безумныя мечты.
Я бурь хотѣлъ, громовъ и молній,
Паденья, страсти и побѣдъ!
Но небо тишины безмолвнѣй,—
А въ тишинѣ мнѣ счастья нѣтъ...
Закрывъ лазурными крылами
Свой взоръ, я тягостно рыдалъ
И для земли съ ея грѣхами
Чертогъ надзвѣздный покидалъ.
И я привыкъ къ земнымъ скитаньямъ,
Всегда мятежный и больной
Дарю я сладостнымъ желаньемъ,
Томлю ужасною тоской;
Грѣховной страстью окрыляемъ
Забылъ я къ небу всѣ пути,
Да и отвергнутъ былъ бы раемъ,—
Когда бы могъ его найти!...
— Что-жъ хочешь ты?

— Хочу печали!—
Съ тобой безъ пѣсенъ раздѣлять...
Довольно оба мы страдали!—
Пора!... И тихо увлекать
Онъ сталъ меня въ свой міръ печальный.
Во мглу рыдающихъ тѣней,
Гдѣ робко замеръ стонъ прощальный,
Послѣдній стонъ души моей...

*
* *

Какъ быстро годъ прошелъ! Какъ медленные дни
Томительно текли! Какъ много разъ они,
Встрѣчая ласкою, прощались огорченьемъ,
Какъ много разъ моя душа
Кипѣла буйнымъ вдохновеньемъ,
Любить и чувствовать спѣша.
Какъ часто съ трепетнымъ и злымъ негодованьемъ
Готовъ предаться былъ я пламеннымъ рыданьямъ
И, не рыдая, тлѣлъ въ агоніи страстей!
Какъ много разъ съ судьбою споря,
Надъ бездной ужаса и горя,
Молилъ я солнца ясныхъ дней!
Но робкая судьба, какъ тусклый день, текла,
И скупо счастіе дарила,
И душу сонную томила
Кругомъ сгустившаяся мгла.
Безъ слезъ я проклиналъ, безъ злобы ненавидѣлъ,
Безъ сожалѣнія въ прошедшее смотрѣлъ,
Безъ упованія грядущее я видѣлъ
И холодно пыталъ нерадостный удѣлъ!

ОТОШЕДШИМЪ.

Отходятъ старые глашатаи свободы
Подъ своды вѣчные, подъ гробовые своды—
И лавры провожаютъ ихъ
И смерти торжеству внимаетъ скорбь живыхъ!
Они родилися въ мятущіеся годы,
Въ дни предразсудковъ роковыхъ.
Въ тѣ дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мракъ отчизны дорогой...
При нихъ порвалися гнилого рабства звенья,
Отъ нихъ повѣялъ духъ благого просвѣщенья
Надъ пробужденною страной.
Понятна ихъ борьба, разумна ихъ тревога,
Благословенъ ихъ трудный путь...
Страдая и любя, они творили много,
Ихъ есть чѣмъ помянуть!
А мы! Мы робкое, больное поколѣнье,
Смиривъ въ своихъ сердцахъ пытливое волненье,
Мы все хотимъ просить и все благословить,
Но цѣль потеряна, кумиръ давно разрушенъ...
Мы къ міру холодны, и міръ къ намъ равнодушенъ:
Мы не умѣемъ жить!

1889 г. Августъ.

ЛИСТЬЯ.

Вѣтеръ плачетъ за окномъ,
Вѣтеръ мечется и стонетъ
И невидимымъ крыломъ
Золотые листья гонитъ.
Листья падаютъ съ березъ,
Листья шумно бьютъ тревогу,—
Сердце жалобятъ до слезъ,
Сердце внемлетъ понемногу
Ихъ взволнованнымъ рѣчамъ,—
Ропщутъ листья по вѣтвямъ:
«Страшно въ сумракѣ ночномъ
Опадать съ вѣтвей родимыхъ,
Гнить и мокнуть подъ дождемъ,
Дрогнуть въ стужахъ нестерпимыхъ!
Для того ли по веснѣ
Мы цвѣли и трепетали,
Для того ли въ полуснѣ
Вѣтру сказокъ нашептали,—
Чтобъ онъ въ осень насъ сорвалъ,
Умертвилъ и разметалъ!
Ой ты, вѣтеръ неразумный,
Вѣтеръ вольный, вѣтеръ шумный!

Ты гони насъ поскорѣй
Къ волнамъ сѣверныхъ морей.
Мы разскажемъ волнамъ бѣлымъ,
Въ страхѣ, въ стужѣ посѣдѣлымъ
Все, чему весной могли
Научиться у земли.
И о чемъ и почему
Мы рыдали въ дождь и тьму—
И когда весною станутъ
Волны плыть, кочуя вдаль,—
Пусть разскажутъ, пусть помянутъ
Наши сказки и печаль!

Блаженъ кто, вѣтреннымъ успѣхомъ неплѣненъ,
Въ уединеніи проводитъ вѣкъ безвѣстный;
Изъ темной хижины глядитъ на свѣтъ небесный
И медленную жизнь влачитъ, какъ важный сонъ.
Онъ счастіе найдетъ—ему немного надо;
Онъ праздною мечтой не раздражаетъ умъ..,
За трудъ сомнительный—досугъ ему награда,
За дни безцвѣтные—веселья яркій шумъ.
Тиха его душа, чиста его молитва...
Онъ съ вѣрою бредетъ къ могилѣ не спѣша...
Но горе тѣмъ, чья жизнь—мучительная битва
И вся—порывъ любви—неспящая душа.
Онъ рано отцвѣтетъ, пытая умъ сомнѣньемъ;
Познаетъ, какъ онъ малъ въ огромномъ злѣ людей.
И жизнь его пройдетъ туманнымъ привидѣньемъ,
Угрюмой шуткою непонятыхъ страстей.
Такъ туча иногда, кочуя въ небѣ синемъ,
Несетъ прохладный дождь растеніямъ земнымъ.
Но влагу расточивъ напрасно по пустынямъ
На жгучіе пески, теряется какъ дымъ...

ВЫ НЕ ВИДАЛИ-ЛЬ...

Вы не видали-ль эту пару?
Вы не слыхали-ль голоса?
Они гуляли по бульвару,
Когда смеркались небеса.
Онъ шель унылъ, высокъ и строенъ,
Она прекрасна и грустна...
Тогда былъ вечеръ такъ спокоенъ
И такъ задумчива луна.

Потомъ печально и стыдливо
Они бродили у рѣки,—
Чиня свой неводъ торопливо,
Не замѣчали-ль рыбаки
Неясный шопотъ и смятенье
У затуманившихся струй,
И гулъ тяжелаго паденья,
Прервавшій долгій поцѣлуй!..

Ихъ дома ждали до разсвѣта.
Блеснулъ таинственный разсвѣтъ,
И день протекъ, и тьмой одѣта
Земля молчитъ—а ихъ все нѣтъ!
И ночь, какъ сладостныя чары,
Выводитъ звѣзды въ небеса...
Вы не видали этой пары,
Вы не слыхали голоса?..

1889 г. Августъ.

МОЯ ПѢСНЬ.

Спокойно зрѣла пѣснь моя.
Въ душѣ, въ мечтаніяхъ смущенныхъ,
Какъ много думъ, ночей безсонныхъ
Ей посвятилъ когда-то я.
И часъ насталъ—она созрѣла,
Она въ созвучья облеклась;
На встрѣчу славы полетѣла,
Чужимъ раздумьямъ отдалась!..

Въ чертогъ души ее пріяли,
Какъ гостью званную, друзья;
Враги, свистя, оклеветали
И къ солнцу правды отогнали,
Какъ непогода соловья.
И, презирая смѣхъ невѣжды,
Вѣнцомъ любви осѣнена,
Плыветъ, исполнена надежды,
Къ восторгамъ вѣчности она...

1889 г. Августъ.

Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Сѣдой туманъ въ часъ ранняго утра,
Лучей и птицъ прощальная игра—
Все будитъ грусть и сны очарованья!
Прекрасна ты, осенняя пора!
Отъ дѣтскихъ лѣтъ печальный сѣверянинъ,—
Люблю я шумъ захолодавшихъ водъ
И сонный лѣсъ, когда онъ зарумяненъ
Дыханіемъ осеннихъ непогодъ.
Войду ли въ садъ,—тамъ смолкли птичьи хоры;
Онъ весь поникъ,—въ немъ поздніе цвѣты
Облечены въ послѣдніе уборы,
И ярче ихъ махровые узоры
Предъ бѣдностью грядущей наготы!
Войду ли я въ рѣдѣющія рощи,—
Прозрачныя, багрянцами горя,
Онѣ молчатъ: ихъ дремлющія мощи
Ужъ обожгла сентябрьская заря!...
Пойду-ль къ рѣкѣ,—высоко ходятъ волны;
Суровъ, тяжелъ свинцовый ихъ набѣгъ...
И тихою гармоніею полны
Мои мечты, исполненныя нѣгъ...
Живѣй встаютъ забытыя утраты,
Но не гнетутъ, не мучаютъ онѣ—

Неясныя, какъ сны, какъ ароматы,
Рожденные въ осенней тишинѣ.
Вновь кроткое доступно примиренье,
Вновь нѣжная слеза туманитъ взоръ...
И жизнь ясна, какъ свѣтлое видѣнье,
Какъ милыхъ строкъ разгаданный узоръ...

1889 г. Августъ.

*
* *

Ночь повила міръ уснувшій
Синей дымкою, и грезы
Вызываютъ намъ волшебныя
Видѣнія изъ тьмы.
И роса среброточивая,
Какъ ангельскія слезы,
Упадаетъ съ ивъ косматыхъ,—
Съ ихъ зеленой бахромы.
И тюльпаны горделиво
Точно юные калифы
Дремлютъ, ночью опьяненные,
Въ пурпуровыхъ чалмахъ,
И плеяды звѣздъ безсмертныхъ,—
Божьихъ книгъ гіероглифы,—
Зажигаются и блещутъ
Въ безмятежныхъ небесахъ.
Счастливъ тотъ, кто въ этой книгѣ,
Въ этомъ небѣ голубомъ,
Прочитаетъ сказки чудныя
Давно прошедшихъ лѣтъ,—
Кто смотря на звѣзды тихія
Не плачетъ о быломъ
И въ грядущемъ видитъ счастія
Восторженный привѣтъ...

КЪ ЧЕМУ?

Къ чему ночные соловьи,
Лѣсовъ таинственные своды
И сны лучистые мои
На пышномъ празднествѣ природы?

Къ чему долины и моря
И скалъ безчувственныхъ громады,
И огненосная заря,
И звѣздъ нетлѣнныя лампады?—

Когда за гранью бытія,
Едва смежимъ для смерти вѣжды,
Нѣтъ ни лучей, ни соловья,
Ни сновъ, ни пѣсенъ, ни надежды;

Когда по смерти въ первый часъ
Ужъ всѣ забыты впечатлѣнья,
Какъ будто съ нами свѣтъ погасъ
И міръ исчезъ, какъ сновидѣнья...

НА МОТИВЪ А. ШЕНЬЕ.

Моимъ друзьямъ.

Сегодня, въ этотъ часъ, готовяся къ кончинѣ,
Друзья, я въ руки вамъ свой прахъ передаю!..
Заройте вы меня въ задумчивой долинѣ,
Гдѣ часто я мечталъ, внимая соловью;
Гдѣ я встрѣчалъ закатъ, устало бросивъ келью
Моихъ завѣтныхъ книгъ и тихаго труда,
Гдѣ ходятъ пастухи съ призывною свирѣлью
И весело звенятъ бродячія стада.
Тамъ холмъ могильный мой весна въ цвѣты нарядитъ.
Усталый пилигримъ идя въ далекій путь
На зелень отдохнуть задумчиво присядетъ
И, можетъ, быть найдетъ чѣмъ прахъ мой помянуть.
Я никогда не лгалъ правдивыми устами;
Я смѣло въ битву шелъ за свѣтлый идеалъ
И тайны, выданной мнѣ вѣрными друзьями,
Съ улыбкой дерзкою врагамъ не повѣрялъ.
Душа моя чиста. Я грустенъ и спокоенъ.
Я сердце оправдалъ кончиною своей...
И гордъ, что вашихъ слезъ, друзья мои, достоинъ,
И счастливъ, что умру за счастье новыхъ дней!

Пусть юности заря, сулившая мнѣ славу,
Погаснетъ, пусть цвѣты не принесутъ плода;
Но въ вашей памяти, друзья мои, по праву
Я долго буду жить безсмертнымъ навсегда.
И тѣнь моя сойдетъ порою въ стѣны ваши
Изъ сѣни гробовой, заслыша пирный звукъ,
Вы сдвинете тогда запѣненныя чаши,
Вы скажете: «зачѣмъ не съ нами мертвый другъ?!»...

137198

ТИШИНА.

Кужжитъ ночная тишина,—
И я ей внемлю съ содроганьемъ.
И, какъ она, душа полна
Такимъ-же плачущимъ молчаньемъ.
Обрывки думъ, забытыхъ сновъ
Въ моемъ умѣ тоскливо рѣютъ,
И рѣчи тайныя безъ словъ
Въ устахъ и въ сердцѣ пламенѣютъ.
Ночь бездыханная плыветъ,
Какъ бы дрожа воспоминаньемъ
Дневныхъ лучей, дневныхъ заботъ,
Уязвлена дневнымъ страданьемъ.
И мнится—въ легкихъ чарахъ сна
Дневная слышится измѣна;
Такъ въ кубкѣ выпитомъ до дна
Отъ закипѣвшаго вина
Шипитъ сверкающая пѣна...

* * *

Ни медленнымъ трудомъ, ни жизнью торопливой
Не успокоить умъ. Безстрастный и пытливый,
Какъ тусклая свѣча, онъ озаряетъ мнѣ
Весь міръ мной видимый и всѣ его явленья;
Смиряетъ сердца жаръ—и въ робкой тишинѣ
Не сны на ложе шлетъ, а тяжкія сомнѣнья.
Какъ демонъ, онъ гнететъ, смѣется и язвитъ
За пѣсню каждую; надъ каждой новой урной
Не тихою слезой,—раздумьемъ леденитъ,
И, презирая смерть, не ищетъ жизни бурной...
Онъ не влечетъ меня въ лазурные края,
Въ края фантазіи, гдѣ брезжетъ свѣтъ прозрачный,
Гдѣ тѣни свѣтлыя рѣзвятся у ручья...
Нѣтъ! Онъ зоветъ меня на жниву жизни мрачной,
Гдѣ столько скошено безвременно борцовъ,
Гдѣ колосъ знанія прибила непогода...
И гдѣ она сама, безсмертная природа,
Порабощенная, лежитъ у ногъ рабовъ...

СОНЕТЪ.

Она дитя, она—цвѣтокъ Украйны,
Ея душа—ровесница весны—
Исполнена безгрѣшной тишины,
И въ сердцѣ спятъ плѣнительныя тайны.

Ея очей мгновенная печаль
Смѣняется мерцаніемъ улыбки;
Ей ничего въ быломъ еще не жаль,—
Все въ будущемъ: утраты и ошибки;

Ея игла рисуетъ на канвѣ
Прелестные, невинные узоры:
Сѣдыхъ овецъ на пестрой муравѣ,

Зеленый боръ, таинственныя горы
И лебедя въ небесной синевѣ,
И за рѣкой сіяніе Авроры.

ЖУРАВЛИ.

Свѣжѣло. Астры отцвѣтали.
Сквозное золото аллей
Чуть трепетало. Я въ печали
Слѣдилъ за лѣтомъ журавлей.
Они пугливо отлетали
Къ теплу полуденныхъ морей!

Ихъ стая въ небѣ потонула—
Я проводилъ ихъ недвижимъ.
Вдругъ чѣмъ-то радостнымъ пахнуло—
Я счастливъ счастьемъ сталъ чужимъ.
Моей душѣ отрадно было,
Что бросивъ сѣвера ночлегъ,
Они не встрѣтятъ здѣсь уныло
Послѣдній листъ и первый снѣгъ.
И думалъ: такъ мечты поэта,
Звеня, стремятся отъ земли
Къ любви, въ лазурь тепла и свѣта,
Какъ вы, сѣдые журавли...

МОЙ ПУТЬ

Темень путь мой; нѣтъ компаса,
Нѣтъ свѣтильника со мной;
Изъ ущелій мнѣ на встрѣчу
Вѣетъ холодъ гробовой.
Обнаженныя деревья
Точно призраки стоятъ
И протягиваютъ вѣтки,
И обнять меня хотятъ.
Изъ лощинъ туманъ волнистый
Вьется, стелется какъ дымъ,
И стою я на распутьи—
И угрюмъ, и недвижимъ.
Я смотрю усталымъ взоромъ
Въ темень пасмурныхъ небесъ,
Въ даль, гдѣ юностью румяной
Догорѣвшій день исчезъ.
Хоть бы вспыхнула зарница,
Хоть бы грянулъ дальній громъ—
И, встревоженный грозою,
Сумракъ дрогнулъ бы кругомъ!
Но пустынно и безмолвно
Путь лежитъ передо мной,
И ползетъ туманъ на встрѣчу,
Точно призракъ гробовой.

ПОСЛАНІЕ КЪ ***

Ты правъ, пѣвецъ: я съ небомъ сочеталъ
Своей души грѣховныя волненья.
Я пѣснь люблю, какъ жажду наслажденья,
И тѣмъ горжусь, что музъ очаровалъ.
Небесныхъ грезъ сіянье золотое
Еще горитъ въ волшебномъ далекѣ.
И, угадавъ земное по тоскѣ,
Я узнаю по замыслу святое.
Душѣ легко и сладостно уму.
Склонивъ чело предъ вымысломъ прекраснымъ,
Еще стою смущеннымъ и безгласнымъ,
Еще молюсь невѣдомо чему.
Но скоро—мигъ счастливый и блаженный!—
Разверзнутся во славѣ небеса:
Услышу я святые голоса
И съ пѣснью ихъ солью свой вопль священный,
Да не смутитъ блаженства моего
Земныхъ суетъ мятежная отрава...
Я счастливъ тѣмъ, что землю грѣетъ слава,
А небесамъ не надо ничего...

По шумнымъ улицамъ ложатся тѣни ночи,
Гирляндой яркихъ звѣздъ чертя по небесамъ,
И комнатныхъ огней привѣтливыя очи
На улицу глядятъ сквозь переплеты рамъ.
Ко мнѣ стучится май задумчивый и блѣдный.
Я двери отворилъ. Бѣдняжка, онъ озябъ!
Гдѣ пестрые цвѣты? Гдѣ гимнъ его побѣдный?
Онъ былъ когда-то принцъ, теперь ничтожный рабъ.
Растрепанныхъ одеждъ косматыя отрепья,
Засохшіе цвѣты—трофей былой весны—
Вотъ весь его нарядъ. Сѣдыя снѣга хлопья
Повисли на кудряхъ, какъ иней сѣдины.
Вошелъ печальный май; отогрѣваетъ руки
У желтаго огня пылающей свѣчи,
Хоть взоръ его угрюмъ отъ затаенной муки,
Но все еще уста, какъ прежде, горячи.
И вотъ пронесся вздохъ, какъ вѣтеръ ароматный,
И въ сонной тишинѣ услышалъ голосъ я,—
Онъ нѣжно слухъ ласкалъ чуть слышный, чуть понятный,
Какъ пробужденный плескъ весенняго ручья:
«Поэтъ, меня ты звалъ—и я опять съ тобою—
Обманутый весной, тебѣ не подарю
Я радостныхъ небесъ съ ихъ теплою зарею,
Какъ ты—свои мечты, я разлюбилъ зарю,
Какъ ты—я утомленъ, какъ ты—я обезсиленъ.
Ты видишь ореолъ съ главы моей исчезъ;
Вѣнокъ давно увялъ, нарядъ убогъ и пыленъ...
Я чуждъ, какъ ты, землѣ и радостямъ небесъ!

Полный скорби и стыда,
Утомившися душею,
Онъ покинулъ города
Съ ихъ блестящей нищетою.

Онъ пошелъ туда, гдѣ лѣнь
Умъ влачитъ свѣтлѣй и проще,
Въ глубь убогихъ деревень,
Въ тихо дремлющія рощи.

Гдѣ не знаетъ человѣкъ
Ни унынья, ни гордыни,
Гдѣ внимаютъ шуму рѣкъ
Безмятежныя пустыни.

Но и тамъ онъ не нашелъ
Сердцу гордому привѣта,
И души его глаголъ
Грустно замеръ безъ отвѣта.

И постигъ онъ, наконецъ,
Что въ тоскѣ мірского боя
Сердце бьется для сердецъ,
Умъ не созданъ для покоя.

ЗАТИШЬЕ.

Точно рыдалъ я безумно и долго—
Такъ хорошо мнѣ, мой другъ дорогой...
Въ сердцѣ моемъ ни тоски, ни восторга,
Только покой въ немъ, глубокій покой.
Мирно гляжу я на пестрыя краски
Юной природы—въ ней громъ отгремѣлъ;
Волны не мечутся въ бѣшеной пляскѣ,
Въ небѣ не видно мигающихъ стрѣлъ.
И надъ землею въ замолкшей лазури
Радуги яркой блистаетъ кольцо.
Вѣтеръ, какъ дань завоеванной бури,
Мнѣ ароматы бросаетъ въ лицо.
Что-то далекое вспомнилъ невольно,
Память душѣ возвратила опять
Все, съ чѣмъ разстаться казалось такъ больно,
Что никогда не хотѣлъ забывать.
Бури душевныя, темныя грозы
Въ сердцѣ моемъ закипали не разъ—
Ими убиты прекрасныя грезы,
Силъ благотворныхъ весенній запасъ.
Буря промчалась; свѣтло и согласно
Мчатся мечтанья веселой толпой...
Точно рыдалъ я безумно и страстно,
Такъ хорошо мнѣ, мой другъ дорогой!..

*
* *

Твоя рука въ моей дрожала,
Твой взоръ покоился на мнѣ,—
И понялъ я, какъ надо мало,
Что-бъ сердце возвратить веснѣ.

Я былъ готовъ повѣрить снова
Былымъ надеждамъ и мечтамъ
И красотѣ кадиломъ слова
Кадить нетлѣнный фиміамъ.

Но я, смиривъ порывъ мятежный,
Восторгъ сомнѣньемъ искушалъ,
И не взиралъ на взоръ твой нѣжный,
И на привѣтствіе молчалъ.

Вновь жизнь манила тусклой далью,
Какъ ночь темна и хороша...
И новымъ счастьемъ, какъ печалью,
Томилась робкая душа...

Зашумѣлъ, закачался взволнованный садъ,
Листья бьютъ боевую тревогу;
Быстро вихрь налетѣлъ и отпрянулъ назадъ,
Запылилъ и завихрилъ дорогу.

Распахнулись со скрипомъ ворота на мигъ,
Затворилось окошко со звономъ.
На прудѣ громче утокъ испуганныхъ крикъ,
Громче жалобы въ мірѣ зеленомъ.

Вотъ упала тяжелая капля... За ней
Шумно ливень серебряный хлещетъ...
И потоки звучнѣй, и сквозь зелень вѣтвей
Озаренная даль уже блещетъ.

ФАНТАЗІЯ.

На челнѣ быстролетномъ я мчался одинъ
По серебряной зыби заснувшей рѣки;
Ароматы неслися съ прибрежныхъ долинъ,
И мерцали далекихъ костровъ огоньки.
По цвѣтущимъ изломамъ задумчивыхъ горъ
Возвышались бойницы, дворцы, терема,
И вокругъ, какъ туманъ голубой, полутьма
Разстилалась, лаская внимательный взоръ.
И казалося мнѣ, что я въ царствѣ тѣней
Уплываю отъ грѣшной и хмурой земли,
Отъ тяжелыхъ заботъ, отъ безумныхъ страстей,
И—какъ свѣтлый маякъ—блещетъ счастье вдали.
И поспѣшнѣй скользило по влагѣ весло,
У прибрежья тревожа испуганныхъ птицъ...
Былъ мой путь безъ конца, былъ мой міръ безъ границъ
И, какъ крылья, теченье все дальше несло...

ВѢЧНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Гдѣ-бъ ни былъ я — вездѣ груститъ со мною
Какая-то задумчивая тѣнь.
Сегодня я съ веселою зарею
Пошелъ бродить по рощѣ... надъ рѣкою...
И, утомясь, присѣлъ на старый пень.
И—въ тихое мечтанье погруженный—
Я созерцалъ безмолвно лѣсъ зеленый...
Онъ зыблился, онъ слушалъ, онъ дышалъ
Сквозь тонкую, но вѣщую дремоту
И на вершинахъ ласково качалъ—
Качалъ зари румяной позолоту.
И тамъ, въ лѣсу, подъ лепетъ вѣтерка,
Подъ пѣнье птицъ склонилась надо мною
Родная тѣнь— и тронула слегка
Горячій лобъ холодною рукою...
Смутился я... смутилися мечты...
«Ты вновь со мной! воскликнулъ я невольно:
Мнѣ при тебѣ такъ тягостно и больно!
Скажи мнѣ, тѣнь, кто ты?»

Тѣнь.

Я съ тобою неразлучна
И съ тобою рождена.
Я, какъ море, полнозвучна
И—какъ облако—темна.

Отъ меня мечты бѣжали,—
Я грядущаго боюсь;
Я сестра твоей печали
И Заботою зовусь;
Темнымъ облакомъ вѣнчаю
Я чело твое, какъ врагъ,
И—какъ мать—благословляю
Каждый трудъ и каждый шагъ!..

Что ты сказала —я не разслышалъ...
Только сказала ты нѣжное что-то.
На небо мѣсяцъ поздно такъ вышелъ—
И серебромъ засверкало болото.

Въ тощей осокѣ жизнь пробудилась,—
Кто-то вздыхалъ тамъ дыханьемъ протяжнымъ.
Небо свѣтилось, пышно свѣтилось
Звѣзднымъ мерцаньемъ, стройнымъ и важнымъ.

«Что прошептала она?» я спросилъ
Ночь молчаливую, полный печали...
Мѣсяцъ сіянье холодное лилъ,
Шаткія тѣни ревниво дрожали.

Розы дышали мнѣ ароматно;
Звѣзды, мигая, толпилися тѣсно.
Все говорило сердцу понятно:
«Да, прошептала!—а что—неизвѣстно»...

Какъ маяки въ пустынѣ водной,
Намъ лучезарные умы
Роняютъ смѣло свѣтъ свободный
Въ хаосъ ничтожества и тьмы!
Но жизнь бы холодомъ знобила,
Но жизнь бы мудростью томила,
Какъ скучной сказкой безъ конца,—
Когда-бъ не грѣли насъ лучами,
Когда-бъ не бились рядомъ съ нами
Другія, добрыя сердца!

Не смерть страшна, друзья, а сказки тѣ страшны,
Что намъ лепечетъ жизнь, на вѣки отлетая,
И тѣ мучительно-загадочные сны,
Которые зовемъ мы призраками рая.
Въ годину зла и бѣдъ отрадно намъ уснуть,
Но больно намъ вступить въ безмертья и безплотья,
Отъ мукъ освободить истерзанную грудь
И сбросить мысли гнетъ, какъ ветхія лохмотья,—
Уснуть, чтобъ никогда не встрѣтиться съ мечтой,
Уснуть, чтобъ никогда не видѣть зла и горя,
Уснуть, какъ спятъ созвучья моря
Подъ бездыханной глубиной,—
Забыть волненья думъ печальныхъ,
Жизнь пережитую забыть
И сонъ страстей первоначальныхъ
Сномъ неподвижности смѣнить.

Мнѣ снился садъ; за легкою оградой
Онъ весь дышалъ душистою прохладой;
Весь трепеталъ, весь волновался онъ,
Сіяньемъ дня роскошно озаренъ.
Въ немъ вешнихъ птицъ спѣвались хороводы,
Цвѣла сирень и пѣнилися воды,
И мотыльки кружились, и пчела
Медвяный сокъ изъ лиліи пила...

Но только я за легкую ограду,
Переступилъ,—пронесся шумъ по саду,
Вступила осень въ гнѣвныя права,
Съ вѣтвей, шурша, посыпалась листва
Какъ желтый дождь; ручьи оцѣпенѣли
И смолкли птицъ оборванныя трели,
И—холодомъ внезапно обуянъ—
Я цѣпенѣлъ, какъ мертвый истуканъ.

ПѢСНЯ.

(Отрывокъ изъ средневѣковыхъ сценъ).

Послѣ долгаго похода
Рыцарь въ замокъ свой въѣзжалъ;
Слугъ, собравшихся у входа,
Безпокойно вопрошалъ:

— Гдѣ же Клара? Иль не рада,
Иль разстаться жаль со сномъ?..
«Спитъ... надъ ней горитъ лампада
«Въ склепѣ мертвомъ и глухомъ».

— Гдѣ мой пажъ голубоокій,
Что не вижу я его?
«Онъ въ могилѣ спитъ глубокой,
«Подлѣ замка твоего».

— Гдѣ мой песъ, что, провожая,
Вылъ такъ грустно у воротъ?
«Онъ въ землѣ; надъ нимъ въ дни мая
«Кустъ шиповника цвѣтетъ»...

— Ну, а что соперникъ ярый,
Графъ Болле, мой врагъ-сосѣдъ?
«Онъ все живъ и жизни старой
«Не забылъ на склонѣ лѣтъ.

«Только строже сдвинулъ брови,
«Только сердцемъ сталъ черствѣй,
«И—какъ прежде—ищетъ крови,
«Шумныхъ схватокъ и мечей!»

* * *

Капризныхъ модъ ревнивый обожатель,
Ты сѣтуешь, ты сердишься, пріятель,
Что скромный полъ вѣнчаетъ скромный вкусъ.
Пора прошла!—Полураздѣтыхъ музъ
И граній вѣтренныхъ, едва прикрытыхъ тканью,
Готовыхъ къ сладкимъ снамъ и тайному желанью,
Не только на яву,—гдѣ пламенный каминъ
Дробитъ въ паркетѣ свѣтъ,—на полотнѣ картинъ
Стремится изгонять, какъ черную заразу,
Чтобъ жизнь не обнажать неопытному глазу.
И только ты одинъ, несносный старовѣръ,
Все ищешь между дѣвъ таинственныхъ Венеръ,
Внимательный лорнетъ скосивъ неосторожно
Туда, гдѣ ничего, иль мало видѣть можно.
Неблагодарный трудъ! Ты знаешь, какъ въ нашъ вѣкъ
Разсчетливо уменъ и скроменъ человѣкъ!
Мы, возмужавъ для думъ и сумрачныхъ сомнѣній,
Не любимъ съ юности наивныхъ откровеній,
И, въ цѣломудренный облекшися нарядъ,
Смѣется наготѣ искусственный развратъ...

* * *

Отчего на селѣ эти пѣсни тоскливыя,
И зачѣмъ такъ печально угасла заря,
И зачѣмъ поднялися туманы лѣнивые
Отъ лощинъ, отъ лѣсовъ, точно дымъ алтаря?..

Или жертва кому-то готовится тайная,
Или что-то хоронятъ въ природѣ теперь?..
Или въ сердцѣ печаль разцвѣтаетъ случайная
И оно истекаетъ отъ слёзъ и потерь?

Я грезилъ, что умеръ,—ни плача, ни стона
Надъ гробомъ моимъ.
Лишь солнце мнѣ свѣтитъ съ небеснаго лона
Лучемъ золотымъ,
Какъ свѣтитъ живымъ.

И въ солнечномъ блескѣ предгробныя свѣчи
Блѣдны, какъ испугъ.
И съ дымомъ кадильнымъ холодныя рѣчи
Про смерть и недугъ
Блуждаютъ вокругъ.

И кажется мнѣ отдаленнымъ потокомъ
Таинственный шумъ
Рокочущей жизни—и сплю я, въ глубокомъ
Молчаньи угрюмъ,
Безъ пѣсенъ и думъ...

* * *

Какъ нѣжно, какъ тепло въ душѣ моей. На мигъ
Въ ней ожило давно забытое; проникъ
Неуловимый лучъ нежданный и случайный
И грѣетъ сердце мнѣ божественною тайной.
И эти сумерки, и лампы тихій свѣтъ
Какъ будто говорятъ: въ душѣ твоей, поэтъ,
Еще не умерли неясныя волненья—
Предтечи вѣрные восторговъ вдохновенья.
И холодъ опыта, и время скучный ходъ
Не погасилъ въ тебѣ священный пламень тотъ,
Что согрѣвалъ тебя въ дни юности безпечной
Печалью сладкою и радостью сердечной.

* * *

— Отчего такъ звѣзды эти
Улыбаются умно?
— Потому, что все на свѣтѣ
Приглядѣлось имъ давно.

* * *

— Отчего такъ эти волны
И лукавы, и шумны?
— Потому, что въ нихъ страдальцы
И бойцы погребены.

* * *

— Отчего такъ въ сердцѣ бѣдномъ
И печально и мертво?
— Оттого, что нѣтъ въ немъ вѣры,
Вѣры въ жизнь и божество!

СУЕТА СУЕТЪ.

Рождаемся... насъ няньчатъ, мы играемъ,
Мы учимся лѣниво букварю,
А вкругъ насъ міръ сіяетъ пестрымъ раемъ,
Даря намъ ночь и звѣзды, и зарю.

Но дѣтства сонъ проходитъ незамѣтно,
И юность намъ струитъ бодрѣе кровь.
Мечтаемъ мы и любимъ беззавѣтно,
И сладостно волнуетъ насъ любовь.

Мы боремся, страдаемъ, негодуемъ,
Мы рядимся, танцуемъ и поемъ
И гонимся за нѣжнымъ поцѣлуемъ,
И споръ ведемъ въ бесѣдѣ за виномъ.

Пугаемся потери и разлуки
И жить хотимъ, и проклинаемъ міръ;
Намъ тѣшатъ слухъ веселой пѣсни звуки
И тѣшитъ взоръ безоблачный эфиръ.

Являемся въ собраніяхъ мы чинны,
Болтаемъ мы развязно средь друзей,
Во всемъ спѣшимъ отыскивать причины,
И зло громимъ со строгостью судей

Плодимъ дѣтей и наживаемъ внучатъ.
И—какъ отцы—мы учимъ ихъ добру,
А ближніе ихъ злу коварно учатъ,
Чтобы они имъ были ко двору.

Такъ жизнь идетъ. Потомъ болѣзнь насъ точитъ,
За лишній день мы платимъ докторамъ.
О завѣщаньи вѣрный другъ хлопочетъ,
И въ смертный часъ слышны рыданья намъ.

Потомъ?.. Потомъ холодное забвенье,
Кладутъ насъ въ гробъ подъ пѣніе псалмовъ,
Но мы тогда не слышимъ слезъ и пѣнья
И тихо спимъ, не видя больше сновъ.

Нашъ бѣдный прахъ въ могилу зарываютъ
И тризною спѣшатъ насъ помянуть.
Бѣгутъ года—о насъ позабываютъ—
И гаснутъ тѣ, кто бъ могъ еще вздохнуть...

И только тамъ, въ нѣмой тиши кладбища,
Въ толпѣ крестовъ безчисленныхъ могилъ,
Еще одно безпечное жилище
Прибавится... Но скажутъ ли: «Онъ жилъ!..»

ЩИТЪ И КРЕСТЪ.

Пока еще любить ты можешь и покуда
Съ отрадою глядишь на рѣзвый пиръ людей,
Пока тебѣ въ друзьяхъ не встрѣтился Іуда
И подъ цвѣтами грёзъ корысти жадный змѣй,—
Люби и негодуй! Страданія прекрасны,
Когда рождаетъ ихъ священная борьба;
И смертные часы безоблачны и ясны,
Когда пріемлемъ смерть за честнаго раба.
Пока въ душѣ твоей стремленья и отвага,
Иди смѣлѣй впередъ за павшимъ въ нищетѣ
Подъ сѣнью роковой воинственнаго стяга
И выходи изъ битвъ съ щитомъ иль на щитѣ.
Такъ прежде я взывалъ, такъ прежде пѣлъ когда-то,
Теперь смирился духъ, хоть въ сердцѣ больше ранъ,
Хоть жизнь моя борьбой незримою измята,
Какъ шлемъ язычника стрѣлою христіанъ,
Но я уже несу прощеніе святое,
Всѣмъ ненавидящимъ великій лучъ въ мечтѣ;
Я гордымъ говорю: возлюбимъ все простое!
Я говорю борцамъ: погибнемъ на крестѣ!

Февраль, 1890 г.

* * *

Какъ-то въ раннемъ дѣтствѣ, въ часъ сердечной бури,
Я глядѣлъ на звѣзды позднею порою.
Вдругъ одна всѣхъ ярче съ бархатной лазури,
Задрожавъ, скатилась свѣтлою слезою.
И съ тѣхъ поръ, исполненъ грусти и тревоги,
Взявъ съ собой, бывало, легкую корзинку,
Я искалъ на полѣ и среди дороги
Звѣздочку ночную, райскую слезинку.
Выходилъ на поискъ я по утру рано,
Чуть въ саду рѣдѣли траурныя тѣни,
Что-бъ обшарить урну гордаго тюльпана,
Оглядѣть прилежно гвоздики сирени.
Но звѣзду-слезинку не нашелъ нигдѣ я...
Такъ промчались годы; дѣтство миновало.
О прошедшихъ грезахъ смутно сожалѣя,
Сердце страстно билось, билось и страдало.
Но, тебя увидя разъ весной румяной,
Я узналъ,—гдѣ неба звѣздочка скрывалась:
Въ безднѣ кроткой взора у тебя—желанной
Райская слезинка, искрясь, улыбалась.

* * *

Бываютъ странныя минуты:
Душа мертва, уста молчатъ.
И жизни тягостныя путы
Обременяютъ и страшатъ.
Бѣгутъ испуганно надежды,
Въ грядущемъ—холодъ, зло и тьма,
И ждешь, чтобъ смерть закрыла вѣжды
И погасила свѣтъ ума...

Но есть мгновенія иныя:
Хоть зло шипитъ со всѣхъ сторонъ,
Въ душѣ надежды золотыя
Любви и пѣсенъ перезвонъ.
И хочешь жить—и рвешься страстно
Мечтою жадною впередъ,
Гдѣ такъ свѣтло и такъ опасно
Жизнь манитъ, мучитъ и зоветъ...

КУЗНИЦА.

Въ темной кузницѣ — шумъ и работа,
Дымный воздухъ удушливъ какъ въ склепѣ,
Въ ней куютъ вѣковѣчныя цѣпи,
Обливаяся каплями пота.
А за окнами шелестъ древесный,
Щебетаніе птицъ, ароматы...
Золотые восходы, закаты,—
Переливы лазури небесной;
И не тѣшатъ работниковъ взоры
Въ окна мирно глядящія ивы,
Яркой зыбью дрожащія нивы
И кочующихъ тучекъ узоры.
Эта кузница—міръ!..

Холодная зима блѣднѣетъ за окномъ;
Недвижно воздухъ спитъ морозный,
И дальніе міры въ молчаньи роковомъ
На небѣ сумрачномъ дрожатъ, какъ инейзвѣздный.
Алмазною игрой заискрился морозъ
На стеклахъ. Жалобно скрипятъ саней полозья;
Изъ-за оградъ торчатъ серебряные гвоздья
Волшебно убранныхъ, но мертвенныхъ березъ.
И сказки чудныя приходятъ мнѣ на умъ,
И вѣритъ сердце вновь плѣнительнымъ обманамъ;
И много свѣтлыхъ сновъ, и много свѣтлыхъ думъ
Плывутъ, обвѣяны таинственнымъ туманомъ.
Все грезится весна, лазурная весна
Съ ея тепломъ, съ ея лучами...
И блѣдная зима, какъ смутный призракъ сна,
Стоитъ предъ робкими очами.

СОНЕТЪ.

Таинственная жрица суеты—
Природа облеклась въ блистающія ризы,
Обманчива, какъ женскіе капризы,
И вѣтрена, какъ первыя мечты.

Ей все равно: веселье, иль печали;
Борьба, иль міръ; вражда, или любовь.
И, вызвавъ насъ изъ непонятной дали,
Въ загадочную бездну броситъ вновь.

Рожденная изъ соннаго эфира,
Безсмертная въ безсмертіи Творца—
Она творитъ и мыслитъ безъ конца.

И, странствуя отъ міра и до міра,
Не требуетъ мгновеннаго вѣнца,
И не творитъ минутнаго кумира.

Умолкъ весенній громъ. Все блещетъ и поетъ.
Въ алмазныхъ капляхъ садъ душистый,
И опоясала лазурный небосводъ
Гирлянда радуги лучистой.

Отъ ближнихъ цвѣтниковъ запахло резедой,
Въ кустахъ рѣзвѣй щебечутъ птицы;
Гремитъ неясный громъ надъ высью золотой,
Какъ грохотъ дальней колесницы.

Трепещетъ влажный блескъ, какъ искры, на листвѣ
Подъ освѣжительной прохладой...
Лягушка сѣрая подпрыгнула въ травѣ
И снова скрылась за оградой.

По мокрому шоссе, въ мерцающемъ платкѣ
Прошла усталая цыганка.
Кричатъ разносчики, и гдѣ-то вдалекѣ
Гнуситъ печальная шарманка.

ВРѢМЯ.

Какъ шумныя брызги
Изъ вѣчной пучины
Людскаго сознанья,
Мелькаютъ годины!

Въ ликующей жизни
Бѣгущее время
Пугаетъ, какъ бездна,
И давитъ, какъ бремя.

Но въ темной могилѣ,
Во мракѣ забвенья,
Мгновеніе—вѣчность,
И вѣчность—мгновенье!...

Какъ счастливъ тотъ, кто вѣрить можетъ
И въ божество, и въ небеса:
Его кончина не тревожитъ,
Ему возможны чудеса.

Онъ, оскорбленный въ шумѣ свѣта,
Въ молитвахъ радости найдетъ,
Надъ книгой Новаго Завѣта
Внезапно сердцемъ разцвѣтетъ;

Забывъ печаль мгновенной жизни
И ввѣрясь сладостной мечтѣ,
Онъ воспаритъ къ своей отчизнѣ,
Къ благословенной высотѣ.

И въ очищающемъ горнилѣ
Перерожденная душа
Воспрянетъ снова въ мирной силѣ—
Какъ май, какъ утро хороша.

Я улетѣлъ-бы въ глубь лазури,
Туда, къ безграннымъ высотамъ,—
Но я боюсь—сѣдыя бури
Въ косматыхъ тучахъ бродятъ тамъ.

Нырнулъ бы я на дно морское,
Гдѣ скрыты жемчугъ и кораллъ,—
Но я страшусь, что все земное
Тамъ захлеснетъ девятый валъ.

Мечтамъ не страшно безпокойство,
И я готовъ въ тернистый путь,—
Но все боюсь—мое геройство
Улыбкой встрѣтитъ кто нибудь.

* *
*

Смерть уступила гнѣвной жизни...
Угомонился бредъ больной:
Казалось, кто-то неземной
Внялъ безспокойной укоризнѣ.
Открылъ глаза я; въ полумглу
Луна янтарный лучъ роняла,
Какъ золотое покрывало,
Квадратъ окошка на полу
Свѣтлѣлъ подъ тихими лучами
Ночного мѣсяца... и я
Ловилъ отраду бытія
Ослабѣвавшими мечтами.
И все, что жизнь до этихъ поръ
Во мнѣ ревниво сберегала,
Свою любовь и свой позоръ—
Все перечувствовалъ сначала,
И охлажденъ былъ жаръ лanитъ...
И голосъ я узналъ давнишній...
Какъ вопль изъ подъ могильныхъ плитъ,
Твердилъ онъ жалобный чуть слышный.
Что въ мірѣ я чужой и лишній,
Что жизнь не мнѣ принадлежитъ.

1890 г.

ОСЕННІЕ СТАНСЫ.

Теперь кукушка не кукуетъ,
Не трелитъ звонкій соловей,
И мракъ, безмолвствуя, ночуетъ
Среди обвѣтренныхъ аллей.

Холодный вѣтеръ тучи гонитъ,
Даль потускнѣвшая мутна,
И, къ берегамъ ласкаясь, стонетъ
Похолодѣвшая волна.

Природа мирно засыпаетъ:
Она свершила, что могла,
И вновь въ грядущемъ сбѣщаетъ
Разсвѣтъ весенняго тепла.

Зерномъ налившіеся злаки,
Какъ жертва, скошены давно—
И для весны въ подземномъ мракѣ
Таится новое зерно.

И вы цвѣты—невинность лѣта,
Питомцы праздные садовъ—
Васъ солнце вызвало для свѣта,
И взяли люди для гробовъ!

И зрѣютъ думы роковыя,
И жаль до боли юныхъ дней...
Какихъ цвѣтовъ, плоды какіе
Сберу я къ осени своей?..

Октябрь, 1890 г.

ХАНДРА.

Передъ окномъ косящатымъ
Сидитъ Хандра Ивановна.
Сидитъ она не весело—
Головушку повѣсила.
А что Хандрѣ бы надобно?—
Сама она не вѣдаетъ...

Идетъ румяный молодецъ,
Идетъ-поетъ по улицѣ.
Увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ Хандры,
Кричитъ ей зычнымъ голосомъ:

— Пойдемъ, Хандра Ивановна,
По городу, по людному.
Авось, ты разгуляешься,
Отъ хмѣля зашатаешься,
Отъ вѣтра разрумянишься...
Хандра ему въ отвѣтъ:

— Ахти, пригожій молодецъ,
Кто мало жилъ—не любитъ свѣтъ
За то, что все не выглядѣлъ.
Кто много жилъ—не любитъ свѣтъ

За то, что все наскучило!
А мнѣ не жить, не въ гробъ идти:
На бѣломъ свѣтѣ маяться!
Пошла бы я по городу,
Да думаю: не тѣсно ли?
Къ базару пробралась бы я—
Претитъ корысть постылая:
Купцы галдятъ, мошной звенятъ,
На счетахъ звонкій счетъ ведутъ,—
Костяшкой щелкъ—и рубль на столъ.
Другою щелкъ—другой пришелъ!
А мнѣ корысть хвастливая
Тошнѣй любой бѣды.
Пошла бы я на игрища,
На игрищахъ веселый гамъ:
Иной до слезъ смѣется тамъ,
Иной до слезъ милуется,
А я до слезъ зѣвну въ ладонь,—
Зѣваючи, тушу огонь,
Ко сну клоню—домой гоню,
Туманю радость облакомъ.
Со мной гулять не весело...
Иди одинъ путемъ своимъ,
Гуляй— жену нагуливай,—
По свадьбѣ навѣщу!..

ЧУЖОЕ «Я».

Живая радость бытія
Насъ окружаетъ съ колыбели;
Едва себя уразумѣли—
Уже намъ дороги друзья.
И любо намъ, что съ нами рядомъ
Живутъ довольные судьбой,
Что взглядъ нашъ ищутъ нѣжнымъ взглядомъ
И руку братской жмутъ рукой;
Что мы въ бѣдѣ не одиноки
Среди волненій роковыхъ,
Что наши сладкіе пороки
Волнуютъ также и другихъ.
И зло свое караемъ строго
Въ другихъ, гордясь своимъ судомъ.
Но, познавая смутно Бога,—
Его мы чувствуемъ во всемъ.
Онъ святъ намъ тайной непонятной,
Тепломъ и бурей бытія;
Въ Немъ наша жизнь и наше «я»
Какъ вздохъ промчится благодатный,
И тотъ же Богъ, что въ насъ постигъ
Своей премудрости начала,
Гласитъ изъ строкъ прекрасныхъ книгъ
И блещетъ въ счастьи идеала!

ВЪ ТУМАНѢ.

Туманъ! Вокругъ туманъ! Какъ скоро облегли
Сѣдыя облака сырую грудь земли!
Все скрылося изъ глазъ—затмилъ не мракъ полночный,
Пугающій мечту, а мглистый и молочный
Какой-то влажный дымъ, развившійся вокругъ;
Въ немъ каждый лучъ блѣднѣй, и мягче каждый звукъ.
И точно въ саванѣ, покойникомъ бѣлѣя,
Уныло стелется пустынная аллея.
Кустарникъ у пруда, вѣтластый и сухой,
Какъ будто вырѣзанъ искусною рукой,
Подобно кружеву чернѣетъ недалеко,
И тѣшится мечтой обманутое око.
И вѣрить хочется, что въ призрачный туманъ
Одѣтъ волшебный міръ таинственныхъ полянъ
Досель невѣдомыхъ; что тамъ въ сребристой дали
Заоблачные сны свой теремъ разубрали
Цвѣтами свѣжими, что полымемъ зари—
Какъ свѣтомъ истины—тамъ пышутъ алтари.
И мнится: облака спустилися затѣмъ лишь,
Чтобъ свесть на землю рай! Идешь—и чутко внемлешь,—
Не пронесется-ль звонъ отъ крыльевъ райскихъ Силъ,
Иль звукъ мелодіи торжественъ и унылъ,

Перстами ангела изъ арфы исторгаемъ,
Наполнитъ душу мнѣ ненасладимымъ раемъ...
Туда, туда скорѣй, на лоно громовержца,
Гдѣ сладко отдохнетъ измученное сердце!..
И я стремлюсь впередъ. Во мглѣ, со всѣхъ сторонъ
Деревья высятся... а вотъ и къ рѣчкѣ склонъ,
Гдѣ лѣтомъ весело синѣли незабудки.
И слышно, какъ въ волнѣ холодной клокчатъ утки.
Унылымъ каракньемъ мрача сѣдую высь,
Какъ пятна черныя, вороны пронеслись...
Но вотъ колышится туманная завѣса—
Яснѣетъ; вдоль стволовъ дымящагося лѣса
Дохнуло запахомъ оттаенной земли.
Ударилъ колоколъ размѣренно вдали,
Туманъ смѣняетъ мракъ вечерній. Понемногу
Опять я выбрался на старую дорогу.
Очарованіе исчезло, какъ туманъ;
Но сердце все томитъ возвышенный обманъ,
И грезы чудныя разсѣянно и смутно
Дрожатъ мелодіей, какъ тронутая лютня...

1890 г. ноябрь.
Гатчино.

* * *

Грядущее— туманами покрыто,
Отъ прошлаго не требую вѣнца.
Все нѣжное до времени убито
И сладкое испито до конца.
Страшитъ меня пустынная дорога,
Моей судьбы таинственная даль.
Вокругъ борьба, въ душѣ моей тревога,
И въ памяти, какъ облако, печаль.
И хочется молиться неземному,
Чтобъ хоть на мигъ возможное забыть
И блѣдныхъ дней запутанную нить
Принесть на жертву небу голубому.

Я суевѣрному волненью
Все чаще сердце отдаю;
Не вѣрю новому мгновенью
И свѣтлыхъ пѣсень не пою.

Смиривъ мечты, гляжу уныло
На рядъ ошибокъ и могилъ.
Любовь—привычка замѣнила,
Сомнѣнья опытъ побѣдилъ.

И чей-то голосъ напѣваетъ:
«Пора волненія забыть;
Намъ жизнь, какъ радость, измѣняетъ,
А смерть не можетъ измѣнить»!..

Дай руку—не бойся,—и къ сердцу!
Ближе къ горячему сердцу...
Слышишь, какъ бьется оно,
Бѣдное сердце мое!
Слышишь мгновенья текутъ
Каплями въ вѣчность,
Въ темное лоно безсмертья!
Слышишь ли капля по каплѣ
Вѣчно недвижное время
Въ сердце струится мое!
Ближе ко мнѣ, милый другъ!—
Легче согласнымъ сердцамъ
Мудрость размыслить сѣдую...
Руку! дай руку—не бойся...
Въ вѣчность мы вступимъ, какъ въ жизнь.

1890 г. январь.

NOCTURNO.

Она измучена страстями,
Она тоской уязвлена;
Шумя душистыми цвѣтами,
Надъ ней склонилася весна.

Ея заплаканныя очи,
Ея засохшія уста
Устремлены, во мракѣ ночи,
На ликъ распятаго Христа.

И—далека житейской битвы,
Близка страданьямъ и мечтамъ,
Свою тоску, свои молитвы
Она ввѣряетъ небесамъ.

Но надъ горячею постелью,
Въ часы томительнаго сна,
Въ ея задумчивую келью
Стучится радостно весна,—

Несетъ цвѣты въ весельи праздномъ,
Шумитъ серебрянымъ дождемъ
И къ упоительнымъ соблазнамъ
Ведетъ лазоревымъ путемъ.

СОНЕТЪ.

Въ іюньской мглѣ задумчивыхъ ночей,
Когда заря горитъ и не сгораетъ,
Чтобъ слаще пѣть,—весенній соловей
Свой томный взоръ въ восторгѣ закрываетъ

И все поетъ о чемъ-то неземномъ—
Дитя весны, дитя земного дола...
Не чувствуя земного произвола,
Онъ не горитъ ни скорбью, ни стыдомъ.

Такъ ты, поэтъ, пѣвецъ своей весны,
Отъ суеты, гдѣ злобствуютъ невѣжды,
Отъ грѣшныхъ золъ для кроткой тишины

Спѣшишь закрыть изнѣженныя вѣжды,
Чтобъ слаще пѣть заоблачные сны—
Земной любви небесныя надежды...

БАРЕЛЬЕФЪ.

Въ тѣни густыхъ вѣтвей на мраморъ обветшалый
Склонилъ свои рога, вѣнчанные плющемъ,
И чашу уронилъ въ дремотѣ Фавнъ усталый,
На пиршествѣ дріадъ упившися виномъ.
Въ то время двѣ изъ нимфъ, увидя спящимъ Фавна
Подкралися къ нему,—невинности забавно
Рѣзвиться и шептать надъ спящимъ старикомъ.
Ничто отъ шалости проказницъ не сокрыто:
Щекочутъ сонному поджатое копыто,
Вѣнчаютъ лысину позеленѣвшимъ мхомъ,
Сѣдую бороду въ колечки завиваютъ
И брызжутъ на спину прохладною росой...
Проказницы шалятъ, проказницы не знаютъ,
Какъ нѣжно отомститъ за дерзость Фавнъ сѣдой!

*
* *

Что ты плачешь, дорогая,
Провожая въ даль меня?
Что встрѣчаешь ночью хмурой
Солнце праздничнаго дня?..

Насъ дорога учитъ пѣснямъ,
Упованьямъ и любви:
Не слезами, а улыбкой
Дальній путь благослови.

Я вернусь къ тебѣ, бодрѣе,—
Попытавъ на сторонѣ
Издалёка грезу счастья
Улыбнувшагося мнѣ.

Не тумань же взоръ свой ясный
И не хмурь густую бровь...
Сила мѣряется волей,
А разлукою любовь...

Я съ тобою сердцемъ буду;
Ты мечтой за мной лети,
Клятвы, письма и молитвы
Разсыпая по пути...

Будетъ время—поцѣлуемъ
Я сотру слезу съ лица,
И уйдетъ, шатаясь, ревность
Отъ счастливаго крыльца.

* * *

Родился день, какъ поздняя любовь,
Холодный день, безъ звуковъ и — зарею
Недолгою блистая—слился вновь
Съ безжизненной, полуночною мглою.

Онъ не раскрылъ душистые цвѣты
И не принесъ желаній сердцу новыхъ.
Снѣга долинъ и глушь лѣсовъ сосновыхъ
Онъ обманулъ улыбкою мечты...

Унылый день!—похожій, какъ близнецъ,
На прежніе—и также важно скученъ,
И также тихъ для памяти сердецъ,
Какъ вѣчность старъ, какъ опытъ однозвученъ.

Лишь вымыслу возможна новизна!
Для правды нѣтъ ея у человѣка,
И опытомъ, затверженнымъ отъ вѣка,
Какъ жизнь, какъ смерть, развѣнчана она...

1890 г. Декабрь.

ЗИМОЙ.

Все пустынно въ снѣжномъ паркѣ,
Стужа къ вечеру сильнѣй;
Какъ серебряныя арки,
Блещетъ дальній склонъ аллей.

День беззвучный, безуханный
И холодный, точно смерть,
Обагрилъ зарей румяной
Вечерѣющую твердь.

И—безжизненно рожденный—
Гаснетъ въ холодѣ своемъ—
Какъ скупецъ, обремененный
Безполезнымъ серебромъ.

Онъ не встрѣченъ вздохомъ розы,
Ни рыданьемъ соловья,—
Угасающій сквозь слезы
Ледянаго бытія.

Вслѣдъ за гаснущей зарею,
Какъ таинственный маякъ,
Выплылъ мѣсяцъ надъ землею,
Пробуждая мертвый мракъ.

И въ недвижности морозной
Лѣсъ на вымыслы сталъ щедръ,
Высылая ночью звѣздной
Тайныхъ призраковъ изъ нѣдръ.

И, раскинувъ вѣтки важно,
Въ яркомъ снѣгѣ, какъ въ парчѣ,—
Всѣ кусты теперь протяжно
Шепчутъ въ мѣсячномъ лучѣ,

Какъ несчастные въ разлукѣ:
«Жаль намъ солнца и весны,—
Мы—непонятые звуки,
Мы—развѣнчанные сны!»

1890 г. Декабрь.

СЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(терцины).

Семнадцать лѣтъ—счастливые года!
. . . . . .
Въ семнадцать лѣтъ лукавую молву
Впиваемъ мы восторженно и жадно
И властвуемъ мечтами на яву.

* * *

Тогда вокругъ все ярко и нарядно,
Тогда душа, какъ звучная струна,
Поетъ любовь наивно и отрадно.

* * *

Тогда вокругъ вселенная полна
Прекрасныхъ думъ и вымысловъ прекрасныхъ.
Въ семнадцать лѣтъ волшебная весна

* * *

Въ ночи толпу видѣній сладострастныхъ
Украдкою намъ шлетъ на ложе сна...
Въ семнадцать лѣтъ на свѣтѣ нѣтъ несчастныхъ!

* * *

Когда проходитъ жизнь — и взоръ мы обращаемъ
Къ прошедшему—въ душѣ тревога и тоска...
Мы видимъ, какъ любовь исчезнетъ свѣтлымъ раемъ,
Развѣются мечты, какъ ароматъ цвѣтка.

И кажется тогда, что увлеченья наши
Призвали не туда, куда стремились мы,
Что создавала мысль намъ путь вѣрнѣй и краше,
Чѣмъ тотъ, которымъ шли—путь холода и тьмы.

Мы упрекаемъ всѣхъ въ тоскѣ негодованья,—
Враговъ,—что клеветой язвили каждый часъ;
Друзей—что не могли отвесть позоръ страданья
И въ роковой грозѣ не отстояли насъ.

Мы сѣтуемъ на все: на юность, что спѣшила
Намъ сѣти разставлять желаній роковыхъ,
На сердце, гдѣ—кипя—непонятая сила
Замолкла, не найдя сочувствія въ другихъ;

На умъ, что съ дѣтскихъ дней помяла дряхлость свѣта,
На совѣсть, что въ борьбѣ обманута была...
И только смерть свою для своего-жъ привѣта
Стремимся оправдать въ безплодныхъ жертвахъ зла.

1890 г.

* * *

Садъ трепещетъ, освѣженный
Отшумѣвшею грозой;
Дышетъ цвѣтомъ мракъ зеленый.
Мы одни, мой другъ, съ тобой.

Отдохнемъ и позабудемъ
Жизнь, звучащую вокругъ.
Что̀ до насъ коварнымъ людямъ,
Что̀ намъ люди, милый другъ!

Ихъ печали, ихъ волненья
Насъ не тронутъ въ этотъ мигъ,
Какъ чужого сновидѣнья
Непонятный намъ языкъ.

Насъ подслушаетъ природа,
Но природа за одно
Съ тѣмъ, въ комъ страсти и свобода
Тайно бродятъ, какъ вино.

Жизни новые побѣги
Не она ли создала
Для любви, лучей и нѣги,
Для восторговъ и тепла!

ОСИРОТѢЛЫЙ РАЙ.

И снова ночь легла, и звѣздами заткала
Лазурный небосводъ. Эдемъ благоухалъ;
Евфратская волна лѣниво ударяла
О голубой гранитъ неуязвимыхъ скалъ.
Горѣли свѣтляки на макѣ темноцвѣтномъ,
Чуть искрилась роса на зелени травы,
Подъ зонтиками пальмъ дремали грустно львы,
И было грустно все въ молчаньи непривѣтномъ...
Впервые человѣкъ подъ кущами Эдема
Не грезилъ свѣтлымъ сномъ; онъ былъ теперь далекъ
Отъ рая своего,—и сумракомъ тревогъ
Полна была его мучительная дрема.
Онъ понялъ гнетъ заботъ и ужасъ суеты,
Онъ въ холодѣ дрожитъ, томится въ зной истомой
И въ робкой тишинѣ, смущаясь темноты,
Спѣшитъ разжечь костеръ спасительной соломой,
И съ тайной завистью онъ устремляетъ взоръ
Туда, гдѣ лѣсъ родной синѣетъ, помавая,
Гдѣ прихотливъ цвѣтовъ пестрѣющій уборъ
И гдѣ капризенъ такъ волшебный очеркъ горъ,—
Туда,—въ тотъ ясный міръ потерянnаго рая!
Но тамъ, у свѣтлыхъ вратъ утраченнаго міра,
Стоятъ два стражника, и блещутъ ихъ мечи,
Какъ двѣ святыхъ звѣзды, упавшія съ эфира,
Какъ двѣ тюремныя свѣчи!

1887 г. Май.

Міръ ликуетъ въ безуміи алчномъ своемъ;
Люди мечутся, стонутъ и страждутъ;
Отстрадавшіе спятъ заколдованнымъ сномъ,
А не жившіе жизни не жаждутъ.

Стягъ добра и любви, всезиждительный стягъ,
Опустился въ безсильи холодномъ.
И позоръ, и печаль, и нужда—что ни шагъ...
Нѣтъ порыва мечтамъ благороднымъ.

Все темно или пòлно загадки слѣпой,
Иль позорно, какъ рабъ вѣроломный,
И проходитъ толпа по дорогѣ глухой
Безъ свѣтильника полночью темной.

Мы родились подъ знаменемъ чистой любви,
Насъ вспоили народныя слезы,
И огонь разливали въ горячей крови
Лучшихъ дней благородныя грезы.

Между раннихъ гробовъ, между жертвъ роковыхъ
Мы—съ грядущимъ незримыя звенья.
Если мы замолчимъ, то на нивахъ мірскихъ
Не забрежжетъ заря обновленья...

* * *

Въ хаосѣ дѣвственной природы
Носился свѣтлый духъ Творца,
Онъ создавалъ и твердь, и воды,
И сѣялъ звѣзды безъ конца.
Дохнулъ онъ вихремъ знойной бури—
Эфиръ волненья потрясли,
И встало солнце на лазури,
И отвердился шаръ земли.
Дожди вспоили землю щедро,
И въ часъ блаженнаго утра
Зазеленѣли иглы кедра,
Раскрыли пальмы вѣера.
И Духъ, рожденный прежде вѣка,
Исполненъ благости и силъ,
Изъ глины вызвалъ человѣка
И безмятежно опочилъ.
Но—окрыленный мыслью страстной,
Зажегся онъ въ людскихъ сердцахъ—
Досоздавать свой міръ прекрасный
Въ безсмертныхъ образахъ и снахъ...

ПОСЛАНІЕ.

Твое письмо, изгнанникъ дальній,
Не пробудило нѣжныхъ струнъ
Въ моей душѣ, какъ ночь печальной,
Прозрѣвшей старости канунъ—
Не потому, что малодушно
Забылъ я въ омутѣ сует̀ъ,
Чему молился простодушно,
Во что я вѣрилъ въ утро лѣтъ.
Моя душа еще, какъ, прежде
Сжигаетъ правдѣ фиміамъ,
Гремитъ анаѳемой невѣждѣ
И шлетъ привѣтствіе борцамъ.
Я не склонился передъ мракомъ
И не забылъ привѣтъ весны,
Главу вѣнчая соннымъ макомъ
Благоразумной тишины.
Но все-же, странникъ мой далекій,
Меня не тронулъ твой привѣтъ...
Кладетъ недаромъ слѣдъ глубокій
Разлука безотрадныхъ лѣтъ!
Недолго память насъ ласкаетъ,
Сомнѣньямъ учатъ насъ мечты,
И тайный голосъ мнѣ вѣщаетъ,—
Что ты—не онъ, и онъ—не ты.

ДОЛИНА СНОВЪ.

Въ долинѣ сновъ не слышно райскихъ птицъ,
Замолкло водъ стыдливое журчанье;
Уже пѣвцамъ въ ней нѣтъ очарованья,
И рѣже звонъ задумчивыхъ цѣвницъ.
Плыветъ луна, какъ странникъ безпріютный,
Грустя въ толпѣ печальныхъ облаковъ,
Но блескъ ея, обманчивый и смутный,
Не веселитъ осиротѣлыхъ сновъ.
Они бѣгутъ въ одеждахъ бѣлотканныхъ
То въ сѣнь кустовъ, то къ свѣтлому ручью,
Шумятъ листвой и въ сонную струю
Роняютъ цвѣтъ съ кудрей благоуханныхъ.
Они грустятъ и часто для гробницъ
Завѣтную долину покидаютъ...
Долина спитъ, лишь вѣтры въ ней вздыхаютъ,
Въ долинѣ сновъ не слышно райскихъ птицъ...

ФАНТАЗІЯ.

О какъ мнѣ отрадно въ этомъ свѣтломъ мірѣ,
Точно улетѣлъ я къ Богу за созвѣздья;
Здѣсь не знаютъ мести и за месть возмездья—
Въ честь безсмертной жизни здѣсь гремятъ на лирѣ.
Въ облачныхъ гирляндахъ, сотканныхъ изъ свѣта,
Дремлютъ горъ кремнистыхъ синія вершины,
И дуброва пышной зеленью одѣта,
И ковромъ цвѣтистымъ вытканы долины...
. . . . . .
Я вчера спустился по зеленымъ склонамъ
Къ рощѣ, освѣженной быстрою грозою:
На узорныхъ листьяхъ, на коврѣ зеленомъ
Серебрились капли искристой слезою,
И въ дали прозрачной различало око,
Какъ подъ яснымъ солнцемъ, стройно выступая,
Двигалась павлиновъ золотая стая,
Радужныя перья распустивъ широко.
И, казалось, будто войско ровнымъ строемъ
Надвигалось тихо съ пестрыми щитами,
И, казалось, феи, утомившись зноемъ,
Въ стройномъ полонезѣ машутъ вѣерами...

Я присѣлъ подъ ясень; въ воздухѣ хрустальномъ
Онъ сквозной листвою выдѣлялся рѣзко,
И подъ нимъ журчали стономъ музыкальнымъ
Три ключа, сверкая зыбью полной блеска.
И вдыхалъ я грудью воздухъ ароматный,
И смотрѣлъ на зелень жадными очами,
Душу окрылялъ мнѣ трепетъ непонятный...
Думы колебались звучными струнами.

. . . . . .

СТАНСЫ.

Мы ближнихъ къ счастію ревнуемъ,
А о несчастьѣ ихъ скорбимъ;
Привычно громко негодуемъ,
Еще привычнѣе молчимъ.

Года бѣгутъ, года торопятъ
Поспѣшнымъ вихремъ суеты
И всѣ сомнѣнья въ сердцѣ копятъ,
Теряя вѣтренно мечты.

Глядимъ назадъ, и—какъ ошибка—
Былое смотритъ намъ въ глаза;
Въ устахъ—притворная улыбка,
Въ очахъ невольная слеза.

Страсть пережита торопливо,
Остыли мысли и сердца,
Но все сторонимся пугливо
Отъ неизбѣжнаго конца.

И ходитъ смерть, ища разгадки
Своимъ недугамъ роковымъ,—
И какъ дитя, играя въ прятки,
Отъ ней укрыться мы спѣшимъ.

Сидимъ забывшися, томимся
Въ углу подъ тяжестью ковра,
А все развѣдчицы боимся,
Не смѣемъ вымолвить: «пора!»

1891 г.

ПЕПЕЛЪ.

(Посв. Ф. Ф. Фидлеру).

Кто чашу горя въ жизни не пилъ!
Во мракѣ зла и въ злобѣ тьмы
Сгораетъ юность—блѣдный пепелъ
Потухшихъ грезъ стряхаемъ мы.

И, отрекаясь отъ стремленій—
Когда-то сердцу дорогихъ,
Мы ищемъ позднихъ сожалѣній
На пеплѣ радостей былыхъ.

И чѣмъ быстрѣе жаръ мятежный,
Тѣмъ наша молодость теплѣй,
Тѣмъ слаще дымъ печали нѣжной
И легче прахъ остывшихъ дней.

Давно любовь и месть былую
Съ улыбкой память сторожитъ,
Какъ внуки урну гробовую,
Гдѣ пепелъ предковъ ихъ сокрытъ.

Январь, 1891 г.

Люби и помни.

(Посвящ. В. М. Ефимову).

Люби и помни! Міръ мятежный,
Какъ тишину, благослови!
Что любитъ память грустью нѣжной,
То вѣчно памятно любви.
Чтобъ жизнь не скрылась безвозвратно,
Любви въ залогъ дана тоска;
Какъ вѣчность, память необъятна;
Любовь, какъ небо, глубока.
Люби и помни! Въ часъ печальный
Понятнѣй счастія языкъ.
Благословляй въ разлукѣ дальней
Свиданья улетѣвшій мигъ!
Въ кругу враждующихъ безумно
Смиряй порывъ своей души.
Кто любитъ мстительно и шумно,
Тѣхъ память злобствуетъ въ тиши.
Люби—и не клейми позоромъ
Ни заблужденій, ни борьбы
И отражай спокойнымъ взоромъ
И месть враговъ, и громъ судьбы.
Люби рабовъ нужды—и помни,
Что созидаетъ мавзолей
Тяжелый трудъ каменоломни
Безсмертью праведныхъ идей!

1891 г., Январь. Гатчино.

РУЧЕЙ.

Съ камня на камень волною гремучей
Прядаетъ рѣзвый ручей —
Мчится онъ въ море, гдѣ волны кипучѣй,—
Въ лоно отчизны своей.
Мнится ручью, что на вольномъ просторѣ
Будетъ могучѣе онъ.
Холодно ждетъ его шумное море,
Съ вѣтромъ ведетъ перезвонъ.

Смотрится съ берега въ волны осока,
Гордая тѣмъ, что ручей
Запечатлѣлъ ея образъ глубоко
Въ звонкомъ кристалѣ зыбей,
Мнится осокѣ: ручей не измѣнитъ,—
Память о ней донесетъ
Къ морю, гдѣ вѣтеръ гуляетъ и пѣнитъ
Накипь блестящую водъ.

Смотрится лилія, смотрится ива
Въ свѣтлыя воды ручья,—
Счастливы тѣмъ, что ихъ образъ ревниво
Запечатлѣла струя,

Чтобы до моря съ роптаніемъ нѣжнымъ
Ихъ отраженья домчать,
Чтобы о грусти ихъ волнамъ мятежнымъ,
Вольнымъ вѣтрамъ разсказать.

Но, отражая въ струѣ торопливой
Берегъ окрестный на мигъ,
Все забываетъ въ измѣнѣ стыдливой
Робкій и быстрый родникъ.
Что̀ ему лилія, ива, осока,—
Блѣдный миражъ береговъ!
Къ морю домчался ручей одиноко,
Ринулся въ бездну валовъ.

Холодно встрѣтило шумное море
Звонкій и робкій ручей,
И не нашелъ онъ въ кипучемъ просторѣ
Лона отчизны своей...

1-го января 1891 г.
Гатчино.

* * *

Стало скучно тебѣ—
Что же надобно?
Вѣтеръ плачетъ въ трубѣ,
Плачетъ жалобно.
Грустно свѣчка горитъ
Одинокая;
Въ окна полночь глядитъ
Черноокая.
На дворѣ—сентябремъ—
Вѣетъ холодомъ,
Сыплетъ желтымъ листомъ
Точно золотомъ.
Всталъ туманъ надъ рѣкой
Бѣлой дымкою, —
Сны снесетъ онъ съ собой
Невидимкою.
Вѣтеръ буйный въ трубѣ
Плачетъ жалобно...
Скучно мнѣ и тебѣ—
Что-жъ намъ надобно?

ИЗЪ «ЦВѢТНИКА РОЗЪ» СААДИ.

I.

Оправданіе.

По утру шахъ пріѣхалъ къ кади,—
Судья былъ пьянъ и крѣпко спалъ;
Держа расплесканный фіалъ,
Его наложница—въ нарядѣ
Праматери эдемскихъ нивъ,—
Главу на грудь судьи склонивъ,
Дремала съ томностью во взглядѣ.

И говоритъ вошедшій шахъ
Судьѣ: ужъ солнце въ небесахъ!—
Вставай!... И кади, подымая
Свое похмѣльное чело,
Воскликнулъ: солнце какъ взошло, —
Ужели съ запада блистая?!

И шахъ отвѣтилъ: какъ всегда—
Съ востока день нашъ загорался!..
—Съ востока?—Это не бѣда,
А я ужъ было испугался!..

Еще осталось время мнѣ
Въ грѣхахъ покаяться вполнѣ;
Пророкъ гласитъ: дверь покаянья
Открыта для рабовъ, пока
Съ востока вводитъ дня сіянья
Аллаха вѣчная рука...

II.

* * *

Чѣмъ рѣже страсть, тѣмъ выше наслажденье;
Чѣмъ слаще сонъ, тѣмъ горше пробужденье;
Чѣмъ радужнѣй плѣнительный обманъ,
Тѣмъ истины блѣднѣе призракъ голый;
Но чѣмъ труднѣй побѣды мигъ тяжелый,—
Тѣмъ легче смерть, тѣмъ легче язвы ранъ!

III.

* * *

Какъ счастливъ тотъ, кого признали,
Въ комъ видитъ истину народъ!
Свѣтла мечта его печали,
И сладокъ день его заботъ!
Поэтъ, пророкъ иль вождь—онъ будетъ
Нашъ завершитель бытія, —
О немъ земля не позабудетъ,
А небо скажетъ: это я!

КРОВЬ.

(Изъ пѣсенъ о мірозданіи).

Богъ землю созидалъ; передъ Его престоломъ
Тѣснились ангелы въ волненіи веселомъ,
Смотря какъ въ безднѣ-безднъ, глубокой безъ конца,
Планета новая являлась подъ рукою
Благословеннаго Творца,
Блистая новою звѣздою.
Уже хаосъ исчезъ—и мирно потекли,
Какъ зерна свѣтлыя—сопутники земли:
И солнце, и луна, и звѣзды золотыя;
Ихъ стройный хороводъ мракъ бездны озарилъ,
И, возлюбивъ мечты земныя,
Одинъ изъ ангеловъ—печальный Азраилъ
Полетъ на новую планету устремилъ
И—свѣтелъ какъ мечта, вернулся къ небу снова:
Лазурью полонъ былъ смущенный взоръ очей,
И въ складкахъ облачныхъ покрова
Звучала музыка морей...
И небожители, встрѣчая Азраила,
Пріяли радостную вѣсть,
Что землю влага напоила,
Что тамъ движенья звуки есть.

* * *

И снова Азраилъ на землю путь направилъ,
И снова для небесъ планету онъ оставилъ:
Теперь съ его одеждъ душистый зной бѣжалъ.
Былъ ярче жаръ ланитъ румяныхъ,
И на кудряхъ благоуханныхъ
Вѣнокъ изъ лилій возлежалъ!
Махая издали зеленою оливой,
Онъ небожителямъ пролепеталъ—счастливый—
Что пышно убраны поля,
Шумятъ дожди, кочуютъ тучи,
Лѣса, какъ ѳиміамъ, пахучи
И ждетъ,—кого-то ждетъ земля.

* * *

И снова Азраилъ печальный
Къ землѣ направилъ трудный путь,
И, какъ мечта, съ планеты дальной
Вернулся къ небу отдохнуть.
Былъ тихій свѣтъ разлитъ по блѣдному челу,
И капала роса, какъ слезы, съ крыльевъ бѣлыхъ;
Въ устахъ онъ несъ Творцу безсмертную хвалу,
А въ длани—зерна злаковъ спѣлыхъ!
И рѣзвый мотылекъ—дитя земныхъ полей,
Дыханьемъ райскихъ устъ прельщенный,
Какъ въ блескѣ утреннихъ лучей,
Кружилъ надъ головой—сіяньемъ осѣненный.
И небу возвѣстилъ счастливый Азраилъ,
Что хоръ пернатыхъ птицъ дубровы огласилъ.

Что дышутъ и цвѣтутъ въ теплѣ весеннемъ долы,—
И вѣетъ жизнію отъ каждаго стебля;
Ползутъ жуки и рѣютъ пчелы,
Но все кого-то ждетъ земля!..

* * *

И снова Азраилъ къ землѣ направилъ путь
И, полный нѣжныхъ думъ, вернулся къ небу снова;
Какъ солнце ликъ сіялъ, и вздохъ колеблилъ грудь,
Но не промолвилъ онъ ни слова.
Вокругъ него толпясь, небесные друзья
Напрасно ждали новой вѣсти;
Онъ крылья опустилъ—и плакалъ съ ними вмѣстѣ
Слезами радости о тайнахъ бытія.
Тогда въ садахъ земныхъ забывшемуся сномъ
Богъ женщину явилъ близъ синяго Евфрата.
И видѣлъ Азраилъ у ногъ земного брата
Созданье нѣжное и промолчалъ о немъ.
И снова Азраилъ на землю путь направилъ...
Онъ весело летѣлъ и въ гимнахъ солнце славилъ,
Но скоро къ небесамъ безъ гимновъ прилетѣлъ;
Теперь его чело раздумье омрачало,
И долго въ свѣтлый рай проникнуть онъ робѣлъ:
Крыло алѣло и дрожало.
Смущенный Азраилъ принесъ не пурпуръ розъ,
И не кораллъ, не плодъ румяный,—
На бѣлизнѣ крыла въ свой рай благоуханный
Онъ грѣхъ, онъ тайну,—кровь принесъ!

* *
*

И ангелы теперь, увидѣвъ Азраила,
Заволновалися въ безгрѣшныхъ небесахъ,
Ихъ дѣвичьи уста тревога исказила,
И въ ихъ младенческихъ очахъ
Мелькнулъ неотвратимый страхъ—
Глубокій, темный, какъ могила!..
Они шатаются, какъ призраки скользя
Къ Престолу Божества, закрывъ глаза крылами,
И въ ужасѣ вопятъ, какъ вѣтры надъ лѣсами:
«Кровь! Кровь!—Тамъ вѣчно жить нельзя!»
Ихъ воплю внялъ Творецъ—и рекъ Онъ Азраилу:
«Тебѣ не мѣсто здѣсь; ты видѣлъ больше ихъ!
«Отнынѣ будь жнецомъ—и жни безсмертья силу
И отдавай землѣ земныхъ!
«Рази и не щади!—и властвуй надо всѣми,
«Покуда не блеснетъ свѣтъ новый въ Виолеемѣ!»

* *
*

И тихо Азраилъ рыдалъ
Въ тотъ часъ, какъ покидалъ невольно міръ небесный;
Спустился на землю и землю не узналъ:
Шумѣлъ осенній вихрь, срывая листъ древесный,
И бушевалъ потокъ въ ущельи темныхъ скалъ.
Куда онъ ни вступалъ—все блекло, холодѣя...
Эдемскій садъ поникъ: въ немъ плакала сова,
Дрожала нѣжная лилея,
И осыпалася листва;
Левъ когти отростилъ и жадными прыжками

Добычу настигалъ, и грѣшный человѣкъ
Пугался и дрожалъ, волнуемый мечтами,—
Подъ звѣздоносными тѣнями
Уже страшилъ его ночлегъ;
Уже напитанные ядомъ
Цвѣты мертвили слабыхъ пчелъ,
И въ первый разъ съ оливой рядомъ
Терновникъ гибельный расцвѣлъ.

1890 г. Декабрь.

ЕВРЕЙКА.

Скажи,—любила-ль ты, еврейка молодая,
Его—влюбленнаго—когда, переступая
Въ смущеньи твой порогъ, онъ медленной рукой
Снималъ свой ветхій плащъ и, влаги дождевой
Холодную струю изъ складокъ выжимая,
Твердилъ объ осени полуночнаго края?
А въ праздникъ христіанъ, предъ тусклою свѣчой,
Когда ты, блѣдная, сидѣла за иглой,
Мечтала ли о немъ надъ долгою работой,
Томимая тоской и сдержанной дремотой?
А въ набожный канунъ торжественныхъ субботъ,
Когда сіялъ огонь для праздничныхъ заботъ,
Гремѣла за стѣной трапезная посуда,—
И твой женихъ читалъ сказанія Талмуда,
Откинувъ локоны змѣистые съ висковъ,—
Скажи,—ты вѣрила, что онъ въ тотъ мигъ готовъ
Забыть на свѣтѣ все и, о тебѣ страдая,
Сложить у ногъ твоихъ дары земли и рая?..
Нѣтъ! Ты безропотно скучала съ женихомъ
Какъ часто мать твоя съ разсчетливымъ отцомъ
Старалися тебя увѣрить, что онъ молодъ,
Красивъ, богатъ, уменъ: къ нему нужда и голодъ,
Какъ и слѣпой разгулъ—ни прежде, ни теперь,
И даже — никогда — не смѣютъ стукнуть въ дверь.

Но ты печалилась, рѣчамъ ихъ не внимала;
Ты слишкомъ хорошо любви ихъ цѣну знала!
Давнымъ давно тебѣ постылъ отцовскій домъ,
Гдѣ робкая корысть подъ низкимъ потолкомъ
Свила себѣ гнѣздо, гдѣ пахло камфорою
Отъ пестраго тряпья, несомаго нуждою
Къ порогу твоего роднóго очáга.
И бѣдности трофей отъ друга иль врага—
Равно здѣсь находилъ достойную награду.
Ты научилася угадывать по взгляду
Брезгливаго отца,—когда, угрюмъ и строгъ,
Онъ переплачивалъ рубль лишній, подъ залогъ
Вѣнчальнаго кольца, вдовѣ рыдавшей звонко,
Терявшей своего послѣдняго ребенка...
Ты рано поняла, что гибельный развратъ,
Блестящій на показъ, не счастливъ, не богатъ,
А жалокъ роскошью больной и ядовитой,
Какъ пурпуръ бѣлены лучомъ весны раскрытый.
Скучала опытомъ ты въ юные года;
Иная жизнь тебѣ мечталася тогда.
Отцомъ запретную, но вѣрную дорогу
Ты сердцемъ обрѣла къ возвышенному Богу.
Какъ преступленіе задумывая, ты
Таила отъ родныхъ счастливыя мечты;
Услышавъ въ сумерки звонъ церкви недалекой,
Ты вздрагивала вдругъ; въ своей тоскѣ глубокой
Прислушивалась ты, какъ таялъ мѣрный звонъ.
И все въ мечтахъ былъ храмъ... и все въ душѣ былъ онъ...

ВЕСНОЙ ЗАПАХЛО.

Растаялъ снѣгъ; прозраченъ небосклонъ...
Опять весной запахло—и кругомъ
Торжественный, пасхальный перезвонъ
Разносится. Передъ моимъ окномъ
Сегодня утромъ дрались воробьи,
Чириканьемъ задорнымъ оглашая
Весенній воздухъ. Сердце грусть нѣмая
Вдругъ охватила; на глаза мои
Слеза невольно навернулась... «Боже!
Подумалъ я,—какъ это все похоже
На прошлое!.. О, если-бъ можно было
Разстаять мнѣ, какъ таетъ снѣгъ весною,
Какъ таетъ дымъ душистаго кадила
И воскъ свѣчей, зажженныхъ предъ Тобою!..
Я-бъ счастливъ сталъ!» Но скоро ужаснулся
Своей мольбѣ..«Нѣтъ, жить хочу я страстно!»
Воскликнулъ я—и улыбнулся ясно,
И божій міръ въ отвѣтъ мнѣ улыбнулся...

Душа—нетающій родникъ,
Запечатлѣнный зноемъ страсти,—
И каждый часъ, и каждый мигъ
У новыхъ грезъ она во власти.
Живое сердце, какъ алтарь,
Все въ жертву медленно пріемлетъ;
Подъ пѣсни чудныя, какъ встарь,
Проснувшись отъ измѣны, дремлетъ.
И чѣмъ теплѣе жертвъ огонь,
Тѣмъ алтаря священнѣй камень.
Восторги сновъ моихъ не тронь
И не гаси минутный пламень!
Не покидай въ тоскѣ меня;
Пусть я люблю, пусть плачутъ очи...
Оставь лучи живого дня,
Оставь росу прохладной ночи!

ИЗЪ АНТОЛОГІИ.

I.

Люди забыли, что пѣсни поэта—мечта,
Жившая прежде въ богахъ, перешедшая въ звуки и чувства;
Мраморъ холодный тепломъ воскрешаетъ искусство,
Въ мраморъ холодный сердца обращаетъ людей суета.

II.

Ярко и ало блистаетъ разсвѣтъ раскаленный,
Въ стеклахъ избушекъ дробяся огнемъ золотымъ.
Робкія дѣти, рѣзвяся толпою смущенной,
Въ поле бѣгутъ за отцомъ и кричатъ: мы горимъ!
Дѣти! отца не тревожьте и робость умѣрьте, —
Свѣтъ и весну вамъ несетъ день, заалѣвшій вдали.
Пламя небесъ не страшно--все возрождаетъ отъ смерти,
Все, что мертвила зима холодомъ гнѣвнымъ земли...

III.

Расцвѣлъ зеленый міръ; безжизненные пни
И тѣ одѣлися и мохомъ, и грибами,—
И, гдѣ трепещетъ сѣнь зелеными листами,
Скользитъ, колеблясь, лучъ въ задумчивой тѣни.

Жужжаніе въ поляхъ и шелестъ въ темной рощѣ,
И жаворонка трель въ небесной вышинѣ.
И звуки, и цвѣты! Что радостнѣй и проще
Мнѣ выразитъ Творца въ воскреснувшей веснѣ?

ХАДЖА.

(Восточная легенда).

I.

Жилъ въ Монголіи когда-то
Мужъ ученый и степенный,
Изощряя умъ пытливый
Въ изученіяхъ вселенной;
И провидѣлъ мудрый хаджа
По созвѣздіямъ далекимъ,
Что дожди прольются скоро
Надъ землей ручьемъ широкимъ.
Девять дней струиться будутъ,—
Страшнымъ ядомъ чудодѣйны;
И размоютъ всѣ плотины,
И отравятъ всѣ бассейны,—
И всѣ люди, что рѣшатся
Той водой хоть разъ напиться,
То разсудкомъ драгоцѣннымъ
Имъ придется поплатиться.
Такъ рѣшилъ хаджа ученый
И, боясь за свой разсудокъ,
Онъ водой запасся чистой
На дождливыхъ девять сутокъ.

II.

Предсказанья звѣздъ лучистыхъ
Оправдались очень скоро;
Небо тучами покрылось,
Солнце скрылося отъ взора.
И слезами дождь закапалъ
Межъ вѣтвей лѣсовъ косматыхъ.
Дождь шумѣлъ не умолкая,
Ниспадая съ крышъ покатыхъ.
Прибивалъ къ землѣ колосья
И мутилъ рѣчныя воды,—
Точно смыть хотѣлъ всѣ краски
Зацвѣтающей природы,
Негдѣ взять воды здоровой
Изумленному народу,
И давай ковшами черпать
Рѣкъ отравленную воду...

III.

Дни проходятъ. Замѣчаетъ
Мужъ ученый понемногу
Въ городкѣ своемъ родимомъ
Непонятную тревогу.
Все пошло вверхъ дномъ какъ будто,
И, куря съ присвистомъ трубку,
Даже самъ великій визирь
Нарядился въ бабью юбку.
Ханъ, дотолѣ добродушный,
Издалъ дикіе законы,—
И повсюду стали слышны
Скрежетъ, жалобы и стоны.

И въ мечетяхъ златоглавыхъ
Не къ молитвѣ и печали,
А къ разврату и распутству
Собираться люди стали.

Но что больше огорчало
И язвило, какъ иголки,
Мудреца—такъ это были
Беззастѣнчивые толки:

«Нашъ хаджа совсѣмъ помѣшанъ;
Онъ, какъ прежде, ѣстъ конину,
И надъ книгами до ночи
Гнетъ безчувственную спину!»
И свезли его въ больницу
Очень сдѣланную прочно,
Гдѣ въ то время всѣ палаты
Были пусты какъ нарочно.

Докторъ важный и угрюмый,
Съ видомъ полнымъ сожалѣнья,
Прописалъ ему піявокъ
И горчичное варенье.

И таинственно прибавилъ:
Если это не поможетъ,
То для пользы радикальной
Въ свой гаремъ его положитъ.

Услыхавъ такія рѣчи,
Бѣдный хаджа проклялъ разумъ,
Дождевой воды три чаши
Онъ съ досады выпилъ разомъ;

И когда на утро докторъ
Вновь явился омраченнымъ,—
То увидѣлъ паціента
Совершенно исцѣленнымъ:

Былъ мудрецъ и золъ, и важенъ
И, блуждая взоромъ странно,
Смаковалъ во рту странички
Очень ветхаго корана.

«Я задерживать васъ больше
Не имѣю вовсе права,—
Молвилъ докторъ,—потому что
Поступать вы стали здраво!»...

КЪ ЗВОНКУ.

Жизнь гордаго, какъ бремя, тяжела—
Не потому, что въ мірѣ бѣдъ и зла
Онъ не найдетъ достойнаго вниманья...
Не потому, что скупъ холодный свѣтъ
На вѣтренный и краткій свой привѣтъ—
Въ тоскѣ забавъ міръ ждетъ очарованья.
Онъ жизнь пріялъ, какъ лицемѣрный грѣхъ,
И вновь отдастъ ее безъ сожалѣнья,—
Какъ злобою отравленный успѣхъ...
Не молитъ онъ, а требуетъ прощенья,
Изъ зависти не отомститъ врагу,—
Онъ понялъ міръ, но каждое мгновенье
Ростутъ въ душѣ тяжелыя сомнѣнья,
А жизнь полна препятствій на бѣгу...
Такъ лучшій конь въ отмѣченномъ кругу,
Подъ сѣдокомъ почующій неволю,
Бѣжитъ на призъ—и проклинаетъ долю,
И, наконецъ, замедливъ быстрый скокъ,
Упрямою мотаетъ головою.
Онъ властвуетъ надъ жадною толпою,
Но чуждъ ея безсмысленныхъ тревогъ.
И ждетъ толпа; всѣ взоры, все вниманье
И всѣ сердца къ нему устремлены.
Но медлитъ конь; иные скакуны
Влекутъ сердецъ невѣрныхъ ожиданья.
Толпа горитъ—ей нетерпѣнья страсть
Усладою дана въ дремотной долѣ...

Но гордому скучна неволи власть,
Еще скучнѣй привѣтствіе неволи.
И видитъ конь соперниковъ своихъ:
Они бѣгутъ,—толпа торопитъ ихъ
Вниманіемъ, и быстро мчатся кони...
Куда... Зачѣмъ?.. За ними нѣтъ погони!
Что ихъ къ толпѣ такъ бѣшено влечетъ?..
И плѣнный конь готовъ разгорячиться.
Онъ весь дрожитъ, смѣлѣй ускорилъ ходъ,
Пришпоренный досадою, томится,—
И наконецъ, ускоривъ легкій шагъ,
Онъ мчитъ стрѣлой чрезъ плетень и оврагъ,—
Упрямыя преграды легкимъ скокомъ
Перелетѣвъ въ молчаніи глубокомъ,
Онъ обогналъ горячихъ скакуновъ,
И прежде всѣхъ, дрожа, мотая гривой,
Пришелъ къ звонку походкою красивой.
Заслуженный тріумфъ ему готовъ.
Толпа шумитъ, гремятъ рукоплесканья,
Усталый конь не внемлетъ ничему,—
Убійственно усталому вниманье...
Скорѣй отъ глазъ, отъ солнца, въ полутьму—
Гдѣ будетъ все забыто, какъ страданье.
Скорѣй домой,—забыть летучій бѣгъ,
Гдѣ отдохнутъ надтруженныя бедра,
Гдѣ ждетъ коня спасительный ночлегъ
И влагою наполненныя ведра...

13-го іюля 1891 г.

* *
*

Окна открыты; изъ темнаго сада
Льетъ ароматы ночная прохлада,
Тихо и тускло мерцанье свѣчей.
Молча сидимъ—не находимъ рѣчей...
Мы и по взглядамъ другъ друга поймемъ,—
Сердце молчитъ, если счастьемъ живемъ.

Сердце молчитъ—и уста молчаливы...
Что же такъ взоры у насъ боязливы?
Что такъ рука холодѣетъ твоя?
Или трепещемъ за лучъ бытія?
Или боимся, что счастье увянетъ,
Минетъ любовь—сиротливѣе станетъ?!.

Полно! Не бойся,—взгляни, какъ полна
Жизнью и свѣтомъ небесъ глубина!
Сколько міровъ лучезарныхъ вдали!
Мы же—ничтожныя дѣти земли,
Счастья не много намъ надо, и Богъ
Будетъ ли скупъ, если звѣзды зажегъ!

Онъ ли погаситъ счастливой любви
Малую искру, что тлѣетъ въ крови;
Онъ ли отниметъ восторги у насъ,
Смерть претворяющій въ жизнь каждый часъ,
Мракъ озаряющій свѣтомъ, и прахъ
Намъ возрождая въ душистыхъ цвѣтахъ?!..

* *
*

Давно таинственной судьбой
Играютъ бѣшено ошибки...
Зачѣмъ же я, а не другой,
Твой взоръ, рожденный для улыбки,
Мрачу мятежною слезой?..
Затѣмъ-ли въ дружбѣ неподкупной
Тебѣ свободу отдавалъ,
Чтобъ каждый день упрекъ преступный
Невольно съ устъ твоихъ срывалъ!—
Тебѣ—забава, мнѣ—тревога;
Зачѣмъ для вѣтренныхъ похвалъ
Ты счастье гонишь отъ порога?
Нѣтъ, не такой тебя я зналъ,
Когда союзъ во имя Бога,
Во имя жизни заключалъ.

Я думалъ, нѣжное созданье,
Ты будешь свѣтомъ въ годы тьмы,
Я зналъ—измѣнятъ насъ страданья,
Но не измѣнимъ сердцу мы
Во дни труда, въ дни испытанья,—
Я думалъ—будешь ты живѣй

Сносить грозу суровыхъ дней...
Я звалъ тебя, когда желанья
Играли смѣлою душой,—
Я ждалъ, что будешь ты со мной
Торжествовать одною славой,
Меня надеждой окрылять
И въ праздной лѣни—ангелъ правый—
Молитвой душу пробуждать.

* * *

Сколько жизни, сколько блеску
Въ этомъ лугѣ ароматномъ,
Въ этой нивѣ золотистой,
Въ этомъ небѣ предзакатномъ!
Я иду—и надо мною
Трéлитъ жаворонокъ звонко,
И въ лучахъ кружатся мошки,
Точно зыбкая воронка.
Въ аломъ клеверѣ кузнечикъ
Кличетъ ночь, томясь отъ жажды,
И въ бору уже кукушка
Куковала не однажды.
Но луна и звѣзды медлятъ,
Медлитъ ночь своимъ приходомъ,
И прощально день лепечетъ
Подъ горячимъ небосводомъ...

* *
*

Взойдетъ заря, зайдетъ заря,
Мелькнетъ—какъ призракъ—день,
И снова, звѣздами горя,
Плыветъ ночная тѣнь.
Въ душѣ падучею звѣздой
Блеснетъ восторгъ на мигъ,—
И снова боленъ я тоской,
И снова я поникъ.
Усталымъ взоромъ я слѣжу
За красками небесъ
И въ сердцѣ трепетномъ бужу
Игру былыхъ чудесъ;
Былой любви, былой мечты
Невозвратимый слѣдъ,
Исчезъ онъ въ вихрѣ суеты,
Его давно ужъ нѣтъ!
И какъ въ ночи, ночи глухой,
Печальные огни,
Плывутъ и блещутъ предо мной
Безчувственные дни.

N. N.

Мой братъ по дружбѣ, другъ по братству,
Какъ ты, люблю я міръ земной
И—не земному святотатству—
Молюся истинѣ святой.
Толпа горда—въ бездушномъ камнѣ
Ей дорогъ холодомъ кумиръ;
Давно навѣяла мечта мнѣ,
Что теплыхъ думъ не стоитъ міръ.
Но есть сердца—они прекрасны,
Они возвышенны какъ ты,
Земнымъ волненіямъ подвластны
Ихъ непорочныя мечты.
Для одиночества земного
Они не созданы, мой другъ,—
Я имъ пою,—ищу святого
И нахожу лишь язвы мукъ...
Скажи, случалось ли порою,
На рубежѣ добра и зла,
Дышать съ мятежною толпою,
Когда любовь тебя звала,—
Когда—отравленный сомнѣньемъ,
Не вѣря въ силу мирныхъ думъ,—
Вдругъ проникался озлобленьемъ,
И вновь смирялся гордый умъ...

Тоской, раскаяньемъ томимый,—
Скажи,—ты плакалъ ли тогда,
Найдя въ душѣ родникъ незримый
И слезъ, и скорби, и стыда...
И вдругъ все понялъ, что лелѣялъ,
О чемъ томился много лѣтъ,—
И въ просвѣтленный мигъ развѣялъ
Вѣковъ таинственный завѣтъ!

1891 г. Августъ.

РАННІЙ МОТЫЛЕКЪ.

Едва поля въ истомѣ сладкой
Вздохнули—и живой потокъ
Воззвалъ къ веснѣ,—когда украдкой
Проснулся ранній мотылекъ;

Дитя лучей—онъ легкій коконъ
Разбилъ, какъ путы зимнихъ грезъ.
Зачѣмъ? Еще найти не могъ онъ
Въ садахъ ни ландышей, ни розъ!

Своимъ пестрѣющимъ узоромъ
Напоминая о веснѣ,—
Онъ дорогъ былъ влюбленнымъ взорамъ,
Отраденъ солнцу и лунѣ!

Какъ желтый листъ, кружась по волѣ,
Искалъ онъ призрака весны—
Искалъ друзей въ зеленомъ полѣ
И встрѣтилъ холодъ тишины.

И—обольщенный не однажды
Игрою солнца на снѣгахъ—
Погибъ онъ, полнъ весенней жажды
И безъ проклятія въ мечтахъ.

За то, что солнцу полюбился,—
Онъ видѣлъ солнце безъ утѣхъ.
И если рано возродился—
За то онъ умеръ раньше всѣхъ.

Живемъ, волнуемся, а послѣ
Умремъ, какъ ароматъ весны,
Какъ умираютъ водоросли
Подъ бѣлымъ холодомъ волны.

Но, другъ мой,—чудною мечтою
Привыкъ я сердце обольщать.
И мнится мнѣ: опять съ тобою
Мы будемъ мыслить и желать.

Ты будешь долго, непонятно
Блуждать въ эфирѣ голубомъ
И такъ тепло, такъ ароматно
Дышать небеснымъ торжествомъ.

И—что земля не досказала,
Въ чемъ измѣнила намъ судьба,
Доскажетъ новаго начала
Благословенная борьба;

И, ужасаясь мрака гроба,
Мы станемъ рваться къ свѣту вновь,
Гдѣ развѣнчала дерзко злоба
Мечтой вѣнчанную любовь.

И духъ, рожденный прежде ночи,
И въ самомъ тлѣньи вѣчный духъ,
Вновь обрѣтетъ языкъ и очи,
И сердце чуткое, и слухъ.

Мы слухъ преклонимъ къ правдѣ вѣчной
И склонимъ къ истинѣ сердца—
И будемъ чище и сердечнѣй
Любить до новаго конца.

Любовь—мгновеніе, и послѣ
Умремъ, какъ ароматъ весны,
Какъ умираютъ водоросли
Подъ бѣлымъ холодомъ волны...

1891 г., іюль.

ОСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Осенній дождь, въ безвѣтренную тьму,
Какъ сладокъ шумъ твой сердцу моему...
Осенній дождь, въ таинственную тьму
Рокочущій изъ тьмы небесъ беззвѣздной,
Какъ слезы бурныя печали безполезной!..
Осенній дождь, ты звѣзды погасилъ!
Ты колеи дорожныя размылъ!..
Что хочешь ты,—что ропотомъ тревожишь?
Не спящихъ ли во глубинѣ могилъ?!.
Опять весну ты возвратить не можешь,
Зачѣмъ же ночь такъ дерзко возмутилъ?

* * *

Осенній дождь, твой заунывенъ голосъ
Тѣмъ, чьихъ полей ты обманулъ весну, —
Чей не вспоилъ волнующійся колосъ,
Чью разбудилъ ночную тишину,—
Но сладокъ тѣмъ, кто непреклоненъ сну,
Отраденъ тѣмъ твой равномѣрный голосъ,
Кто могъ теперь въ безвѣтренной тѣни
Зажечь труду, какъ я, свои огни!
Осенній дождь, не знаю почему
Такъ ласковъ шумъ твой сердцу моему,
Скользящему надъ гибельною бездной.
Осенній дождь, въ безвѣтренную тьму
Сладающій изъ тьмы небесъ беззвѣздной,
Какъ слезы бурныя печали безполезной.

* * *

Роптать и мыслить, мыслить и роптать,—
А сердце ждетъ любви,—что сердцу отвѣчать?
Истерзано тоской, измучено сомнѣньемъ,—
Оно еще слѣдитъ за жизнію съ волненьемъ
И, кровью исходя, любви ждетъ каждый мигъ
На свой горячій вопль, на свой безумный крикъ!..
Но—жалкіе въ борьбѣ и гордые въ печали,

Въ сомнѣнья вѣруя, любовь мы потеряли,
И въ раннемъ опытѣ безуміе нашли
И рвемся къ небесамъ, не вѣдая земли...
А жизнь — въ земной любви, какъ свѣтъ любви небесной,—
Она толкаетъ насъ на путь спасенья тѣсный.

И всѣ съ тоскующимъ иль пламеннымъ лицомъ
Тѣснимся къ истинѣ,—боецъ передъ бойцомъ,
Кичась своей борьбой, непонятой другъ другомъ,
Истерзаны тоской, измучены испугомъ,—
И, завѣщая жизнь, не смѣемъ завѣщать:
Любить и мыслить, мыслить и желать!..

* * *

Горячею волной стучится кровь въ виски,
Моя душа полна сомнѣній.
Клокочетъ въ сердцѣ желчь непонятой тоски
И горечь позднихъ сожалѣній.
Всю жизнь передо мной, какъ черную тетрадь,
Открыла судіей недремлющая совѣсть,
И въ блѣдномъ ужасѣ робѣю дочитать
Судьбой начертанную повѣсть.
Читаю—скорбь въ груди и гнѣвъ темнитъ мечты;
Ужасныя слова, какъ холодъ суеты,—
Они томятъ, они томили...
Но медленно шуршатъ тяжелые листы
Подъ слоемъ тлѣнія и пыли;
И голосъ гробовой, какъ память, по складамъ
Разоблачаетъ вновь былое,—
Какъ много грустнаго, осмѣяннаго тамъ
Язвитъ мнѣ сердце молодое!
Какъ дерзко развѣнчалъ я свѣтлую любовь,
Унизилъ помысломъ нечистымъ вдохновенья..
Горю огнемъ стыда, хочу молиться вновь,
Ищу въ созвучіяхъ забвенья!
Но жизнь полнѣе словъ, узка ей звуковъ ширь,—
Такъ тѣсенъ схимнику огромный монастырь,
Гдѣ бредитъ страсть и ропщетъ злоба.
И память все томитъ, какъ медленный псалтирь
У неоплаканнаго гроба!..

У ПЕЧКИ.

На огонь смотрю я въ печку:
Золотые города,
Мостъ чрезъ огненную рѣчку,—
Исчезаютъ безъ слѣда.

И на мѣстѣ ярко-алыхъ
Золоченыхъ теремовъ—
Лѣсъ изъ пламенныхъ коралловъ
Блещетъ искрами стволовъ;

Чудный лѣсъ—не дологъ, скоро
Распадется онъ во прахъ,
И откроется для взора
Степь въ разсыпчатыхъ огняхъ.

Но и пурпуръ степи знойной
Догоритъ и отцвѣтетъ;
Мракъ угрюмый и спокойный
Своды печки обовьетъ.

Какъ въ пустомъ, забытомъ домѣ,
Въ дымномъ царствѣ душной мглы
Ничего не станетъ кромѣ
Угля, пепла и золы...

1888 г. Январь.

СОНЪ ВЪ ЦЕРКВИ.

Церковь заперли. Безмолвенъ
Бога вѣчнаго чертогъ,—
Только въ немъ малютка бѣдный
Спитъ, забившись въ уголокъ...

Онъ продрогъ на зимней стужѣ
Въ ветхомъ рубищѣ своемъ,
И, согрѣвшись въ церкви людной,
Задремалъ спокойнымъ сномъ.

Рядъ лампадъ неугасимыхъ
Блещетъ грустною семьей,
Сквозь узорчатыя окна
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

И блуждаетъ свѣтъ невѣрный,
Пробираясь на амвонъ
И къ окладу золотому
Тихо дремлющихъ иконъ.

И, отъ яркаго оклада
Отдѣлившися, живѣй
Смотритъ ликъ Пречистой Дѣвы
Взоромъ ласковыхъ очей.

И, держа въ своихъ объятьяхъ
Безмятежнаго Христа,
Богородица открыла
Благовонныя уста.

Словно всплескъ волны далекой,
Словно легкій вздохъ струны,
Задремавшему малюткѣ
Рѣчи чудныя слышны:

«Не горюй, несчастный мальчикъ,
Братъ ты людямъ по Христу;
Отъ гоненій и обиды
Я укрою сироту.

«Въ свѣтломъ царствѣ благодати,
Все безгрѣшное любя,
Точно братья дорогіе—
Ждутъ Архангелы тебя.

«Въ свѣтломъ раѣ днемъ и ночью
Передъ ликами святыхъ,
Какъ свѣтильники, созвѣздья
Ходятъ въ тучкахъ голубыхъ.

«Тамъ воздушныя бесѣдки
И прозрачны, и легки;
Тамъ у радужныхъ павлиновъ
Золотые гребешки.

«Тамъ у рѣкъ, журчащихъ кротко,
Ярко-травчатое дно,
У серебряныхъ барашковъ
Шелковистое руно»...

Внемлетъ мальчикъ рѣчи чудной,
Сладкимъ трепетомъ объятъ,
И уста его невольно
Полушопотомъ твердятъ:

«О, Владычица святая,
Хоть и дивенъ Божій рай,—
Не бери меня на небо,
На землѣ пожить мнѣ дай!

«Милы мнѣ цвѣты земные,
Милы солнышка лучи,—
Если ждетъ меня страданье,
Ты терпѣнью научи!»...

* *
*

Случалось ли вамъ въ день сверкающаго лѣта
Спускаться по холму, иль полемъ проходить,—
Когда такъ тихо все и зноемъ все согрѣто,
И на кустахъ видна серебряная нить
Едва колеблемой воздушной паутины?
Когда не слышно стадъ среди нѣмой долины,
И жаворонка трель изъ вышины небесъ
Не льется нá землю жемчужнымъ перекатомъ,
И только дышитъ грудь пьянящимъ ароматомъ,
И только вдалекѣ недвижно дремлетъ лѣсъ?
Случалось ли тогда въ мечтательности сладкой
Задумываться вамъ—и въ знойной тишинѣ
Услышать окликъ вдругъ таинственный и краткій,
Рожденный на землѣ, погасшій въ вышинѣ?
И, вашимъ именемъ смущенные невольно,
Не думали ли вы свѣтло и богомольно,
Что это васъ зоветъ угасшій братъ иль другъ?
И, побѣдивъ въ душѣ разсѣянный испугъ,
Не устремляли-ль вы признательныя очи
Въ горячую лазурь, какъ путникъ, въ мракѣ ночи
Услышавшій привѣтъ изъ озаренныхъ вратъ?...
И не спѣшили ли задумчиво назадъ?!.

ЖЕРТВЕННИКЪ АВЕЛЯ.

Не первый разъ надъ хмурою землею
Свершала осень грустный свой обходъ
И крыла долъ увядшею листвою,
И тучами темнила небосводъ.
Не первый разъ во мглѣ всходили зори,
И наливались сочные плоды,
И бушевало бѣшеное море,
Какъ вольный конь, не знающій узды.
Не первый разъ, свою сбирая жатву,
О теплыхъ дняхъ молился человѣкъ
И приносилъ торжественную клятву—
Своимъ полямъ не измѣнять вовѣкъ...
Но въ первый разъ подъ небомъ увидали
Безмолвный трупъ, лежащій на землѣ.
Всѣ смертные, въ испугѣ и печали,
Теперь сошлись...

Въ завечерѣвшей мглѣ,
Еще дымилось жертвенниковъ пламя;
Треща, огонь по сучьямъ пробѣгалъ,
И легкій дымъ, какъ призрачное знамя,
Туманною завѣсой трепеталъ.

И сиротливо жертвы догорали,
И не было жрецовъ у алтарей:
Одинъ бѣжалъ и скрылся въ темной дали,
Другой лежалъ недвижимъ, безъ рѣчей.

Былъ страненъ ликъ усопшаго: безмолвный,
Онъ сохранялъ величіе и страхъ,
Густыхъ кудрей разбросанныя волны —
Какъ мягкій ленъ—темнѣли на плечахъ,
И на челѣ таинственная дума
Свѣтилася загадкою уму,
И на устахъ, сомкнувшихся угрюмо,
Блуждалъ вопросъ неслышный: «почему?»

Всѣ стали звать умершаго собрата,
Но онъ былъ нѣмъ, неумолимо нѣмъ;
Онъ улетѣлъ отъ жизни безъ возврата...
Онъ улетѣлъ—куда?.. зачѣмъ?..
Не встанетъ онъ на нихъ взглянуть привѣтно...
Ужъ подходилъ заплаканный отецъ,
Бралъ за руки, взывалъ къ нему, но тщетно:
Былъ недвижимъ невлемлющій мертвецъ.
И мать къ нему склонялася, рыдая,
Чтобы согрѣть хладѣющую грудь...
Напрасно все!.. Дышала ночь нѣмая,
А сынъ ея не могъ теперь вздохнуть...
И ужасъ всѣхъ наполнилъ непонятный,
И тайный страхъ оледенилъ сердца...
Казалося, сводъ неба необъятный
Сейчасъ падетъ, чтобъ спрятать мертвеца...

Но было все торжественно въ природѣ:
Спокойныхъ звѣздъ лазурные огни
Текли, какъ встарь, въ алмазномъ хороводѣ;
На жертвенникахъ тлѣли головни,
Плылъ вѣтерокъ по дремлющимъ вершинамъ,
Дрожала зыбь въ серебряной рѣкѣ,
И оглашался вздохомъ соловьинымъ
Эдемскій садъ, темнѣвшій вдалекѣ...

СЧАСТЬЕ.

«Ты счастія просилъ!» мнѣ муза прошептала;
«Я дамъ тебѣ его,—сегодня жди меня
Въ тотъ часъ, когда закатъ сверкающаго дня
Туманной полночи застелетъ покрывало».
И я сталъ ждать ее... И вотъ померкъ закатъ;
Недвижно сумерки въ мой уголъ заглянули...
Дремотно за окномъ качался влажный садъ,
И странный шорохъ плылъ въ его неясномъ гулѣ.

Я ждалъ съ отрадою, съ мучительной тоской
Моей наперсницы, моей богини вѣрной ..
Я думалъ: вотъ придетъ—и бѣдный уголъ мой
Внезапно озаритъ мечтой нелицемѣрной;
Разсыплетъ предо мной алмазы и цвѣты,
Наполнитъ звуками, весельемъ уголъ тѣсный...
И сердце билося надеждою небесной
Передъ восторгами грядущей суеты.

И вотъ она пришла,—смиренная, простая,
Въ своей задумчивой и ласковой красѣ;
Въ очахъ былъ свѣтъ зари покинутаго рая,
И свѣтлая роса въ распущенной косѣ.
Пришла—и, наклонясь, дыханьемъ опахнула
И съ тихой ласкою въ лицо мнѣ заглянула.

Я ждалъ ея даровъ,—безумно, страстно ждалъ,
Я трепеталъ огнемъ восторга молодого,
Я съ жадностью скупца къ ней руки простиралъ
Въ надеждѣ счастія земного...

Но, молчаливая, она изъ блѣдныхъ рукъ
Ни перловъ, ни цвѣтовъ къ ногамъ не уронила,
И только, просіявъ, вздохнула, осѣнила
И молча скрылася, какъ мимолетный звукъ.
Она ушла... Я ждалъ... Я вопрошалъ съ упрекомъ:
Гдѣ счастіе мое? Ты дерзко мнѣ лгала!
Но тайная печаль разсѣялась, какъ мгла;
И замеръ мой упрекъ въ молчаніи глубокомъ.

*
* *

Еще гаремъ не спалъ... Подъ аркой корридоровъ
Скользили слуги одалискъ,
И смутно тѣнь чертилъ на разноцвѣтныхъ сторахъ
Луны двурогій дискъ.

Еще огни лампадъ таинственно мерцали
Сквозь голубой туманъ
Курильницъ золотыхъ, и брызги водъ спадали
На мраморъ звучныхъ ваннъ.

Еще не спалъ гаремъ... Но праздныя гитары
На шелкѣ алыхъ лентъ молчали по угламъ;
Со страннымъ шопотомъ разсѣянныя пары
Нарядныхъ женъ сновали здѣсь и тамъ.

И былъ вкругъ полумракъ и полусонъ молчанья,—
Сейчасъ въ гаремѣ смерть свершила гнѣвный бѣгъ,
И умеръ падишахъ, не кончивши лобзанья,
На ложѣ сладострастныхъ нѣгъ.

* *
*

Сегодня музыка звучитъ въ душѣ моей...
Не смерти ли то зовъ? Не шопотъ ли забвенья?
Не отзвукъ ли глухой былаго вдохновенья?
Иль возрожденіе мятущихся страстей?

Я вслушиваюсь въ нихъ, въ загадочные звуки.
Они блюкаютъ задумчиво меня.
Я плачу... Я томлюсь предчувствіемъ разлуки,
Сгорая, какъ тростникъ въ дыханіи огня.

Что значатъ звуки тѣ? Прибой воспоминанья,
Иль медленный отбой земнаго бытія?...
Мнѣ жаль моей весны; мнѣ жаль очарованья...
Постой, не отлетай, жизнь блѣдная моя!...

СКОШЕННЫЯ ТРАВЫ.

Какъ много было по веснѣ
Цвѣтовъ, пестрѣвшихъ горделиво...
Одни въ румяномъ полуснѣ
Благоухали намъ стыдливо:
Другіе пышные цвѣты —
Гордяся вѣнчикомъ прекраснымъ—
Дышали сладостнѣй мечты,
Томясь волненьемъ сладострастнымъ...
Одни любили блескъ и зной,
Другихъ изнѣжила прохлада;
Иные жизнь несли съ собой,
Другіе—смерть и холодъ яда...
И всѣ струили ароматъ,
И каждый несъ изъ почвы влажной
Свой нѣжный запахъ, свой нарядъ;
И долго плылъ ихъ вздохъ протяжный...
. . . . . .
Мы всѣ—цвѣты родныхъ полей—
Весною юности капризной
Любили знойный зовъ страстей
И шумъ, навѣянный отчизной...

ОСЕНЬ.

День осенній, день унылый
Сѣетъ мглою и дождемъ,
И разрытою могилой
Пахнетъ въ воздухѣ сыромъ...
Какъ больной, глядитъ сквозь слезы
Опечалившійся день
На поникшія березы,
На опавшую сирень...
Хмѣль засохъ вокругъ бесѣдки,
И летятъ со всѣхъ сторонъ
На обвѣтренныя вѣтки
Стаи черныя воронъ...
Въ ихъ тревогѣ торопливой,
Въ рѣзкомъ крикѣ слышны мнѣ
Смѣхъ надъ долею счастливой
И укоръ былой веснѣ...

ПѢСНЯ.

Ночка вешняя,
Ночка бѣлая,
Не заглядывай
Въ мою горенку.
У меня-ль постель,
Постель дѣвичья,
Пестрымъ пологомъ
Занавѣшена.
Не волнуй ты кровь—
Кровь горячую,
Не буди тоску
О потерянномъ.
Не мани меня
Въ садъ лепечущій—
Разгулять тоску,
Одиночество!

* * *

Ты, какъ дитя, мнѣ шепчешь нѣжно,
Свиданьемъ кратким ъ усладивъ:
«Тебѣ внимаю я прилежно,—
Зачѣмъ-же ты писать лѣнивъ?»

Ахъ, другъ безцѣнный! Всѣ печали
Очарованьемъ краситъ пѣснь;
Поэты нѣжно воспѣвали
И грусть, и ревность, и болѣзнь.

Но, еслибъ я—привычный къ мукамъ,
Всю дерзость сердца и ума
Покорно передалъ-бы звукамъ,—
Ты разрыдалась-бы сама.

Я—точно трупъ, лишенный силы,
Уныло гасну безъ любви...
Проси цвѣтовъ съ моей могилы,
А грезъ души моей не рви!

* * *

Твой гнѣвъ несправедливъ; въ ревнивой укоризнѣ
Зачѣмъ вздыхаешь ты и плачешь отчего?
Вѣдь если я живу,—то для твой же жизни,
И сердце берегу—для сердца твоего.
Вся радость, вся любовь души моей мятежной
Родилась потому, что встрѣтился съ тобой.
Чтобъ грусть свою смирить,—мнѣ надо взоръ твой нѣжный;
Чтобъ слухъ свой усладить,—мнѣ надо голосъ твой...
И, какъ цвѣтокъ—луча, я жду твоей улыбки—
Измученный борьбой унылой суеты.
И, чтобы измѣнить прошедшаго ошибки,
Я долженъ вѣровать, что не измѣнишь ты.

*
* *

Дождь пересталъ; гроза прошла давно.
Въ султанѣ огненномъ настурціи дрожали
Слезинки яркія, въ прозрачно-сизой дали
Сверкала радуга, какъ поясъ. На окно
Открытое ты зерна разбросала.
И воробьи, сшибаясь межъ собой,
Слеталися къ добычѣ. Надъ землей
Жизнь прелестью небесною дышала.
Душистый воздухъ, какъ молитва чистъ,
Порою вздохомъ трепеталъ пугливымъ.
И говорилъ съ листомъ весенній листъ,
Волнуяся восторгомъ торопливымъ.
Разбитыхъ тучъ сребристые края
Воздушнѣе, прозрачнѣе бѣлѣли.
Поля цвѣли—и снова молодѣли,
И къ вечеру два юныхъ соловья
Не молодость ли весело такъ пѣли?

* *
*

Когда, волнуемый мятежными страстями,
Изнемогаетъ міръ подъ бременемъ заботъ
въ буйной радости безчестными руками
умира ложнаго изъ праха создаетъ, —
нѣ хочется тогда смутить толпу проклятьемъ,
ь безумной гордостью разбить ея кумиръ;
нѣ хочется сказать моимъ погибшимъ братьямъ:
Остановитеся! не оскверняйте міръ
Созданіемъ своимъ нечистымъ и бездушнымъ.
Io молча отъ людей я отвращаю взглядъ
прохожу въ толпѣ притворно-равнодушнымъ,
въ сердцѣ все шумнѣй, все жарче плещетъ адъ...
Тоска моя растетъ, и злоба накипаетъ,
Іакъ дерзкихъ волнъ прибой въ шумящій ураганъ...
І въ мстительной враждѣ безсильно померкаетъ
Веселыхъ грезъ моихъ волшебный караванъ.

* * *

Точно слезы покаянья,
Выплывая вновь и вновь,
Льются звуки, какъ рыданья,
Какъ моя любовь.
Звуки сѣтуютъ и мчатся,
Отверзая небеса,
И восторженно мирятся
Съ прахомъ чудеса...
Вижу край обѣтованный,
Незнакомый сердцу край.
Взоръ затмивъ слезой желанной.
Сердце, умирай!
Нѣтъ прекраснѣе мгновенья,
Чтобы жизнь вручить тому,
Кто, какъ солнца, вдохновенья
Бросилъ въ нашу тьму,—
Чтобъ, забывъ земли обманы,
Вдохновеньемъ исцѣлить
Муки сердца, сердца раны,—
Жить или не жить!

* * *

Мы, нѣжнаго пѣвцы—таинственной судьбы
Всегда покорные и тихіе рабы.
Намъ дорогъ риѳмы звонъ, какъ тощему скупцу
Звонъ гордый золота на жадной смѣнѣ торга;
Услышимъ нѣжный стихъ—и слезы по лицу,
И холодъ въ волосахъ отъ сладкаго восторга.
Но, если въ нашу жизнь ворвется иногда
Суровый ураганъ несчастья роковаго,
Мы ропщемъ, мы скорбимъ,—но нѣтъ стиха живаго,
Чтобъ выразить всю страсть печали и стыда.

МОРОЗНОЮ НОЧЬЮ.

Покинулъ городъ я мятежный,
Какъ безпокойную мечту,—
И мчится поѣздъ ночью снѣжной,
Роняя искры на лету.

Еще видны во мракѣ сонномъ
Насъ обступающихъ полей
Какимъ-то клиромъ похоронным
Ряды покинутыхъ огней.

Какъ будто шествіе ночное
При свѣтѣ факеловъ вдали
Хоронитъ что-то роковое
И горделивое земли.

Но дальше, дальше! сумракъ бѣлый
На встрѣчу весело бѣжитъ;
Горитъ въ алмазахъ помертвѣлый
Узоръ безлиственныхъ ракитъ.

Поля блестящею пустыней
Лежатъ вокругъ—и свѣтъ луны
На насъ разсыпалъ отблескъ синій
Изъ многозвѣздной вышины.

Недвижный воздухъ жжетъ и щиплетъ,
И мнится: ночь, межъ быстрыхъ тучъ,
Не звѣзды, иглы съ неба сыплетъ,—
Такъ блескъ ихъ радужный колючъ.

Застылъ и замеръ путь безмолвный,—
Но и безжизненнымъ путемъ
Несется поѣздъ, жизни полный,
Съ побѣдоноснымъ торжествомъ.
И оснѣженныя деревья,
Весну, какъ жизнь, въ себѣ тая,
Встрѣчаютъ зимній громъ кочевья
Сквозь сонъ и ужасъ бытія.
И любо имъ, въ неуловимомъ
Морозѣ блещущей зимы,
Дохнуть на мигъ тепломъ и дымомъ
Людской свободы и тюрьмы.

Гатчино.

* *
*

Живые ландыши безжизненной зимой
Цвѣли у васъ на праздничномъ нарядѣ;
Но не было весны въ холодномъ вашемъ взглядѣ
И нѣжной прелести въ улыбкѣ молодой,
Тѣ плѣнники—цвѣты, весну переживая,
Въ теплицѣ разцвѣли, не зная, что весна
Блуждала въ небесахъ, какъ туча грозовая,
Какъ алая заря и жгуча, и пышна.
Не слышали они таинственнаго грома,
Ихъ не ласкалъ зефиръ, не пѣлъ имъ соловей;
Въ искусственномъ теплѣ имъ радость незнакома
И грустенъ ихъ разцвѣтъ безъ солнца и дождей.
И вы, холодная, весну переживая,
Какъ эти ландыши, не знаете весны,
Что бродитъ межъ людей, какъ туча грозовая,
И юности даритъ мучительные сны...

* *
*

Если розы, росой ослезенныя,
Сладко дышутъ въ вечерней тѣни,—
Имъ не снятся-ли тихія радуги
И весенніе, теплые дни?...
Если волны на морѣ чуть зыблются,
И недвижно стоятъ паруса,—
Имъ не снятся-ли долы цвѣтущіе
И въ зарѣ, въ тишинѣ небеса?
Если звѣзды вечернія теплятся,
Какъ спокойныя очи, вдали,—
Имъ не снятся-ли ангелы Божіи
И младенцы далекой земли?
Если ты, за меня помолившися,
Тихо дремлешь въ ночной тишинѣ,—
Ты не видишь-ли сны непорочные,
Ты не видишь-ли сны обо мнѣ?..
И покоенъ тогда я за счастіе,
За любовь шлю молитвы судьбѣ,
И мнѣ снится тогда, — что приснилося
Звѣздамъ, морю, цвѣтамъ и тебѣ!..

ПОЗДНІЕ ОГНИ.

Безмолвны нѣмыя громады,
Задумчиво городъ уснулъ;
Лишь позднія блещутъ лампады,
Да бредитъ усталый разгулъ.
Люблю подмѣчать я высоко
Огонь запоздалый въ окнѣ,
Угадывать, кто одиноко
Не дремлетъ въ ночной тишинѣ.
Не новаго-ль ждетъ постояльца,
Счастливая бракомъ, семья?
Иль жизнь догораетъ страдальца
При слабомъ мерцаньи огня?
Колеблются тѣни на сторѣ,
Движеніе въ свѣтломъ окнѣ...
Кто знаетъ—восторгъ или горе
Не спитъ въ роковой хлопотнѣ?
Иль труженикъ тамъ и мечтатель,
Что ночи сидитъ на пролетъ,—
Невѣдомый міру создатель
Возвышенныхъ пѣсенъ и одъ?

До свѣта, межъ стѣнъ непривѣтныхъ,
Поетъ онъ о трудной борьбѣ,
О ласкахъ, о думахъ завѣтныхъ,—
И славу пророчитъ себѣ.

А улица спитъ—и не бредитъ..
Далёко до алой зари;
Никто не пройдетъ, не проѣдетъ;
Уныло горятъ фонари.

Молчатъ, какъ гробницы, фасады;
Ослѣпшія окна темны...
Все рѣже ночныя лампады,
Все ярче счастливые сны...

Двѣ жизни.

Двѣ жизни есть; одна, какъ океанъ безбрежный,
Широко разлилась, шумя вокругъ меня.
Другая, какъ родникъ задумчивый и нѣжный,
Течетъ въ душѣ моей, струяся и звеня.
И въ первой суета и зарево сраженій,
Базаровъ пестрый шумъ; печальный человѣкъ
Въ ней ищетъ мудрости, заботъ и наслажденій
И раболѣпствуетъ предъ ней изъ вѣка въ вѣкъ.
Но, гордая, она рабамъ своимъ не внемлетъ,
Сіяя красотой божественныхъ лучей,
Ничтожные дары съ улыбкою пріемлетъ
И смертнаго стремитъ въ загробный міръ тѣней.
Иная жизнь во мнѣ: незримая для ока—
Она цвѣтетъ, полна задумчивой мечты;
И отразились въ ней, какъ въ зеркалѣ потока,
И небо, и земля, и звѣзды, и цвѣты.
И эта жизнь растетъ въ уединеньѣ праздномъ,
И музыка ея въ тиши слышна звучнѣй,
Когда я не смущенъ кошмаромъ безобразнымъ,—
Ни жертвами борьбы, ни злобою людей.

* * *

Въ эту ночь мнѣ снилося чудное и грозное:
На равнинѣ сумрачной съ музой я стоялъ.
Ночь молчала теплая, плыло небо звѣздное,
Плылъ туманъ синѣющій изъ расщелинъ скалъ.
Муза моя грустная, въ темномъ облаченіи,
Какъ вдова несчастная, ласково звала
Грезы улетѣвшія, грезы вдохновенія
Изъ пучинъ зіяющихъ сумрака и зла.
Не летѣли грезы къ ней съ пѣсней хороводною,
Не свивались звѣздами яркіе вѣнцы;
Налетали стаею коршуны голодные
Расклевать уста ея, очи и сосцы...
И стоялъ я сумрачный, злобою взволнованный,
И дышала мщеніемъ судорожно грудь...
И внималъ я таинству ночи заколдованной,
И глядѣлъ безрадостно въ безразсвѣтный путь...

*
* *

Были нѣжны ихъ свиданья,
Были робки ихъ признанья,
Цѣломудренны мечты.
И для нихъ весною красной,
Подъ улыбкой солнца ясной,
Распускалися цвѣты.
И для нихъ въ лѣсу зеленомъ
Пѣли птицы, какъ влюбленнымъ;
И для нихъ въ тиши ночей
Открывалися для взора
Въ мглѣ небеснаго простора
Сонмы божескихъ огней...
А теперь гніютъ ихъ кости
На оплаканномъ погостѣ...
Видишь — холмъ и крестъ на немъ?!.
Другъ! Они на этомъ мѣстѣ,
Успокоенные, вмѣстѣ
Спятъ, не грезя о быломъ.
Ихъ природа позабыла,—
Все, чѣмъ прежде подарила,
Вновь даритъ она другимъ
И надъ ихъ холмомъ могильнымъ
Блескомъ мирнымъ и всесильнымъ
Улыбается живымъ!..

СОНЕТЪ.

Когда задумчиво вечерній мракъ ложится,
И засыпаетъ міръ, дыханье притая,
И слышно, какъ въ кустахъ росистыхъ копошится
Проворныхъ ящерицъ пугливая семья;
Когда трещатъ въ лѣсу костровъ сухіе сучья,
Дрожащимъ заревомъ пугая мрачныхъ совъ,
И носятся вокругъ неясныя созвучья,
Какъ бы слетѣвшія изъ сказочныхъ міровъ;
Когда, надѣвъ вѣнки изъ лилій и фіалокъ,
Туманный хороводъ серебряныхъ русалокъ
Хохочетъ надъ рѣкой, забрызгавъ свой уборъ;
Когда отъ гордыхъ звѣздъ до скромныхъ незабудокъ
Все сердце трогаетъ и все пугаетъ взоръ—
Смѣется грустно мой разсудокъ.

НАКАНУНѢ ВЕСНЫ.

Еще разсвѣтъ весны чуть брезжитъ,
Въ тѣни сѣрѣетъ мутный снѣгъ,
Но мирно взоръ усталый нѣжитъ
Лучей живительный набѣгъ.

Деревья всѣ черны и голы,
И лишь надъ вербами, звеня,
Кружатъ проснувшіяся пчелы
Въ теплѣ ликующаго дня.

И съ вѣтромъ дали ароматной,
Отъ зеленѣющихъ полей,
Ко мнѣ плыветъ едва понятный,—
Далекій отзвукъ прежнихъ дней.

Душа, изнывшая въ безвѣрьѣ,
Вновь возрожденія полна;
И — мнится — я стою въ предверьѣ
Весной нашептаннаго сна...

* * *

Моя любовь, какъ ты была чиста!
Мои мечты, какъ были вы безгрѣшны!
Какъ пламенны горячія уста,
И какъ лобзанія поспѣшны!
Но рано я смирилъ волненіе въ крови,
Въ умѣ—избытокъ думъ и въ сердцѣ—сладострастье.
Я отдалъ всѣ мечты—за краткій день любви,
Я отдалъ всю любовь за теплый мигъ участья.
И, быстро утомясь на играхъ суеты,
Смутилася душа; до слезъ ей стало жалко
Утраченной любви, развѣнчанной мечты,
И сбросила она уборы и цвѣты,
Какъ оскорбленная весталка...
Я сталъ блуждать, какъ тѣнь, разсѣянъ и угрюмъ,
Смотря на пиръ людей безпечныхъ издалека,
И шуму ихъ внимать, и проклинать ихъ шумъ
Съ душой безстрастнаго пророка.
И много разъ смутить ихъ рѣчью я алкалъ—
На буйный праздникъ ихъ принесть любви скрижали,
Но каждый разъ скрижаль я гнѣвно разбивалъ,
И каждый разъ уста молчали...
И только иногда, природу подсмотрѣвъ
И усмиривъ на мигъ порывъ негодованья,
Задумчиво шепчу затверженный напѣвъ
О краткой ласкѣ мірозданья!..

* * *

Есть-ли, другъ, въ подлунномъ мірѣ
Смерть, ведущая туда,
Гдѣ горитъ въ святомъ эфирѣ
Рай—нетлѣнная звѣзда,—
Гдѣ безсмертныя свиданья
И блаженства грѣютъ насъ?...
Если есть—безъ содроганья
Я приму ее сейчасъ!
Только гдѣ-жъ къ селеньямъ рая
Лучезарные пути?...
Что свершить намъ, умирая?
Какъ къ предвѣчному придти?!.
За кого страдать душою
И погибнуть за кого,—
Чтобъ въ борьбѣ, простясь съ землею,
Встрѣтить рая торжество?!..

ИЗЪ В. ГЮГО.

(Надпись на экземплярѣ «Божественной Комедіи»).

Однажды въ сумеркахъ прохожаго я встрѣтилъ.
Какъ римскій консулъ, онъ закутанъ былъ плащемъ,
Спокоенъ взорами, душою чистъ и свѣтелъ,
Какъ бы сіявшій божествомъ;
И, руку властную мнѣ гордо простирая,
Сказалъ: Я въ древности былъ мрачною скалой
И небо застилалъ гранитною спиной...
Но скоро перешла душа моя живая
На высшую ступень земнаго бытія,—
Я мощнымъ дубомъ сталъ—и подъ моей листвою
Стекалися жрецы покорною толпою,
И страннымъ шорохомъ привѣтствовалъ ихъ я.
Потомъ я рыскалъ львомъ—пугающимъ гигантомъ
Подъ знойнымъ пологомъ тропическихъ ночей,
Потомъ я былъ волной шумящею морей...
Теперь я человѣкъ—и называюсь Дантомъ!

* *
*

Небо голубое
Стелется, сіяя,
Далекò, далёко,
Безъ конца, безъ края.
Ходятъ въ небѣ звѣзды,
Тучи вѣтромъ дышутъ;
Утреннія зори,
Какъ румянецъ, пышутъ.
Ходитъ въ небѣ солнце —
Смотритъ ниву божью,—
Ворожитъ зарницей
Надъ высокой рожью.
Что въ землѣ таится,
Какъ приспѣетъ время,
Зацвѣтетъ, проглянетъ—
И зерно, и сѣмя.
Все изъ мрака къ свѣту
Небо призываетъ,
Гробовое тлѣнье
Въ зелень облекаетъ.
Жизнь разбудитъ громомъ,
Нѣгой простодушной
И отвалитъ камень
Отъ могилы душной.

* * *

Всѣ спятъ, а я одинъ не сплю,—
Я не страдаю, не люблю;
Но отчего же въ часъ полночный
Живѣе мракъ души порочной,
Тревожнѣй бездна прошлыхъ дней
Для гордой памяти моей?
Ужель ее, какъ все земное,
Въ ночи пугаетъ роковое,—
Ужели позднiе огни
Свѣтлѣй, чѣмъ прожитые дни?
Но, озирая мракъ сердечный,
Зачѣмъ пугаютъ бездной вѣчной,
Гдѣ око совѣсти луной
Надъ бездыханной глубиной
Горитъ, одно непобѣдимо,
Межъ тѣмъ какъ все несется мимо,—
Пороки, страсти и мечты,
Какъ дымъ надъ бездной суеты?!.

НА МОТИВЪ САДИ ШИРАЗИ.

Имѣлъ я друга въ цвѣтѣ лѣтъ,—
Онъ былъ восторженъ и прекрасенъ.
Дѣлилъ я путь съ нимъ и обѣдъ,—
И рѣзвый шумъ живыхъ бесѣдъ,
Какъ струны арфы, былъ согласенъ.

Но разъ, за кубками вина
Мы съ нимъ поссорились жестоко...
А прежней дружбы сѣмена
Въ сердцахъ таилися глубоко.
Мы,—какъ ревнивая жена,—
Страдали каждый—одиноко.

И—другъ по сердцу, по уму—
Онъ былъ врагомъ теперь лишь съ виду...
Я это понялъ потому,
Что онъ не перенесъ обиду,
Подобно важному глупцу,
Къ моимъ стихамъ, любимымъ прежде,—
Катились слезы по лицу,
Когда читалъ онъ ихъ невѣждѣ.
Онъ волновался, говоря:—
«Зачѣмъ мы съ нимъ такъ долго въ ссорѣ!..»
И вспыхнула надъ нами вскорѣ,
Какъ прежде, дружества заря.

* * *

Заря блѣднѣетъ; тишиною
Объяты бѣлыя поля,
И грезитъ сонная земля
Еще не близкою весною...
Въ ея молчаньѣ гробовомъ
Ужъ смутно млѣетъ нѣга ласки;
Въ зарѣ теплѣй и мягче краски,
И ледъ прозрачнѣй съ каждымъ днемъ.

Гляжу на сумерки прилежно,—
Въ нихъ бредитъ жизнь сквозь дрему сна.
Зима-ль смеркается такъ нѣжно,
Иль занимается весна?
И какъ-то мирно я печаленъ,
Смотря на влажные снѣга,
На пятна темныя проталинъ,—
И та печаль мнѣ дорога.
Какъ окликъ нѣжнаго вниманья
Изъ неземнаго далека,
Какъ греза милаго желанья,
Печаль сердечная легка.

И, мнится, что-то молодое
Природа снова обрѣла:
Земля и небо голубое
Свѣтлѣй счастливаго чела!..
И гаснетъ день, но безъ испуга
Заря встрѣчается съ луной,
Лунѣ ввѣряетъ свѣтъ дневной,
Какъ тайну нѣжнаго супруга
Ужъ искушенная подруга—
Своей подругѣ молодой...

* *
*

Ѣдетъ въ раковинкѣ моря
Эльфовъ дружная семья;
Ихъ волшебной пѣснѣ вторя,
Усыпляется струя...

Надъ ладьей развитъ вѣтрилом ъ
Лепестокъ румяныхъ розъ;
Лучъ—рулемъ и милъ свѣтилам ъ,
Весла—усики стрекозъ.

Ѣдутъ долго: мимо пастбищъ,
Зеленѣющихъ луговъ,
Мимо храмовъ, мимо кладбищъ,
Мимо шумныхъ городовъ.

Ѣдутъ къ острову родному,—
Вотъ и онъ невдалекѣ—
По скалистому излому
Запримѣтенъ на рѣкѣ.

Отчего-жъ такъ эльфы рады
Этой бѣдной сторонѣ?...
Пѣснь звучнѣй, яснѣе взгляды,—
Тамъ родилися они!

Тамъ нѣтъ холода земнаго,
Ни корысти, ни вражды;
Въ дни волненья роковаго
Пѣснь—наградой за труды.

Тамъ гостятъ мечты поэта,
Отрѣшившись отъ земли,—
Но отъ глазъ и толковъ свѣта
Затеряться не могли...

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.

. . . .

Въ ароматныхъ лугахъ не звенѣла коса,
И на пажитяхъ жницы не пѣли,—
Одѣвалися сѣрою мглой небеса,
Обнажались, шумя, золотые лѣса,
И земля ожидала метели.

Грусть была и въ душѣ молодой у меня,
И въ мерцаньѣ природы поблекломъ.
Тусклый вечеръ смѣнялъ мглу осенняго дня;
Клокоталъ самоваръ; сиротливо звеня,
Дождь безшумно струился по стекламъ.

Въ бѣдномъ сердцѣ моемъ закипала гроза...
Вспоминались глаза съ поволокой,
Гдѣ, какъ счастье, сіяла небесъ бирюза...
И не дѣтская грудь мнѣ давила слеза,
И рыдалъ я въ печали глубокой.

Вспоминались—весной расцвѣтающій садъ,
Наши первыя робкія встрѣчи
И душистыхъ черемухъ вѣнчальный нарядъ,
И нетающій ночью румяный закатъ,
И признаній невинныя рѣчи.

Мы, какъ дѣти, любили другъ друга тогда
И, какъ дѣти, разстались покорно.
И никто нашей тайной любви никогда
Не подмѣтилъ,—она, какъ мечта, безъ слѣда
Пронеслася въ сердцахъ благотворно.

Но въ разлукѣ тебя полюбилъ я живѣй—
И впервые рыдалъ объ утратѣ...
Такъ въ разбитой струнѣ звуки ропщутъ звучнѣй,
Отъ подкошенныхъ травъ ароматы сильнѣй,
Солнце блещетъ яснѣй на закатѣ...

* * *

Кто онъ? Зачѣмъ, откуда этотъ гость,
Таинственный и странный, какъ видѣнье?
Со мною онъ—чуть въ сердцѣ вспыхнетъ злость,
Иль осѣнитъ, какъ счастье, примиренье.

Давно встрѣчалъ его пытливый взоръ;
Мнѣ блѣдное лицо его знакомо.
То въ немъ восторгъ блеснетъ, какъ метеоръ;
То, какъ осенній день, въ немъ теплится истома.

Давно хотѣлъ я разгадать его
И все не могъ найти къ нему разгадки.
При встрѣчахъ онъ не молвитъ ничего,
Лишь хмуритъ лба задумчивыя складки.

Кто онъ? зачѣмъ, откуда онъ пришелъ?
Куда ведетъ въ тоскѣ недоумѣнья?..
Ему людской несносенъ произволъ,
И тяжелы, какъ цѣпи, увлеченья...

Въ толпѣ, какъ тѣнь, онъ бродитъ одинокъ,
Сопутствуетъ и ненавидитъ тайно.
Онъ отъ меня, отъ сердца такъ далекъ—
И вмѣстѣ съ тѣмъ такъ близокъ чрезвычайно...

*
* *

Грудь моя болитъ,
Бѣдный мозгъ въ огнѣ,
И бѣгутъ съ ланитъ
Капли слезъ во снѣ.
Какъ въ ночи земля
Безъ росы—томлюсь;
О любви моля,
Умереть боюсь.
Все поетъ, цвѣтетъ;
И заря съ зарей
Хороводъ ведетъ
Золотой весной;
И шумятъ ручьи,
Колыхаются,
А мечты мои
Обрываются,—
Обрываются,
Точно нити струнъ
Въ роковой канунъ
Предъ кончиною...
И томитъ болѣзнь,
И поетъ мнѣ пѣснь
Лебединую...

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

(По поводу его книги „Вечерній Звонъ“.)

Поэтъ! Когда завечерѣло
Въ твоей мечтательной судьбѣ,—
Вновь муза старая тебѣ
О дѣтствѣ розовомъ запѣла.
Хотя снѣгъ старости твоей
Зарей румянится вечерней,—
Поешь ты громче и теплѣй
Передъ толпою жадной черни.
А я, весною, въ дождь и тьму,
Настроивъ лиру своевольно,
Остановился богомольно,
Внимая звону твоему.
Молю, чтобъ медлилъ мракъ полночный
Гасить закатъ твоихъ лучей,—
Мнѣ сладокъ звонъ твоей вседневной,
Какъ звонъ заутрени твоей!

*
* *

Усталое сердце не жаждетъ
Привычной любви бытія...
Зачѣмъ-же такъ ропщетъ и страждетъ
Безсонная память моя?
Опять позабытыя рѣчи
Невольно твержу наизусть,
Былыя и лица, и встрѣчи
Мечтой вызываетъ мнѣ грусть.
Язвятъ неразумныя ссоры,
Ошибки былого и зло,—
Все то, что туманило взоры,
Что душу мучительно жгло.
И сѣтуетъ память тревожно,
И грустно до боли уму
За то, что забыть невозможно
Былого холодную тьму.
И смутно въ душѣ безъ участья,
И радъ-бы отдать навсегда
За мигъ возвращеннаго счастья
Грядущей печали года.

* * *

Когда я съ музою встрѣчалъ
Медовый мѣсяцъ на Парнасѣ
И звонкой риѳмой отмѣчалъ
Мгновенья въ мимолетномъ часѣ;
Когда отъ дружеской руки
Я принялъ первыя пожатья,
И мнѣ пророчили собратья
Рукоплесканья и вѣнки,—
Тогда—надеждами волнуемъ,
Съ мечтой въ очахъ, съ огнемъ въ крови
Тебя я встрѣтилъ поцѣлуемъ
И гимномъ дѣвственной любви.
И цѣломудренно, и свято
Не долго молодость живитъ.
Прошли года... борьбою смята—
Любовь развѣнчанной лежитъ.
И на алтарь ея, гдѣ прежде
Сердца мы жертвами сожгли,
Несемъ въ обманутой надеждѣ
Корысть постыдную земли,—
И, какъ цвѣты въ раю тепличномъ,
Невдалекѣ своей зимы
Томимся счастіемъ привычнымъ
И равнодушно вянемъ мы...

*
* *

Любилъ я съ дѣтства темные лѣса
И кручи скалъ, и шумъ потоковъ пѣнныхъ,
И въ зоряхъ розовыхъ и въ звѣздахъ неизмѣнныхъ
Глубокія, какъ мудрость, небеса...

Но душный городъ не пускалъ меня
Изъ стѣнъ своихъ, изъ каменныхъ объятій,
Гдѣ блѣдный день рождался для проклятій,
Безжизненный, какъ сердце безъ огня.

Когда весной слезился бѣлый снѣгъ
И обнажалъ въ безлюдныхъ скверахъ сосны,—
Тогда въ душѣ, подъ звонъ великопостный,
Рождалась грусть, исполненная нѣгъ...

Какой-то сонъ, какъ тайна непонятный,
Ко мнѣ слеталъ,—въ восторгѣ тихомъ я
Воображалъ прекрасные края
И шумъ лѣсовъ, и вѣтеръ ароматный.

Волшебное съ возможнымъ сочеталъ
И плакалъ я надъ вымыслами сладко,
Грядущее мечтой переживалъ
И старился душою я украдкой.

Весь міръ умомъ пытливо облетѣвъ,
Исчерпавъ все, что ярко и прекрасно,
Я сталъ чужой всему, и лишь былой напѣвъ
Звучитъ въ душѣ моей неясно.

Въ лунную ночь.

Нашей сѣверной Пальмиры
Не узнать совсѣмъ! Блистая
Изъ-подъ мѣсячной порфиры,
Какъ царевна молодая,
Въ ожереліяхъ блестящихъ
Фонарей, зажженныхъ стройно,
Спитъ, не мысля о скорбящихъ,
Спитъ до времени спокойно.

Станемъ здѣсь мы у гранита,
Надъ Невою тихоструйной...
Посмотри—рѣка повита
Синимъ блескомъ ночи лунной
Посмотри—далекихъ зданій
Дремлетъ сумрачная группа...
То источникъ-ли страданій,
Сердце-ль высохшее трупа?

А внизу,—внизу соблазны,
Чары ночи, тайны нѣги...
Сыплютъ звѣзды блескъ алмазный
На подводные ночлеги,
И прозрачнаго чертога
Золотыя колоннады
Насъ манятъ, какъ знамя Бога,
Въ область мира и прохлады.

* * *

Старыя бумаги вновь перебирая,
Прочиталъ я пѣсни первыя свои...
Не пахнуло съ нихъ мнѣ дуновеньемъ рая,
А пахнуло грустью томною любви.
Я и въ дѣтствѣ плакалъ въ дни своей печали,
Я и въ дѣтствѣ мыслилъ; но порою мнѣ
Свѣтлыя видѣнья ласково слетали
Изъ волшебной дали въ лучезарномъ снѣ.
И тогда невольно пестрыя созвучья,
Какъ цвѣты, сплетались въ яркіе вѣнки...
О, какъ я былъ счастливъ! О, какъ былъ могучъ я
Въ часъ своей неясной, но святой тоски!
Я и самъ не вѣдалъ, опьяненный грезой,
Что моя писала дѣтская рука,—
Но какою чудной, благовонной розой
Въ эти дни дышала первая тоска!
А теперь, чрезъ годы первыхъ испытаній,
Понялъ мой печальный, омраченный умъ,
Что могилой стала колыбель мечтаній,—
Темною могилой опочившихъ думъ.
Понялъ я, что блекнутъ радужныя краски
Грезъ моихъ, что стихъ мой вянетъ, какъ цвѣтокъ,—
И все меньше вѣрю въ облачныя сказки,
И все больше—въ горе будничныхъ тревогъ.

*
* *

Изъ милыхъ устъ, когда-то мнѣ шептавшихъ
Слова любви и клятвы роковой,
Моей душѣ восторги даровавшихъ,—
Я слышалъ смѣхъ надъ жизнью молодой...
Упрекъ мечтамъ и нѣжному союзу
Произнесла, не дрогнувъ, ты;— но я,
Къ твоимъ ногамъ принесшій жизнь и музу,
Я промолчалъ, сомнѣнія тая.
Въ своей душѣ довѣрчивой и нѣжной
Я схоронилъ язвительный упрекъ,
И, какъ морозомъ скованный потокъ,
Я не ропталъ до времени, мятежный...

Но вотъ весна пахнула на меня
Изъ прошлаго: отъ пѣсенъ позабытыхъ,
Отъ писемъ, вновь для памяти раскрытыхъ,
Отъ нѣжныхъ строкъ, исполненныхъ огня —
И ледъ души, и сердца мертвый холодъ
Вновь отогрѣтъ лучами бытія;
И я ропщу; любовью гордъ и молодъ,
На твой упрекъ бросаю вызовъ я...
Такъ въ зимній день подъ ропотъ вьюги снѣжной
Молчитъ ручей, какъ смерть оледенѣвъ,—
Пахнётъ весной—и ропщетъ онъ мятежный:
Проснулась жизнь—и въ ней проснулся гнѣвъ.

* * *

Въ дни юности рѣзвой, въ дни шумной забавы,
Когда намъ мечтаются призраки славы,
Мы вѣримъ и любимъ, и пѣсни поемъ,—
Не зная былого, грустимъ о быломъ...

Проходятъ, уходятъ волненія жизни,
Мечты догараютъ, какъ свѣчи на тризнѣ,
Разбиты надежды и сердце мертво,—
Мы знаемъ былое и любимъ его.

ГОСТИНЕЦЪ

(Посвящ. В. Л. Величко).

Молода жена на свадьбу снаряжалась;
Снаряжаясь, мужу говорила:
«То-то я на свадьбѣ погуляю,
Горемычную голову потѣшу...
Оставайся, старый хрычъ, на печкѣ,—
Да смотри за хатою позорче.
Привезу, старикъ, тебѣ гостинцевъ—
Припасай зубовъ себѣ покрѣпче!»

Старый мужъ остался дома охать,
А жена уѣхала гуляти
Во почетный пиръ да на бесѣду...
Отзвенѣли бубенцы савраски,
Замела метель слѣды полозьевъ.
Старый мужъ залегъ дремать на печку.
Да не спится старому до свѣту,—
Холодно на печкѣ одинокой!
Тонкой дремой дремлется—не спится.

Ровно звонъ гудётъ по всей деревнѣ,
Ровно свищетъ кто-то за стѣною,—
Или лѣшій нынче разгулялся,
Въ рукавицы хлопаетъ, хохочетъ,

Новобрачныхъ хмѣлемъ осыпаетъ?
Думаетъ старикъ себѣ, гадаетъ;
Тонкой дремой дремлется—не спится!

А и кто-же тамъ по сѣнямъ бродитъ,
Втихомолку возится да шепчетъ,
Ощупью въ потемкахъ что-то шаритъ?
Не забрался-бъ гость ночной въ свѣтелку!
Думаетъ старикъ—взглянулъ-бы въ щелку,
Всталъ-бы съ печи—дрема одолѣла...
Тонкой дремой дремлется—не спится.

А и кто-жъ тамъ щелкаетъ орѣхи?
А и кто-жъ за дверью звонко чмокнулъ?
Кто тамъ вздумалъ ночью миловаться,
Миловаться—звонко цѣловаться?
Не моя-ли женка—молодуха,
Не она-ль шалитъ съ кѣмъ, озорница!
Думаетъ старикъ себѣ—гадаетъ,
Думаетъ—грозу женѣ готовитъ.
Ужъ онъ купитъ шелковую плетку,
Посѣчетъ измѣнницу какъ надо;
Только-бы посмѣла, озорница,
Измѣнить ему за хлѣбъ и за соль!
Думаетъ старикъ—и засыпаетъ.
Спится: крѣпко бьетъ онъ молодуху.

Той порой жена вернулась въ хату;
Милаго за дверью проводила,
Цѣловала сладко на прощанье,
Обнимала бѣлыми руками...

Просыпался, охая, мужъ старый,
Вопрошалъ сердито молодуху:
— Весело-ль на свадьбѣ погуляла?
А и что-жъ такъ щеки раскраснѣлись,
А и что-жъ такъ очи разгорѣлись?
Что мокра сорочка? Аль зимою
Нонѣ Богъ послалъ на ниву жатву?
Долго-ли, молодушка, ты жала?
Много-ли густыхъ сноповъ связала?
Потупила молодуха очи,
Поклонилась мужу въ поясъ.
— Я хмѣльна—за то и щеки красны,
А и рѣчь твоя кудрявѣй хмѣля!
А скажу тебѣ я не кудряво,
А скажу тебѣ, старикъ, всю правду:
Весело на свадьбѣ погуляла,—
Много я смѣшила да плясала.
Поведу плечомъ я—зависть дѣвкамъ,
Подмигну глазкомъ—забава парнямъ!..

Тутъ старикъ, кряхтя, поднялся съ печи.
Сталъ темнѣе тучи, грозно молвилъ:
— А и кто-жъ ходилъ по сѣнямъ ночью,
Да, какъ векша, все орѣхи щелкалъ?

Поклонилась молодуха въ поясъ,
Отвѣчала мужу, засмѣявшись:
— Это грезилъ ты, мой ладъ румяный!
Не орѣхи щелкала я ночью,—
То трещалъ морозъ въ сѣняхъ дубовыхъ

Обломалъ морозъ костыль желѣзный.
Тесъ-то новый, половицы бѣлы—
Похвалилъ твою работу крѣпко!

А и что-же, мнѣ казалось, ровно
Кто-то чмокалъ, звонко цѣловался?

Молодуха громче разсмѣялась,—
Отвѣчала мужу:—Ишь, придумалъ!
Спалъ и выспалъ, старый, поцѣлуи!
Леденецъ я чмокала-сосала,
Леденецъ-то паточный, московскій,—
Такъ и таетъ самъ во рту румяномъ,
Такъ и таетъ, ровно снѣгъ весенній!..
И сказалъ тутъ старый мужъ, насупивъ
Бровь сѣдую, точно свекоръ лютый:
— А и гдѣ-жъ обѣщанный гостинецъ?

Тутъ жена смутилась, поблѣднѣла,
Не могла найти для мужа слова.
— А и гдѣ-жъ обѣщанный гостинецъ?
Не гостинецъ—дорога мнѣ память!
Повторилъ суровѣе мужъ старый.

Молодуха залилась слезами,
Упадала съ плачемъ въ ноги мужа:
— Ты убей, или прости, касатикъ!
Не гляди ты только хмурымъ свекромъ,
Не туманься ноченькой осенней,
Мой желанный, мой супругъ-кормилецъ!
Видитъ Богъ, взяла тебѣ гостинецъ,

Да медовый пряникъ-то размякнулъ,
Сахаристый леденецъ растаялъ!
Я другой наладила гостинецъ,
Ужъ онъ крѣпче—прибыльнѣе къ дому!
Онъ къ веснѣ, что маковъ цвѣтъ, поспѣетъ,
Ко святой тебѣ яичкомъ будетъ,
Выростетъ онъ дитяткомъ послушнымъ,
Будетъ намъ работникомъ прилежнымъ.

Слушалъ мужъ, вздохнулъ, сказалъ: «Не гоже!
Согрѣшенье съ бабой окаянной!
Что-то скажутъ тетки да сосѣдка!
Хоть не вой, не голоси такъ громко—
Лягъ, пригрѣй—теплѣй могила будетъ».

ЗЕРНА.

Когда бросаютъ въ землю зерна
Полезныхъ злаковъ и цвѣтовъ,—
То ждутъ, что съ таяньемъ снѣговъ,
Съ весной, пахнувшей животворно—
На Божій свѣтъ проглянетъ злакъ,
Цвѣтокъ въ одеждѣ бѣлотканной,
Чтобъ взоры радовать и мракъ
Встрѣчать росой благоуханной.
Не такъ-ли зерна душъ святыхъ
Мы рядимъ въ пѣсни и картины
И, какъ цвѣты, бросаемъ ихъ
На равнодушныя равнины
Заботъ и радостей мірскихъ?
Цвѣты сбираемъ мы въ букеты,
Колосья наливаютъ хлѣбъ,
А вы, мечтатели—поэты,
Въ чью душу, въ чей печальный склепъ,
Какъ свѣтъ, несете ваши пѣсни
И зерна призрачныя думъ?
Кому вы скажете: воскресни!
И чей взволнуете вы умъ?..
И чей восторгъ, какъ славы шумъ,
Наполнитъ сномъ очарованья
Печальной жизни вашей путь,
И чья вздохнетъ свободнѣй грудь,
Услыша звучный вопль страданья?

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Поэтамъ.

Зажжемъ свѣтильники и, въ свѣтлыя одежды
Облекшися, свѣтлы, какъ женихи,
Мы выйдемъ, полные восторга и надежды,
На рынокъ суеты, гдѣ царствуютъ грѣхи,
Гдѣ властвуетъ телецъ, изъ золота созданный,
Гдѣ люди мечутся, какъ узники въ тюрьмѣ,
И проклинаютъ путь печальный и туманный
Съ отвагою въ душѣ, съ отчаяньемъ въ умѣ.
Мы выйдемъ, принеся завѣтныя скрижали
Глаголовъ ласковыхъ, съ безобачлнымъ челомъ,
Чтобъ люди, просіявъ мгновенно, увидали,
Что торжествуемъ мы побѣду надъ врагомъ,
Что видимъ издали грядущаго святыни,
Теперь безвѣстныя мятущейся толпѣ,
Что вѣра въ насъ жива— и, бодрые, отнынѣ
Идемъ безъ устали къ намѣченной тропѣ.
Чтобъ всѣ, увидѣвъ насъ, душой возликовали
И вслѣдъ намъ радостно и смѣло потекли
Въ храмъ правды и добра, къ сіянью новой дали
Отъ этой гибнущей и плачущей земли.

СТАНСЫ.

На свѣтѣ есть не мало чудныхъ словъ,
Но истина одна всѣхъ озаряетъ,—
Чья пѣснь звучна—тотъ Бога повторяетъ
И мыслитъ вслухъ для радости рабовъ.
На языкѣ души я говорю;
Всѣхъ слаще онъ, хоть меньше всѣхъ понятенъ...
Кто не любилъ весеннюю зарю,
Весенній стансъ тому не ароматенъ.
Смерть ищетъ жизнь и снова, торопясь,
Изъ тлѣнія рождаетъ жизнь на смѣну.
Храня съ былымъ таинственную связь,
Въ борьбѣ страстей мы ищемъ перемѣну.
Безумные въ стремленіи борьбы,
Глупцы въ любви, мы все понять не можемъ,
Что злобою темнимъ свои гробы
И колыбель грядущаго тревожимъ.

* * *

Сколько звѣздъ на небѣ ясныхъ,
Столько ночью темной
Ты даришь мнѣ поцѣлуевъ
О, мой другъ нескромный!

Но за то при свѣтломъ солнцѣ
Ты даришь мнѣ горе,—
Столько слезъ и столько муки,
Сколько капель въ морѣ.

*
* *

Ты сердишься?!. Молчишь; на каждый мой вопросъ
Ты отвѣчаешь строгимъ взглядомъ;
Въ твоихъ очахъ я вижу капли слезъ.
Не ревность-ли, мой другъ, своимъ холоднымъ ядомъ
Твой духъ и сердце леденитъ?!.
Напрасно, милый другъ! Отри слезу съ ланитъ.
Я не влюбленъ... о, нѣтъ! Но если я случайно
Ей написалъ стихи,—то это не любовь,
Не страсть кипучая, которой имя—тайна,
Не страсть, которой имя—кровь.
То я писалъ шутя, небрежно, по привычкѣ...
Ты слышала-ль, какъ раннею весной
На утренней зарѣ въ саду щебечутъ птички?
Такъ пѣлъ и я—взволнованный зарей
Ея любви, ея невинной страсти!..
Не гнѣвайся, не бойся, милый другъ!
Я скороталъ томительный досугъ
Своимъ стихомъ—и вновь въ твоей я власти,
Тобою вновь дышу и вновь тобой живу...
Такъ рѣзвый жаворонокъ вьется
И пѣснь поетъ, стремяся въ синеву,
И послѣ падаетъ въ душистую траву—
Гдѣ такъ легко ему живется...

* * *

Поэты лгутъ, какъ жизнь; какъ жизнь они мятежны;
Какъ жизнь измѣнчивы,—то сумрачны, то нѣжны.
Восторгомъ неземнымъ туманитъ ихъ любовь,
Но мигъ одинъ пройдетъ—и гнѣвъ пылаетъ вновь,
И лиры ласковой задумчивыя струны
Ужъ сыплятъ, злобствуя, мгновенные перуны.
Сегодня для пѣвца луны туманный ликъ
Исполненъ прелести, и кажется языкъ
Гремучаго ручья такъ ласковъ, такъ понятенъ,
И звѣзды такъ теплы и лѣсъ такъ ароматенъ.
А завтра тотъ-же лѣсъ и звѣзды и ручей
Не трогаютъ души, не веселятъ очей,—
И свой недавній пылъ, восторгъ къ природѣ вѣчной
Онъ самъ-же осмѣетъ въ тоскѣ простосердечной.
И, каждый часъ слѣдя за жизнью, за судьбой,
Ихъ жадно мѣряетъ пытливою душой
И вкладываетъ перстъ въ обманъ и язвы рока
Затѣмъ, чтобъ снова быть обманутымъ глубоко.

ПРОЩАЙ!.

(Посвящается Ап. Ап. Коринфскому.)

«Прощай!» Когда-то слово это
Звучало сердцу роковымъ;
И умирала радость съ нимъ,
Какъ грезы ночи въ часъ разсвѣта.
И много разъ, потупивъ взоръ,
Я прерывалъ его рыданьемъ.
Оно звучитъ и до сихъ поръ
Разлукой, смертью, иль изгнаньемъ.
Но искушенная мечта
Къ печали скоро привыкаетъ,
И сердце больше не рыдаетъ,
Когда «прощай» твердятъ уста.
И въ день кончины, разставаясь
Съ непостояннымъ бытіемъ,
Я, какъ ребенокъ передъ сномъ,
«Прощай» промолвлю, улыбаясь..

ОСЕНЬ.

Вѣтеръ въ вершинахъ шумѣлъ; ложились вечернія тѣни,
Запахъ румяныхъ плодовъ таялъ—какъ вздохъ, какъ прохлада;
Грустная осень сидѣла у темнаго сада,
Молча вѣнки уронивъ и свирѣль на колѣни.
Мимо поэтъ проходилъ, блѣденъ, какъ сумракъ угрюмъ:
«Здравствуй, привратница смерти—жница безстрастная думъ!
Скоро-ль въ снѣга облечешь грустный и мертвенный долъ,—
Скоро-ли смертью дохнешь?»
— Здравствуй, наперсникъ боговъ!
Что ты хотѣлъ бы теперь и для чего ты пришелъ?
Юной веснѣ отдала все я давно изъ лѣсовъ...
Смерти,—забвенья прошу! юный отвѣтилъ поэтъ.
Осень дохнула въ лицо—былъ ароматенъ привѣтъ...
Молча она поднялась, съ ризы роняя цвѣты,
Завязь душистыхъ плодовъ—клятвы, любовь и мечты...

КАМЕНЬ И ЗОДЧІЙ.

Камни они въ города громоздятъ, точно гробы—
Бездушныя стѣны!
Сколько въ нихъ зависти, сколько въ нихъ злобы,
Сколько измѣны,—
Сколько печали и страха!..
Зодчій безсмертный! Ваятель вселенной! Затѣмъ-ли
Вывелъ ты властно изъ праха
Рукою нетлѣнной
Горы, ущелья, плодами цвѣтущія земли,
Корни и зелень лѣсовъ темнокудрыхъ,
Небо наполнилъ лучами безсмертныхъ—
Какъ Самъ—огнеточій
И безконечность осмыслилъ, таинственный Зодчій,
Въ разумѣ мудрыхъ.
Тщетно, Всесильный, Тебѣ подражаетъ безсилье
Смертныхъ и слабыхъ!.. Завистливы очи,
Горды и смѣлы познанья холодныя крылья...
Тщится за грань упорхнуть смерти и ночи,
Тщится Тебя разгадать духъ, ослѣпленный Тобою...
Чѣмъ Твой источникъ живучъ, чѣмъ Твои звѣзды сотканы?

Жажда-ли славы водила Твоею рукою,
Жажда-ли мысли ковала безсмертные планы?
Дологъ упорный ихъ трудъ воли желѣзной,
Скуденъ и жалокъ ихъ пламень.
Чтожъ громоздятъ они камень на камень:
Мертвыя формы мертвы въ красотѣ безполезной!

* * *

Весна моей любви, весна моей печали—
Ты скрылась отъ меня, страстями истерзавъ.
Недолго пѣснями мечты мои звучали,
Недолго жгла тоска средь гибельныхъ забавъ.
Недолго я молилъ въ порывѣ думъ свободныхъ,
Недолго нѣжностью и ревностью горѣлъ,
И вотъ уже въ тоскѣ среди руинъ безплодныхъ—
Руинъ разбитыхъ грезъ—я въ ужасѣ прозрѣлъ.
Вокругъ темно; огни, сіявшіе такъ чудно,—
Отъ васъ угаръ и дымъ; отъ пышныхъ цвѣтниковъ—
Увядшая трава... И вотъ, что безразсудно
Такъ я любилъ въ сіяньи первыхъ сновъ!

*
* *

Отъ полдня яркаго и отъ слѣпней несносныхъ
Уходятъ путники подъ своды шалашей.
Подъ вѣтки пышныя деревьевъ цвѣтоносныхъ,
Гдѣ жажду ихъ поитъ услужливый ручей.
А мнѣ куда уйти отъ этой жизни знойной,
Что душнымъ пологомъ легла надъ головой
И блѣдной суетой, тревогой безпокойной
Томитъ и жжетъ меня, какъ полдень золотой?!.
Заботы скучныя, какъ оводы шальные,
Вокругъ меня снуютъ и жалятъ каждый день
И отравляютъ сны блаженства голубые,
Покой души моей и сладостную лѣнь.
Куда бѣжать отъ нихъ? Ужель подъ сѣнь могилы,
И жизнь, и сны ея утративъ навсегда...
Уснуть въ той безднѣ безднъ, гдѣ вѣченъ мракъ унылый,
Гдѣ безъ видѣній сонъ и отдыхъ безъ труда!

* * *

На темномъ небѣ звѣзды ночи,
Какъ слезы райскія, дрожатъ;
Мои заплаканныя очи
На нихъ внимательно глядятъ.

Ихъ переливное мерцанье,
Ихъ безмятежные огни
Опять напомнили мнѣ дни
Любви и грезъ, и упованья.

И мнится—годы протекутъ,
Онѣ сіять все также будутъ;
Другіе гимны имъ споютъ,
А мы пройдемъ, и насъ забудутъ.

И знаю я, что имъ никто
Послать проклятье не посмѣетъ
За то, что вѣчны, и за то,
Что яркій пламень ихъ не грѣетъ.

НЕЗРИМЫЯ ДРАМЫ.

Посвящается Александру Константиновичу Шеллеру.

Средь житейскихъ драмъ—и шумныхъ, и кровавыхъ
Есть драмы тайныя, незримыя для глазъ;
Въ нихъ ужасъ роковой, какъ агнцевъ величавыхъ,
Печальныхъ жертвъ своихъ не мечетъ на показъ.
Въ огромныхъ городахъ, въ стѣнахъ жилищъ угрюмыхъ,
Герои тайныхъ драмъ безслѣдно вѣкъ влачатъ...
Мы мимо ихъ идемъ въ своихъ привычныхъ думахъ
И упрекаемъ ихъ, и—отвращаемъ взглядъ...
Но муки ихъ страшны! Исторія не станетъ
Записывать ихъ жизнь на вѣчную скрижаль:
Ей надо только тѣхъ, кто царственно тиранитъ,
Чей гнѣвъ неумолимъ и чья горда печаль...
Но мимо слабыхъ жертвъ художникъ вдохновенный
Безмолвно не пройдетъ... Задумается онъ
И станетъ въ міръ вникать, въ тотъ міръ больной и тлѣнный,
Гдѣ злоба и нужда ползутъ со всѣхъ сторонъ.
Онъ озаритъ намъ жизнь скорбящаго пигмея
Святымъ лучемъ ума, тепломъ своей души;

И вѣщее перо, скорбя и пламенѣя,
Раскроетъ блѣдный міръ, міръ замкнутый въ тиши,—
Гдѣ хмурая нужда ютится безъ привѣта,
Гдѣ много такъ борьбы, гдѣ тьма царитъ кругомъ,
Гдѣ рѣдко свѣтитъ лучъ живительнаго свѣта...
И надъ сердечными страницами поэта
Мы прослезимся и вздохнемъ!

1888 г. Октябрь.

Въ душѣ моей элегія слагалась,
День умиралъ счастливою мечтой;
Моя душа съ надеждами прощалась,
А ночь несла цѣлительный покой.
И мнилось мнѣ, что вмѣстѣ съ ночью влажной
Нисходитъ смерть благословить гроба,—
И шумъ деревъ элегіей протяжной
Звучалъ мечтамъ, какъ поздняя мольба.

Мы любимъ, кажется, другъ друга,—
Но отчего же иногда
Отъ нѣжныхъ словъ, какъ отъ недуга,
Бѣжимъ испо тнены стыда?
Зачѣмъ, привыкшіе къ злословью,
Другъ друга любимъ мы терзать,—
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?!.

Я видѣлъ таинственный замокъ
Не очень веселой земли;
Тамъ плѣнные рыцари жили,
Лишенные правъ короли.

Однихъ полонили печали,
Другихъ заключила вражда,
Иныхъ—самыхъ робкихъ и блѣдныхъ—
Любовь приводила сюда.

Одни тамъ до слезъ хохотали,
Другіе терзались до слезъ;
Кто побылъ въ томъ замкѣ скорбящихъ,
Тотъ понялъ житейскій хаосъ!

Тотъ знаетъ, какъ дружба жестока,
Какъ зло лицемѣритъ толпа,
Какъ часто любовь безсердечна,
Какъ часто наука глупа!...

* * *

Снилось мнѣ, что ты со мною,
Что ласкаешь ты меня
И въ больничную темницу
Вносишь свѣтъ живого дня..

То со мною рядомъ сядешь,
То цѣлуешь горячо
И меня цвѣтами рядишь,
И склонилась на плечо.

«Хорошо-ли, другъ мой милый?
Я съ тобою, чуть досугъ»..
Отвѣчаю я: «могилой
Исцѣлить хочу недугъ!»

Ты вздохнула, ты сказала:
«Отчего печаленъ ты?
Посмотри, какіе нынѣ
Принесла тебѣ цвѣты.

Я сбирала ихъ съ друзьями
У прозрачнаго ручья—
И поклонъ тебѣ прислали
Незнакомые друзья!»

*
* *

Безъ слезъ я погибалъ, угрюмъ и опечаленъ;
Въ озлобленномъ умѣ жизнь гасла, какъ мечта.
Былое рушилось; изъ-подъ его развалинъ,
Какъ змѣй пришибленный, шипѣла клевета.

Я къ жизни не взывалъ, на жизнь лишенный права..
Отъ всѣхъ отторженный въ безумствѣ роковомъ,
Я въ ужасѣ постигъ, какъ лжетъ земная слава
И какъ дерзка любовь въ невѣдѣньи своемъ.

И прежнихъ дней своихъ измѣнчивую повѣсть
Я перечелъ тогда въ мучительной тоскѣ,
И гордо смерть звала оправданная совѣсть,
Какъ гибнущій боецъ со знаменемъ въ рукѣ.

Напрасно ночь дышетъ изъ сада—
Росистою мглою бѣла,—
Не свѣетъ ночная прохлада
Горячую думу съ чела!

Напрасно луна золотая
Мнѣ въ очи пытливо глядитъ,—
Она не осушитъ, сіяя,
Горячія слезы ланитъ.

Я грустью земной заколдованъ,
Я тихою думой своей—
Какъ сказочнымъ сномъ—очарованъ
И сплю, не смыкая очей.

И снится мнѣ, въ дымкѣ туманной,
Таинственный сонъ на яву...
Ужели, какъ призракъ желанный,
Я жизнью его назову?

Ужели ревнивыя грезы,
Которыхъ унять не спѣшу,
И эти раскаянья слезы—
Все то, для чего я дышу?!.

СОНЪ ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Мнѣ снилося: я шелъ туманной рощей,—
Лампадой тусклой блѣдная луна
Висѣла низко въ облакѣ прозрачномъ,
Свой матовый, меланхоличный свѣтъ
Уныло разливая. Корни сосенъ
Огромные, какъ змѣи, неподвижно
У ногъ моихъ вилися; по вершинамъ
Тревожный гулъ ходилъ; казалось, птицы
Незримыя порхали, задѣвая
Неловкими крылами хвои вѣтокъ.
Грудь ныла страхомъ... Вдругъ передо мною
Мелькнулъ огонь и скрылся вдалекѣ.
Что было то? Упавшій ли свѣтлякъ,
Блуждающій огонь, или звѣзда,
Мелькнувшая въ таинственномъ эфирѣ,—
Не знаю я, но только сердце страстной
Надеждою, какъ сладостнымъ обжегомъ,
Вдругъ вспыхнуло... Быть можетъ, здѣсь жилище
Недалеко, подумалъ я,—и вотъ,
Какъ-бы въ отвѣтъ желанью моему,
Сквозь сѣть деревъ уныло затемнѣли
Развалины невѣдомаго замка.

Казалося, что это груды камней,
Набросанныхъ неряшливо; когда же
Вглядѣлся я въ нѣмое очертанье,
То различилъ зубчатыя бойницы,
Тяжелые ворота и ступени
Пустынныя, поросшія травою...
Приблизился и слышу: зазвенѣло
Стекло вверху; казалось, распахнется
Сейчасъ окно,—и выглянетъ оттуда
Красавица, иль тѣнь сѣдого воина...
Но нѣтъ! То филинъ спугнутый покинулъ
Разбитое окно, гдѣ онъ гнѣздился,
И тяжело поплылъ на встрѣчу мрака.
Безшумно дверь раскрылась. Я вошелъ
Въ унылый залъ: сквозь стрѣльчатыя окна
Съ лучомъ луны струился сѣрый мракъ...
Я засвѣтилъ фонарь,—и полукругъ
Невѣрнаго сіянія со мною
Таинственно поплылъ; по потолку
И по полу тѣнь шаткая металась.
Въ лучистое сіянье фонаря
Порой врывалась бабочка ночная,
Иль нетопырь, трепещущій крылами—
Какъ тонкими руками. Въ тишинѣ
Мои шаги по каменному полу
Испуганно звучали—и казалось,
Что вслѣдъ меня идетъ тяжелый призракъ,
За нимъ другой, за тѣмъ еще другіе...
Еще... еще—безъ счета, безъ конца...

Еще... еще!.. Но нѣтъ, я былъ одинъ!...
И звукъ извнѣ звучалъ въ моей душѣ,
Какъ отраженье въ холодѣ зеркалъ
Двухъ святочныхъ свѣчей, — и, если-бъ смѣло
Я погасилъ сердечный пламень,—въ мигъ
Всѣ призраки холодные исчезли-бъ...

1891 г.

* * *

Надъ нами шутитъ жизнь обидно,
Гнететъ сомнѣніе и зло;
Жить для себя смѣшно и стыдно,
А для другихъ жить—тяжело.
Любить и плакать невозможно,
Когда душа, какъ ночь, темна...
Нельзя растратить силъ тревожно,
Коль юность выпита до дна.
Нельзя повѣрить чудной были,
Когда нѣтъ радостей въ быломъ;
И даже спать нельзя въ могилѣ,
Боясь уснуть безсмертнымъ сномъ.

А. Н. МАЙКОВУ.

30 Апрѣля 1888 г.

Античный строгій міръ изъ сумрака забвенья
Ты вызвалъ намъ, поэтъ, въ часы проникновенья,
Подъ звонъ чарующій торжественной струны
Слетали снова къ намъ преданія и сны
Прекрасной Греціи и царственнаго Рима...
И музы древнія, завидѣвъ пилигрима
Съ душою русскою на горныхъ высотахъ
Парнаса свѣтлаго, сбѣгались второпяхъ
На твой призывный кликъ, роняя съ ризъ пурпурныхъ
И жемчугъ звонкихъ ріемъ, и звѣзды сновъ лазурныхъ,
И русскаго пѣвца вѣнчали вязью розъ
Въ волшебномъ маревѣ золотокрылыхъ грезъ!...
И нынѣ нашъ чередъ! Ликующей толпою
Мы, младшіе пѣвцы, стеклись передъ тобою,
Чтобъ сыпать золото привѣтствій дорогихъ
На серебро сѣдинъ прославленныхъ твоихъ.

ЗАМѢТКИ.

I.

И добрыхъ жизнь и злыхъ мелькнетъ, какъ сновидѣнье...
Продли-жъ его, ничтожный человѣкъ:
«Онъ золъ былъ»—говорятъ мгновенье,
«Онъ добръ былъ»—повторяютъ вѣкъ.

II.

Свѣтъ мудрости, какъ пламенный свѣтильникъ,
Огонь даетъ свѣтильникамъ другимъ,—
А самъ по прежнему сіяетъ безмятежно
И побѣждаетъ тьму мерцаніемъ своимъ.

ЗАМѢТКИ.

I.

Къ чему мечты неумолимый гнетъ,
Зачѣмъ душа такъ жадно къ небу рвется?
Разумнаго безумство не пойметъ,
И смертное съ безсмертнымъ не сольется!

II.

Все въ мірѣ ложно, все преступно,
Холодный міръ погрязъ въ крови;
Почти что все для зла доступно,
И все сокрыто для любви.

III.

Даритъ намъ молодость мечты,
Мечты дарятъ намъ упованья,
А упованія цвѣты
Приносятъ горькій плодъ страданья.

IV.

Онъ умеръ, но душа его межъ насъ сіяетъ...
Такъ сорванный цвѣтокъ безжалостной рукой
По смерти намъ благоухаетъ
Еще нѣжнѣе, чѣмъ живой.

*
* *

Ободри меня, подыми меня,
Исцѣли меня и наставь на путь;
Я не вѣрю въ блескъ золотого дня,
И отъ тайныхъ мукъ надорвалась грудь;
Годы юные я растратилъ самъ,
Не жалѣючи, на степяхъ мірскихъ;
Потускнѣлъ, померкъ мой волшебный храмъ,
Отцвѣли цвѣты ясныхъ грезъ моихъ...
Словно тѣнь бреду за одно съ толпой...
Исцѣли меня, подыми меня!
Дай мнѣ тѣшиться роковой борьбой,
Дай мнѣ вѣрить въ блескъ золотого дня!..

ИЗЪ СТАРАГО АЛЬБОМА.

I.

Пойдемъ въ сосновый лѣсъ, сегодня жаръ несносенъ...
Все тихо, все молчитъ, не шелохнется листъ,—
Уйдемъ подъ тихій мракъ гостепріимныхъ сосенъ,
И лѣсъ тамъ молчаливъ, и воздухъ тамъ смолистъ!
Люблю я этотъ лѣсъ; далекимъ, желтымъ строемъ
Уходятъ въ глубь стволы деревьевъ,—янтаремъ
Смола слезится съ нихъ, и мертвеннымъ покоемъ,—
Боясь людскихъ шаговъ—томится все кругомъ!

II.

Есть грусть прекрасная, когда поется стройно,
Когда—какъ ширь рѣки—задумчиво, спокойно
Катится бѣглыхъ грезъ летучій хороводъ...
Но есть другая грусть, грусть пропасти темнѣе,
Грусть, давящая грудь—какъ мстительная фея,
Когда молчатъ мечты и сердце смерти ждетъ,
Какъ ласку юноша, когда ни звука пѣсень,
Ни смѣлыхъ образовъ, когда вся жизнь тюрьма—
Гдѣ млѣетъ по стѣнамъ сѣдѣющая плѣсень,
И вѣетъ сыростью губительная тьма.

УМИРАЮЩАЯ НЕВѢСТА.

Матушка! Я слышу кто-то шепчетъ сладко,
Кто-то за стѣною тамъ поетъ давно...
— Спи, моя родная! Спи, моя касатка—
Это дождь осенній хлещется въ окно.
— Матушка, скорѣе отвори окошко...
Слышишь-ли, подъѣхалъ милый мой къ крыльцу.
Поведи къ окошку,—посмотрю немножко:
Онъ-ли, я узнаю сразу по лицу!
— Нѣтъ, моя голубка, это шепчутъ нивы,
Это расходились волны на рѣкѣ...
— Матушка, мы въ церкви!.. мы теперь счастливы,
Перстень обручальный блещетъ на рукѣ.
Отъ свѣчей вѣнчальныхъ теплое мерцанье
Жаромъ обвѣваетъ щеки и чело...
Какъ народу много... мнѣ тѣснитъ дыханье...
Матушка, не правда-ль, въ церкви какъ свѣтло!..
Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвѣчаетъ дочери своей;
Передъ нею рѣютъ сумрачныя грезы,
Сумрачныя грезы полночи темнѣй.
Видитъ она церковь,—только не съ налоемъ,
Безъ свѣчей вѣнчальныхъ... и глядитъ на дочь,
Дышащую тяжко, пышащую зноемъ,
Въ эту ночь глухую, въ пасмурную ночь...

МЕТЕОРЪ.

Стремительно звѣзда скатилась золотая,
Мгновенно озаривъ полуночный эфиръ...
Я мнилъ: то падшій духъ, низвергнутый изъ рая,
Иль кроткая душа, покинувшая міръ;
Я мнилъ—то свѣтлый взоръ святаго громовержца,
Иль яркая стрѣла слѣпаго сатаны...
«То цѣлый міръ погибъ»,—мнѣ подсказало сердце,
Усмѣшкой упрекнувъ развѣнчанные сны.
«И все вокругъ пройдетъ безплодно и безслѣдно:
«И звуки смѣлыхъ лиръ, и вымыселъ искусствъ,
«И умъ, нашъ гордый умъ, царящій всепобѣдно
«Надъ слабымъ міромъ грезъ и легковѣрныхъ чувствъ.
«Померкнетъ свѣтъ луны, погаснетъ солнце ваше,
«Низринется въ хаосъ ничтожный шаръ земли.
«Недолго черпать жизнь изъ пиршественной чаши,
»И скоро ты пройдешь, какъ тысячи прошли!»
Шептало сердце мнѣ въ раздумьи боязливомъ,
И осыпалися мечтанія мои...
Такъ вѣтеръ, пробѣжавъ по наклоненнымъ ивамъ,
Роняетъ листья ихъ на зыбкія струи.

Ужели отцвѣтетъ волшебная природа,
И рухнется земля въ мятущійся хаосъ?
Къ чему-жъ борьба людей, познанья и свобода,
И сладостный елей благочестивыхъ слезъ?
Ужели все мелькнетъ, какъ искра метеора?
Къ чему-жъ тогда любовь и чистыя сердца,
Величье славныхъ дѣлъ и горькій стыдъ позора?!.
Мнѣ страшно за себя—и больно за Творца....

АРТИСТЪ.

Еще въ его ушахъ гремятъ рукоплесканья,
И слышится похвалъ веселый перекатъ.—
Но онъ уже забылъ безумныя скитанья,
Онъ сбросилъ короля изношенный нарядъ,
Онъ снялъ сѣдой парикъ; глаза его поблекли,
Съ усталаго лица онъ стеръ слѣды морщинъ;
Не смотрятъ на него лукавые бинокли
Волнующихся дамъ и сдержанныхъ мужчинъ.
Не блещутъ огоньки у театральной рампы...
Онъ дома; передъ нимъ—докучный кабинетъ.
Онъ снова одинокъ, отъ неподвижной лампы
На фрески потолка ложится мягкій свѣтъ.
Его мечтательно склоненный силуетъ,
Какъ призракъ, движется на тѣни...
Онъ хорошо сыгралъ! Онъ Ліромъ былъ живымъ,
Когда—развѣнчанный въ предательской измѣнѣ—
Метался и стоналъ по освѣщенной сценѣ,
Томясь недугомъ роковымъ.
Доступна для него тоска сѣдого Лира,
Понятно страшное безуміе его...
Театра зрители въ восторгѣ отъ того,
Что жадно осмѣетъ толпа живого міра.
До глубины души взволнованный, несчастный
Артистъ поникъ пылающимъ челомъ.

Онъ думалъ: Я сжился съ душою Лира страстной,
И—какъ его—меня обидѣли въ быломъ!
И я, какъ добрый Лиръ, отвергнутъ былъ жестоко
Когда то милымъ существомъ.
Она клялась въ любви, она—дитя порока,
И я повѣрилъ ей во всемъ...
Я палъ къ ея ногамъ, колѣнопреклоненный,
И все ей отдалъ, что имѣлъ:
И тлѣнный капиталъ, и духъ свой окрыленный,
И счастье юности, и весь земной удѣлъ...
Я передъ нею былъ рабомъ ея плѣненнымъ,
Ей вѣренъ былъ, какъ песъ!..
Я, помню, къ ней пришелъ однажды утомленнымъ,
Я жаждалъ ласкъ ея, я сердце ей принесъ,—
Но встрѣтила она поклономъ принужденнымъ
И опечалила до слезъ.
У ней былъ пиръ тогда; цвѣты живые въ вазахъ
Дышали на столѣ; вино лилось рѣкой...
Она, прекрасная, вся въ тюлѣ и алмазахъ,
Богинею царила надъ толпой
И мотылькомъ кружилась въ вихрѣ бала.
Вдругъ, раскраснѣвшися отъ пляски и вина,
Изъ вазы вынула камеліи она
И гостя юнаго цвѣтами увѣнчала.
Онъ былъ красивѣй всѣхъ изъ молодыхъ гостей,
И рѣзвая, какъ Фрина прежнихъ дней,
Смѣяся, за него бокалъ она подняла...
Нежданной выходкѣ рукоплескали гости;
Счастливецъ хохоталъ!..

А я? Я онѣмѣлъ отъ ревности и злости,
Я выронилъ бокалъ!..
И, угадавъ мою ревнивую тревогу,
Она взглянула на меня
И вслухъ воскликнула: «Отъ нынѣшняго дня
Ко мнѣ забудьте вы дорогу!..
Вы лишній здѣсь совсѣмъ! Я васъ не приглашала.
Уйдите, какъ пришли!..»
Моя душа, рыдая, хохотала;
По жиламъ лавою слова ея текли...
«Здѣсь всё мое—ея! И я здѣсь нынче лишній!
Гетера жалкая, не цѣнишь ты добра...
И мнѣ хотѣлося сорвать нарядъ съ ней пышный
И бросить ей въ лицо пылающія бра!..
Но я смолчалъ, смолчалъ постыдно,—и безшумно
Я вышелъ отъ нея, охваченный огнемъ.
Но не пошелъ, какъ Лиръ, скитаться неразумно:
Мой умъ былъ цѣпью мнѣ, а сердце—палачемъ.
Я медленно сгоралъ отравою измѣны...
О, сколько разъ въ тиши ночей
Рыданія мои подслушивали стѣны,
Бояся дерзости моей.
О, сколько разъ терзалъ меня жестокій геній,
Шепча: отмсти, отмсти!
Но вѣчность алчная обмѣномъ впечатлѣній,
Какъ злобный ураганъ, все рушитъ на пути.
И я забылъ ее... И только въ сердцѣ бѣдномъ,
Въ разбитомъ сердцѣ, иногда
Съ какимъ-то торжествомъ злорадным и побѣднымъ

Встаютъ печальные года.
Звучатъ ея слова, и наглый взоръ блистаетъ,
Стыдомъ и скорбью ноетъ грудь,
И знойный мозгъ горитъ, и сердце упрекаетъ,
И негдѣ отдохнуть...
Недаромъ же теперь презрительно и властно
Тревожу я сердца и покоряю свѣтъ,
И не пойметъ толпа, чѣмъ роль моя прекрасна
И въ чемъ ея секретъ!

1887 г. Октябрь.

ОТРЕЧЕНІЕ ПЕТРА.

И вспомнилъ Петръ слово, сказанное ему Іисусомъ: прежде нежели пѣтухъ пропоетъ дважды, трижды отречешься отъ Меня,—и началъ плакать.

Маркъ, глава XIV, 72.

Первосвященника дворъ тѣсный
Шумитъ народомъ. Блескъ зари
Померкъ на высотѣ небесной...
Навстрѣчу звѣздамъ фонари
Зажгли; свѣтъ факеловъ багровыхъ
Неясно освѣщаетъ дворъ.
Свѣжѣетъ; изъ вѣтвей терновыхъ
Сложили пламенный костеръ.
Въ свѣту дрожатъ, шатаясь, тѣни,—
И въ ихъ измѣнчивой игрѣ
Бѣлѣютъ судбища ступени,
Мелькаетъ стража на дворѣ.
Сверкаютъ шлемы, блещутъ копья,
Вокругъ огня сидитъ народъ,
И вѣтеръ двигаетъ отрепья,
И говоръ сдержанный плыветъ...

И у костра, присѣвъ на камень,
Взираетъ сумрачно на пламень

Одинъ изъ тѣхъ, кто вслѣдъ Христа
Бродилъ, внималъ Его ученью,
Чьи вдохновенныя уста
Взывали къ правдѣ и терпѣнью.
То рыбарь Петръ—Христа сподвижникъ;
Онъ полнъ раздумьемъ роковымъ.
И вотъ къ нему подходитъ книжникъ
И говоритъ: и ты былъ съ Нимъ!
И въ тайномъ ужасѣ, блѣднѣя,
Промолвилъ робкій ученикъ:
«Нѣтъ, я не знаю Назорея—
Ты ошибаешься, старикъ».
И вотъ одна изъ женъ, случайно
Замѣтивъ мрачнаго Петра,
Къ нему идетъ и шепчетъ тайно:
«Тебя я видѣла вчера,
Ты шелъ съ Нимъ вмѣстѣ...» Петръ, робѣя,
Не подымалъ смущенныхъ глазъ
И рекъ: «не знаю Назорея;
Его я вижу въ первый разъ...»
И снова грустью молчаливой
Онъ омрачился. И опять
Его допросомъ испытать
Идетъ судья велерѣчивый.
И Петръ, поднявъ главу свою,
Воскликнулъ, страхомъ пламенѣя:

«Нѣтъ, я не знаю Назорея,
Пророка въ немъ не признаю»!..

Тогда костеръ, дымясь, потухъ;
Бѣлѣла утромъ тѣнь ночная,
И на дворѣ запѣлъ пѣтухъ,
Зарю веселую встрѣчая.
И вспомнилъ Петръ слова Христа—
И зарыдалъ, смущенъ тоскою,
И нерѣшительной стопою
Онъ поспѣшилъ за ворота.
Востокъ серебряный алѣлъ...
И для заботъ, для шумныхъ дѣлъ,
Вновь пробуждался городъ пыльный.
Вставала жадная нужда,
И на базарахъ торгъ обильный
Кипѣлъ, какъ прежде, какъ всегда...
Но мраченъ Петръ былъ — и отнынѣ
Спѣшилъ покинуть онъ скорѣй
Для тишины нѣмой пустыни
Ерусалимскія твердыни,
Базары шумные людей...
Онъ шелъ туда, гдѣ взоръ нескромный
Не могъ судить его тоски,
Гдѣ только пальмы въ нѣгѣ томной
Роняютъ листья на пески,
Гдѣ только вѣтеръ, только птицы
Да безмятежная лазурь,
Что не сгораетъ отъ денницы,
Не разбивается отъ бурь....
И тамъ отшельникъ одинокій
Въ тоскѣ тяжелой и глубокой

Къ землѣ съ рыданіемъ припалъ.
И день прошелъ; на высяхъ скалъ
Померкъ закатъ, и дымкой синей
Одѣлась степь, и надъ пустыней,
Какъ царь въ толпѣ рабовъ своихъ,
Всталъ мѣсяцъ въ сонмѣ звѣздъ ночныхъ.

И поднялъ Петръ нѣмыя очи,
Отъ слезъ раскаянья возставъ.
И въ ароматѣ влажныхъ травъ,
И въ чуткомъ снѣ, и въ блескѣ ночи,
Казалось, кто-то былъ разлитъ
Неизреченной благостыней;
Казалось, кто-то надъ пустыней
Съ Петромъ и плачетъ, и скорбитъ...
И понялъ Петръ, Кто снова несъ
Ему прощеніе святое,—
Христосъ, простившій все земное,
Съ нимъ примирившійся Христосъ!..

Вѣтеръ уныло въ трубѣ завываетъ,
Сердце больное томительно сжалось.
Все, что прожито, мечту не плѣняетъ;
Все непонятно, что въ жизни осталось.

Мысли безплодной напрасны усилья,
Чувства горячаго холодны звуки;
Смѣлыхъ порывовъ надломлены крылья
Тайной борьбою и воплемъ разлуки.

Въ блѣдныхъ устахъ застываютъ молитвы,
Горечь упрековъ и ужасъ проклятій:
Раненъ боецъ утомительной битвы
Горемъ и ядомъ притворныхъ объятій...

Градомъ рыданій и солнцемъ желаній
Нивы житейской погублена жатва.
Въ сердцѣ лишь отблескъ былыхъ упованій,—
Позднихъ надеждъ безполезная клятва.

ОБЛАКА И ЗВѢЗДЫ.

Много свѣтлыхъ облаковъ
Пронеслося безъ слѣдовъ
По лазури золотой
Шумнымъ лѣтомъ и весной.
Ихъ воздушная толпа
Для косы и для серпа
Прослезилась, окропивъ
Травы луга, злаки нивъ...
И родникъ ихъ теплыхъ слезъ
Рожь душистую вознесъ,—
И растаяли, какъ дымъ,
Вмѣстѣ съ лѣтомъ золотымъ
Золотыя облака,
Какъ минутная тоска...
Гдѣ ихъ путь, и гдѣ ихъ бѣгъ?—
Не укажетъ человѣкъ!...
А лучистыхъ звѣздъ толпы
Гордо смотрятъ на снопы,
На измятые луга,
На душистые стога.

Не лучомъ—мечтой онѣ
Души грѣютъ въ тишинѣ,
Въ тьмѣ безоблачныхъ высотъ
Завивая хороводъ...
И по прежнему горятъ
Сонмы вѣчные лампадъ,—
И съ пытливостью земли
Мы къ нимъ очи возвели,
Но для міра зла и бѣдъ
Непонятенъ ихъ отвѣтъ.

ГОЛОСА ПРИРОДЫ.

Голоса природы смутной
Слышу въ сумрачной глуши,—
И отвѣтили ихъ пѣсней
Голоса моей души.

Тамъ, гдѣ зеленью смолистой
Сочно пахнетъ темный боръ—
Слышенъ звонкаго потока
Торопливый разговоръ,—

Съ кѣмъ онъ споритъ, чѣмъ грозится?
Не побѣдой ли весны?
Не баюкаетъ ли небо
Въ дерзкомъ холодѣ волны?

И зачѣмъ такъ грустенъ шорохъ
Въ чащѣ сосенъ и березъ,
Гдѣ глядитъ въ рѣзную зелень
Сумракъ розовыхъ полосъ...

Не поймешь, зачѣмъ трепещетъ
Эта дѣвственная сѣнь,—
Вечеръ гаснетъ, или блещетъ
Алымъ свѣтомъ новый день?

Слухъ въ затишьи чутко ловитъ
Звукъ, потерянный въ глуши,—
Въ голосахъ природы смутной
Голоса родной души.

* * *

Ночные пѣли соловьи,
И думы раннія мои
Они тебѣ передавали!..
Я счастливъ былъ, я зналъ, что ты
Полюбишь позднія мечты
Моей восторженной печали!..
И вотъ, когда пришла зима
И, съ горькимъ опытомъ ума,
Пахнуло холодомъ и тьмою,
Какъ отзвукъ нѣжный соловья,—
Въ твоихъ устахъ услышалъ я
Привѣтъ мнѣ, дышащій весною!

ЛѢТНІЯ ГРОЗЫ.

Смѣется солнце съ высоты,
Поля зеленыя пахучи.
Гроза прошла; мои мечты
Полны таинственныхъ созвучій.

Душистѣй лѣсъ, звучнѣй потокъ;
Свѣтло въ душѣ, свѣтло въ лазури,
Какъ будто въ жизни нѣтъ тревогъ,
А небеса не знаютъ бури...

Но все равно, въ затишьи стройномъ
Таится тайный жаръ страстей,
И зрѣютъ грозы въ небѣ знойномъ
Подъ пѣнье жницъ и косарей ..

Какъ нѣтъ безъ бурь живого лѣта
И какъ безъ жизни нѣтъ слезы,—
Такъ нѣтъ въ живой душѣ поэта
Безъ вдохновенія грозы...

АГОНІЯ.

Его агонія мучительна была...
На мигъ онъ засыпалъ, но въ краткія мгновенья
Года, мелькавшіе безъ мѣры, безъ числа,
Томили бурей сновидѣнья!..
Казалося—мятежная душа
Стремилася покинуть плоть, какъ бремя,
Безъ устали куда то вдаль спѣша,
Забывъ и прахъ, и помыслы, и время!
Мечта рождала новую мечту,—
Видѣнія изъ мрака выплывали,
И темь души все глубже разскрывали—
Какъ звѣзды, высоту.
Смѣнялся страхъ надеждою—и вдругъ
Отчаянье зіяло, какъ могила;
Надежды таяли, какъ блѣдный дымъ кадила...
Въ устахъ смолкалъ послѣднихъ жалобъ звукъ,
И сердце ужасовъ просило!
Какъ въ дикой радости непобѣдимыхъ силъ,
Онъ въ ужасахъ восторги находилъ,—
И страхъ томилъ, какъ наслажденье...
Онъ зналъ, что этотъ страхъ—мигъ смерти, можетъ быть,
Что сердце полное безумнаго волненья
Порвется—и порветъ, какъ прялка, жизни нить,
Что тамъ—за ужасомъ... забвенье!

ЛЕВЪ АНДРОКЛА.

Христіанская легенда.

I.

Во времена жестокаго Нерона,
Когда сыны распятаго Христа
Злодѣями звалися—и у трона
Лилася кровь невинна и чиста,
Какъ жертва Бога; въ дни, когда свирѣпо
Пыталъ палачъ въ холодномъ мракѣ склепа
Отступниковъ язычества, когда—
Безчинствуя и правду сожигая—
Льстецовъ Нерона жадная орда
Ковала цѣпь желѣзную для края,—
Въ тѣ дни жилъ мужъ. Андрокломъ звался онъ;
Онъ въ Римѣ жилъ, его любилъ Неронъ...
Но иногда, исполненъ чистой вѣры,
Андроклъ дворецъ шумящій покидалъ
И уходилъ къ отшельникамъ въ пещеры,
Гдѣ новому ученію внималъ.

II.

Андроклъ однажды ѣхалъ темнымъ лѣсомъ;
Прохладный лѣсъ шумѣлъ своимъ навѣсомъ;

И солнце ликъ межъ рдяныхъ облаковъ
На блѣдный западъ грустно опускало;
Ложилась тѣнь отъ кедровъ и дубовъ,
И вѣялъ вѣтеръ, точно опахало
Воздушныхъ нимфъ... И вдругъ сквозь шумъ листовъ
Услышалъ онъ печальное рычанье:
Въ немъ слышалось глубокое страданье;
Андроклъ, раздвинувъ влажный рядъ кустовъ,
Увидѣлъ звѣря: то былъ старый левъ,
И левъ больной; онъ открывалъ свой зѣвъ
И языкомъ сухимъ и воспаленнымъ
Лизалъ ступню съ рычаньемъ изступленнымъ;
Его заноза мучила; свой взоръ,
Свои глаза, блестящіе какъ стекла,
Онъ подымалъ умильно на Андрокла
И наконецъ къ нему ступню простеръ:
Между когтей, глубоко впившись въ тѣло,
На ней заноза гнойная темнѣла...
И подошелъ Андроклъ ко льву—и рану
Его тяжелой лапы осмотрѣлъ
И остріемъ своихъ пернатыхъ стрѣлъ
Занозу вынулъ. Хищному тирану
Онъ зачерпнулъ потомъ изъ ручейка
Воды тяжелымъ шлемомъ—и рука
Андроклова омыла влагу гноя...
И левъ вздохнулъ свободнѣе; потомъ,
Вращая кротко голубымъ зрачкомъ,
Онъ посмотрѣлъ съ участьемъ на героя
И, тяжело ступая, дальше въ лѣсъ

Поплелся онъ,—и наконецъ исчезъ
Въ зеленой чащѣ...

III.

Пробѣжали годы—
Евангельское слово все росло,
Ему внимали дальніе народы,
Передъ Христомъ склонивъ свое чело...
И сталъ Андроклъ послѣдователь тоже
Ученія Христова; онъ училъ
Прощать враговъ, онъ вѣрилъ и любилъ...
И сталъ къ нему Неронъ-язычникъ строже..
Сталъ замѣчать суровый властелинъ,
Что иногда, чуждаяся, одинъ
Сидитъ Андроклъ и думу роковую
Онъ думаетъ, и въ часъ, когда тимпанъ
Сзываетъ шумно въ пляску круговую,
Когда курильницъ призрачный туманъ
Надъ жертвенникомъ въ ленту голубую
Свивается, и въ честь своихъ боговъ
Неронъ, ликуя, чашу поднимаетъ.—
Андроклъ молчитъ и сумрачно вздыхаетъ
И зарыдать въ тотъ шумный мигъ готовъ...

IV.

Былъ шумный пиръ въ Нероновомъ дворцѣ.
Играла влага въ блещущихъ амфорахъ,
Неронъ сидѣлъ съ безумiемъ во взорахъ
Въ пурпурной тогѣ, въ розовомъ вѣнцѣ.

И, утомясь однообразной пляской,
Кимвалами и винами, и лаской,
Онъ узниковъ привесть къ себѣ велитъ.
Ихъ привели, исполненныхъ печали,—
И цѣпи ихъ упрекомъ прозвучали
На мраморѣ холодныхъ, звонкихъ плитъ...
Единый жестъ суроваго Нерона—
И пламенемъ сверкнулъ костеръ у трона,
И, грустные, поникнувъ головами,
Они вошли въ пылающій костеръ...
Они вошли несмѣлыми шагами,—
Но каждаго безтрепетенъ былъ взоръ.
И въ этотъ мигъ Неронъ взялъ въ руку лиру
И гимнъ запѣлъ языческимъ богамъ;
Казалося—въ то время богъ онъ самъ,
Принесшій кровь и разрушенье міру.
Андроклъ молчалъ, взирая на костеръ...
Вдругъ поблѣднѣлъ—и руку онъ простеръ
И, злобою, и мукой задыхаясь,
Почти вѣнца Неронова касаясь,
Воскликнулъ онъ: «Ты—демонъ! Ты—тиранъ!
Но есть Господь, Онъ властенъ надъ тобою!
Онъ разобьетъ и лиру, и тимпанъ
И ввергнетъ въ адъ тебя Своей рукою!»...
Неронъ блѣднѣлъ, Андроклъ сильнѣй дрожалъ
И силою небесной угрожалъ
Преступному властителю... И гордо—
Поднялся съ трона сумрачный Неронъ,
Не кончивши послѣдняго аккорда.
«Смерть!» Закричалъ въ ужасномъ гнѣвѣ онъ...

V.

Въ амфитеатръ, гордясь своею славой,
Съ придворными Неронъ пріѣхалъ самъ
Насытиться кровавою забавой...
И вотъ ввели преступника ко львамъ:
Одинъ изъ нихъ, легко сгибая спину
И выгнувъ хвостъ, поднявъ свою щетину,
Оскалилъ пасть, и по его губамъ
Горячая слюна уже бѣжала...
И ахнула встревоженная зала...
Но левъ другой, огромный старый левъ
Взглянулъ въ глаза Андрокла яснымъ взглядомъ
И поднялся, и легъ съ Андрокломъ рядомъ,
Льву юному оскаливъ гнѣвно зѣвъ.
И юный левъ поникнулъ головою,
Смущеннымъ взглядомъ жертву онъ обвелъ
И медленно въ глубь клѣтки отошелъ
Трусливою, тяжелою стопою.
Андроклъ узналъ въ спасителѣ своемъ
Льва прежняго, котораго когда-то—
При заревѣ вечерняго заката,—
Онъ врачевалъ давно въ лѣсу глухомъ.
А старый левъ, спокойно величавъ,
Какъ смѣлый вождь, увѣнчанный побѣдой,
Пришелъ къ ногамъ Андрокла и, припавъ
На грудь его, съ безмолвною бесѣдой
Своихъ очей отъ жертвы не сводилъ.
И языкомъ лизалъ Андрокла руки...

И пронеслись безчисленные звуки
Рукоплесканій радостныхъ; вскочилъ
И самъ Неронъ, исполненный волненья,
Къ ногамъ Андрокла бросилъ свой вѣнокъ,
Сказавъ: «Живи! Дарю тебѣ прощенье!»
И вновь, смѣясь, на пурпурѣ возлегъ...

МАДОННА.

Подъ окномъ, полнóчью ясной—
Въ часъ, когда я засыпала,
Серенады томногласной
Стонъ пѣвучій, зовъ прекрасный
Я внезапно услыхала...

То Ромео голосъ дивный
Звалъ къ себѣ, исполненъ жара,
То любовію призывной
Разливалась заунывно
Семиструнная гитара...

Я противилась желанью,
Я за страсть его не смѣла
Заплатить такой-же данью
И—съ тоской тяжелой—тканью
Облекла нагое тѣло...

Я окошко распахнула:
Убаюкивала дрема
Полночь страсти и разгула,
И въ лицо мое пахнуло
Ароматами Эдема...

Мигъ, и я бы безвозвратно
Отдалась ему: подъ властью
Этой ночи ароматной,
Этой пѣсни благодатной
Я пылала тайной страстью...

Но изъ ниши, въ темной спальнѣ,
Изваянный ликъ Мадонны
На меня глядѣлъ печальнѣй
И задумчивѣе дальней
Строгой матери—матроны...

Садъ поблекъ, казалось; больно
Сердце сжалося тоскою,
Я—сказавъ ему «довольно!»—
Заперла окно невольно
Осторожною рукою..

Замирали звуки выше;
Робко садъ смолкалъ зеленый;
Мракъ пустыннѣй... тише... тише..
Лишь глядитъ изъ темной ниши
Ликъ оправданной Мадонны...

1881 г.

* * *

Опять сегодня юность снилась мнѣ...
Она звала, она меня манила
Въ лазурный край, къ волшебной сторонѣ,
Которую любовь заворожила...
Я юности противиться не смѣлъ;
Хоть зналъ, что вновь она обманетъ сладко,
Но я за ней, волнуяся, летѣлъ—
Какъ къ вымыслу прекрасному догадка...
Я слышалъ вновь напѣвы юныхъ лѣтъ—
То грустные, какъ робкое прощанье,
То нѣжные, какъ искренній привѣтъ...
Я видѣлъ край святого волхованья:
Тамъ призраки плывутъ въ туманный свѣтъ,
Какъ въ жемчугáхъ, въ слезахъ воспоминанья...

* * *

Вѣчность сѣдая сидитъ на обломкѣ гранита,
Рубищемъ ветхимъ и бѣднымъ стыдливо прикрыта,—
Грустно сидитъ и сквозь думы тяжелыя стонетъ;
А подъ ногами ея — жизнь народовъ кипитъ и волнуется шумно...
Вѣчность, ропща, годъ за годомъ неслышно хоронитъ,
Жизнь разрушаетъ и вновь созидаетъ ее многодумно...

ИЗЪ СТАРЫХЪ СНОВЪ.

Мнѣ снилось, другъ, что я съ тобою
На тепломъ югѣ—въ царствѣ розъ;
Пріютъ нашъ дикій подъ скалою
И мхомъ и травами поросъ.
Безъ слезъ, отъ счастья, плачутъ очи;
Ростутъ и ширятся мечты,
И крупныхъ звѣздъ нѣмыя очи
Лукаво смотрятъ на цвѣты.
Ты мнѣ даришь живыя ласки,
И—въ ладъ чарующимъ рѣчамъ—
Журчитъ потокъ, въ безумной пляскѣ
Клубясь и вихрясь по камнямъ.
И тайный призракъ ночи южной
Глядитъ ревниво изъ куста—
Благоуханный и недужный,
Какъ обманувшая мечта...

ПѢСНЯ.

Встань, моя краса,—
Пробудися, встань!
Стелятъ небеса
Пурпурную ткань;
Блѣдная роса
Поднялась съ луговъ...
Пробудись, краса,
Отъ воздушныхъ сновъ!...
Съ шелковыхъ рѣснитъ
Грезы отряхни:
Трѣлятъ хоры птицъ,—
Хвалятъ Божьи дни...
Выглянь изъ окна:
Всюду—блескъ и зной...
Чтожъ ты холодна,
Ангелъ дорогой?!.
Что же ты молчишь?
Хоть-бы слабый стонъ!..
Въ мертвомъ сердцѣ—тишь.
Въ мирномъ духѣ—сонъ...
Гдѣ-жъ твоя любовь,
Гдѣ твои мечты?
Встань... Ужели вновь
Не проснешься ты?!...

1881 г.

* * *

Еще тѣ звѣзды не погасли,
Еще заря сіяетъ та—
Что озарила міру ясли
Новорожденнаго Христа...
Тогда—ведомые звѣздою,
Чуждаясь ропота молвы,
Благоговѣйною толпою
Къ Христу стекалися волхвы...
Пришли съ далёкаго Востока,
Неся дары съ восторгомъ грезъ,—
И былъ отъ Иродова ока
Спасенъ властительный Христосъ!..
Прошли вѣка... И Онъ, распятый,—
Но все по прежнему живой—
Идетъ,—какъ истины глашатай,
По нашей пажити мірской;
Идетъ—по прежнему обильный
Святыней, правдой и добромъ,
И не поборетъ Иродъ сильный
Его предательскимъ мечомъ...

МНОГИМЪ.

Безъ любви и безъ участья
Жизнь влачатъ они впотьмахъ;
Взоръ тупой ихъ полонъ счастья,
И улыбка на устахъ.
Если геній вдохновенный
Имъ навстрѣчу попадетъ,—
Ихъ улыбкой оскорбленный—
Онъ безвременно падетъ.
Чадъ—ихъ сумрачная старость,
Юность ихъ—безпутный пиръ;
Горе ближняго—имъ радость,
И злословіе—кумиръ!..

* * *

Не пойму я этой ночи
Бѣлоликой и больной...
Въ сизой дымкѣ западъ блѣдный
Блещетъ алою зарей...
Что-то, въ смутныхъ очертаньяхъ,
Ходитъ въ шопотѣ березъ;
Кто-то плачетъ и вздыхаетъ,
И роняетъ капли слезъ...
Не пойму я этой ночи,—
Сердце въ пламенной тоскѣ;
Очи ищутъ—въ тайномъ страхѣ—
Привидѣній вдалекѣ...
И сверкаетъ сумракъ алый—
Какъ заря въ морской волнѣ—
Въ блѣдныхъ грезахъ, въ звукахъ сердца,
Надо мною и во мнѣ...

МНѢ ГРУСТНО!..

Мнѣ грустно.... О прошломъ-ли эта печаль,—я не знаю;
О дняхъ-ли грядущихъ забота,—то сердцу загадка...
Какъ будто какія-то крылья незримыя стройно
Трепещутъ за мною, — но тщетно: подняться не могутъ!..
Не могутъ увлечь отъ безстрастнаго міра земного,—
Какъ будто-бы цѣпи сковали ихъ чудныя ткани,
Какъ будто какой-то незримый, таинственный демонъ
Мнѣ шепчетъ о мірѣ печальномъ, — но что? — неизвѣстно!

МОЙ ХРАМЪ.

Твоей душѣ отраденъ блескъ свѣчей
Въ душистомъ мракѣ люднаго собора
И съ клироса отъ сѣверныхъ дверей
Святой раскатъ молитвеннаго хора.
Ты вся—восторгъ, ты вся—любовь тогда;
Въ очахъ слеза и въ сердцѣ умиленье...
Забыто все: и горе, и вражда,—
И вѣчностью наполнено мгновенье!
Мой храмъ иной, иные въ немъ огни,
Иныхъ кадилъ въ немъ дышатъ ароматы;
Какъ часто я въ мучительные дни
Въ немъ забывалъ тревоги и утраты...
То—храмъ искусствъ, поэзіи то храмъ;
Его жрецовъ торжественные клиры
Я полюбилъ... И сталъ жрецомъ я самъ,
Рабомъ мечты, рабомъ незримой лиры.
И въ дни, когда—при шумѣ бытія—
Меня тоска язвительно тревожитъ,
Спѣшу въ свой храмъ... Лишь въ немъ душа моя
Еще любить, еще молиться можетъ!..

* * *

Шумѣли юноши безпечно
Среди вакханокъ молодыхъ,
И чаши дружескія ихъ
Звенѣли съ бойкостью сердечной...
Они съ улыбкой на устахъ
Встрѣчали первыя измѣны;
Какъ въ чашахъ накипь бѣлой пѣны,
Играла юность въ ихъ мечтахъ...
И думалъ я, потупя взоры:
Ликуйте, милые друзья,—
Пока въ сердцахъ, какъ блескъ Авроры,
Сіяетъ утро бытія!
Не разъ воротятся къ вамъ счастье,
Минуты скорби и стыда
И жаркій пламень сладострастья,—
А юность... юность—никогда!..

* * *

Что можетъ быть свѣтлѣй мечты,
Свѣтлѣй мечты лазурныхъ глазъ?!.
Кто вѣритъ въ жизнь,—тотъ любитъ васъ,
Какъ солнце—вешніе цвѣты!

Что можетъ быть добрѣй небесъ,
Добрѣй огня лазурныхъ глазъ?!.
Кто любитъ міръ,—тотъ любитъ васъ,
Въ томъ лучъ восторговъ не исчезъ!

Что можетъ быть какъ жизнь полно,
Полно—какъ страсть лазурныхъ глазъ?!.
Кто любитъ жизнь,—тотъ любитъ васъ,
Тому страдать не суждено!..

БѢЛАЯ ЖЕНЩИНА.

Мнѣ снился сонъ однажды чудный...
Мнѣ снилось,—грусть въ душѣ тая,
Я подъ листвою изумрудной
Сидѣлъ у берега ручья.

Блѣднѣлъ закатъ; сгущались тѣни,—
При ихъ задумчивой игрѣ
Ручей бѣжалъ—исполненъ лѣни—
Въ своемъ волнистомъ серебрѣ...

И вдругъ, обвѣянъ мглою сѣрой,
Во мракѣ сонной тишины—
Новорожденною Венерой
Всталъ бѣлый призракъ изъ волны;

Подъ легкимъ вѣтромъ развѣвалась
Его прозрачная фата,—
И жаднымъ взорамъ открывалась
Эфирной тѣни нагота...

То образъ женщины былъ стройной,—
Я видѣлъ блескъ ея очей,
Подобный блеску степи знойной,
Подобный отблеску морей...

И съ устъ ея, какъ звукъ Эола,
Какъ вѣщій шопотъ божества,
Слетѣли райскаго глагола
Неизреченныя слова.

И—полный свѣтлыхъ упоеній—
Я поклялся у ногъ ея
Сложить съ мечтами вдохновеній
Любовь и прелесть бытія!..

. . . . . .

Съ тѣхъ поръ въ раздумьи и печали
Мой взоръ смущенно различалъ
Не разъ—во мглѣ неясной дали—
Узоръ таинственной вуали,—
И вновь я сердцемъ оживалъ...

И вновь задумчиво и страстно
Мечта рвалася далеко,
Когда шепталъ мнѣ призракъ властно:
Что все печальное—прекрасно,
И все великое—легко!..

СКОРБЬ ІОВА.

(Посвящается Ник. Ал. Соловьеву-Несмѣлову.)

...И я былъ золотомъ богатъ,
Какъ нынѣ струпьями проказы;
И мнѣ кадили ароматъ
Цвѣтами дышащія вазы.
Въ моихъ чертогахъ до утра,
Толпясь, трапезовали гости,—
И я при ихъ заздравномъ тостѣ
Склонялъ главу на пухъ одра...
Ряды блистательныхъ лампадъ
Мнѣ услаждали жадный взглядъ,
Какъ Бога вѣчныя созвѣздья...
И я былъ славенъ, былъ богатъ,—
Но скоро пробилъ часъ возмездья!..

За что? За то-ли, что порой
Дарилъ я щедрою рукой
Вдовицъ, дѣтьми обремененныхъ?
За то-ль, что въ вихрѣ шумныхъ дней

Не забывалъ я угнетенныхъ
И оскорбляемыхъ людей?!
Не я-ль подъ кровъ гостепріимный
Бездомныхъ странниковъ вводилъ,—
Гдѣ ихъ тѣла росою дымной
Фонтанъ задумчивый кропилъ?
За то-ль, что я въ роскошной долѣ
Молился Богу своему
И всѣхъ преступниковъ въ неволѣ
Дарилъ я лаской?.. За то-ли,
Что зла не дѣлалъ никому?!

Мнѣ Богъ послалъ стада и нивы,
Послалъ трехъ юныхъ дочерей;
Всѣ были статны, всѣ красивы—
Какъ пальмы солнечныхъ степей.
Я ихъ ростилъ, я ихъ лелѣялъ
Полжизни!.. Прòбилъ горькій часъ,
И гнѣвный Богъ ихъ кругъ развѣялъ
И лишь меня для горя спасъ!..
Семь сыновей имѣлъ я юныхъ
Въ своемъ дому, какъ семь чугунныхъ
Замковъ, какъ семь каленыхъ стрѣлъ
Въ своемъ колчанѣ... Месть настала,—
Друзей у Бога было мало,—
Онъ сыновей моихъ хотѣлъ—
И взялъ!.. И я осиротѣлъ...
Съ тѣхъ поръ—приникши къ изголовью—
Я горько плакалъ,—но, какъ волъ,
Сносилъ ярмо тяжелыхъ золъ...

Богъ позавидовалъ здоровью,—
И вотъ я немощенъ и голъ...
Меня—недужнаго—съ улыбкой,
Какъ злого пса, бѣгутъ друзья,—
Какъ будто я рожденъ ошибкой,—
Какъ будто песъ смердящій я..
И за стѣнами городскими—
Какъ падаль—бросили меня,
Гдѣ укрываются отъ дня
Гіены съ совами слѣпыми!..
И тотъ, кто прежде хлѣбъ со мною,
Какъ равный съ равнымъ, раздѣлялъ,—
Теперь голодный—какъ шакалъ—
Меня поноситъ клеветою...
И тотъ, кому я расточилъ
Свои сапфиры и алмазы,
Меня зоветъ жильцомъ могилъ—
Распространителемъ заразы!..
И тотъ, кого я могъ лобзать
Въ безумномъ вихрѣ вакханалій,—
Мнѣ не даетъ ремня сандалій,
Чтобъ язвы ранъ перевязать!..
Всѣ отступились, всѣ ушли,
Всѣ въ равнодушіи спокойномъ,—
И корчусь я на ложѣ гнойномъ,
Какъ змѣй пришибленный въ пыли...

И кто все сдѣлалъ это? Ты-ли,
Тотъ безграничный и святой,—
Кто гордо рóзсыпь звѣздной пыли

Во мракѣ мечетъ надъ землей?
Кто властно воды океана
Въ границахъ тѣсныхъ удержалъ,
Кто сотворилъ левіаѳана
И корни пышнымъ кедрамъ далъ?
Кто опрокинутымъ сосудомъ
Надъ міромъ держитъ сводъ небесъ,
Кто быстрый бѣгъ даетъ верблюдамъ,
Кто степь раскрылъ цвѣтущимъ блюдомъ
И къ ней щитомъ придвинулъ лѣсъ?!..
И если Ты, создатель неба,
Смиритель водъ, раститель хлѣба,—
Былъ мой судья и мой палачъ,—
То предъ Тобой склоняюсь долу
И къ Твоему кладу престолу
Свои страданія и плачъ,—
Съ мольбой послѣдняго желанья,
Чтобъ Ты мнѣ самъ вручилъ скрижаль,
Гдѣ-бъ начерталъ мои страданья,
Мою безумную печаль;
Гдѣ-бъ Ты огнемъ нетлѣннымъ вышилъ
Мои поступки и дѣла,—
Все, что Ты видѣлъ, что услышалъ
Въ тѣ дни, когда свѣтло текла
Моя судьба волной безбурной,
Когда завидовали мнѣ
Орлы въ степи небесъ лазурной
И рыбы въ водной глубинѣ!..—
И если въ прошломъ Ты ревниво

Найдешь хоть два лукавыхъ дня.—
Пускай земля казнитъ меня,
Пусть вмѣсто розъ цвѣтетъ крапива.
И куколь—вмѣсто ячменя!...

. . . . . .

1886 г. Августъ.

Ты помнишь-ли?..

Ты помнишь-ли: мягкія тѣни
Ложились неслышно кругомъ,
И тихо дрожали сирени
Подъ нашимъ открытымъ окномъ...
Все тише завѣтныя рѣчи
Съ тобою тогда мы вели
И скоро блестящія свѣчи
Рукой торопливой зажгли;
Ты сѣла къ роялю небрежно
И все—чѣмъ полна ты была,
Чѣмъ долго томилась мятежно—
Все въ звуки любви облекла;
Я слушалъ безгрѣшные звуки
И грустно смотрѣлъ на огни...
То было предъ днями разлуки,
Но было въ счастливые дни!...

* * *

Слышу я изъ темной бездны
Звуки нѣжныхъ мандолинъ;
Всѣхъ чаруютъ эти звуки,
Только плачу я одинъ...

Всѣмъ отрадно, что изъ черной,
Полной мрака глубины—
Какъ забытая молитва –
Звуки райскіе слышны.

Только я одинъ рыдаю,
Бездну съ пѣснями тая,—
Потому-что въ безднѣ сердца
Слышу вопли бытія...

ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

I.

Въ нашемъ мірѣ, гдѣ теплѣе
Вешнихъ росъ струятся слезы,—
Въ нашемъ мірѣ лжи и прозы
Нѣтъ безгрѣшнѣй и святѣе
Рабби Ханины бенъ-Дозы.
Дни гнететъ нужда и горе
Рабби Ханина сурово...
Но всегда, чуть солнце въ море
Опускается, багрово
Разгораясь на просторѣ,—
Восклицаетъ Іегова
Въ благовонномъ вертоградѣ,
Въ райскихъ кущахъ, въ аломъ небѣ:
О, мой міръ! бенъ-Дозы ради
Я пекусь въ тебѣ о хлѣбѣ,
О смоковницахъ, о кедрахъ,
О сокровищахъ вселенной...

Онъ-же, праведникъ безцѣнный,
Изъ моихъ сокровищъ щедрыхъ,
Отъ моихъ плодовъ прекрасныхъ
Только стручьевъ горсть сбираетъ
И дѣтей своихъ несчастныхъ,
И себя тѣмъ услаждаетъ!»...

II.

И жена Ханины, сердцемъ
Угадавши очень чутко—
Что любимымъ Громовержцемъ
Быть не маленькая шутка,—
Упросила мужа, чтобы
Со смиреніемъ, безъ злобы,
Попросилъ онъ Іегову
Дать скота имъ, дать имъ яства
И—сказать, конечно, къ слову—
Что не дурно-бъ и богатства!
И, боясь, чтобы супруга
Не окончила рѣчь трепкой,
Полный кроткаго испуга—
Сталъ молить бенъ-Доза робкій,
Сталъ молить онъ Іегову—
За женою повторяя:
«Дай намъ хлѣба, дай корову,
Дай намъ что нибудь изъ рая!...»

III.

Внялъ мольбамъ Владыка неба:
Столъ явился золоченый,
Полный винъ и полный хлѣба,
Весь лучистый, благовонный,—
Столъ изъ рая голубого,
Столъ такой, еще какого
Не видалъ бенъ-Доза съ роду,
Столъ носящій хлѣбъ и воду,
Столъ цѣнимый на базарѣ
Въ триста семьдесятъ динарій..

IV.

Разъ заснулъ Ханина мирный
И увидѣлъ сонъ прекрасный:
Онъ увидѣлъ рай эфирный,—
Тамъ закатъ не таялъ ясный,
Тамъ въ лугахъ паслись павлины,
Тамъ журчали звонко воды,
И душистыя маслины
Упирались въ небосводы.
Тамъ, въ тѣни деревъ зеленыхъ,
Въ безконечно свѣтлой дали
Тѣни всѣ трапезовали
На столахъ на золоченыхъ;

Только онъ въ лугахъ зеленыхъ,
Да жена его—бенъ-Дозы,
Молча смигивая слезы,
Ѣли съ камней запыленныхъ....

V.

Градомъ льется потъ съ бенъ-Дозы,—
И, проснувшися въ испугѣ,
Разсказалъ свои онъ грезы
Изумившейся супругѣ...
—«Какъ!—жена его вскричала,—
«Чтобъ въ раю лишились чести,
«Чтобы я трапезовала
«На камняхъ съ тобою вмѣстѣ!...
«Нѣтъ, ужъ лучше—голодая—
«Я безъ хлѣба и безъ соли
«Проживу въ земной юдоли,
«Но подъ вѣчной сѣнью рая
«Чтобъ мы жили безъ печали,
«Чтобы также, какъ другіе—
«Гости Бога дорогіе—
«На столѣ трапезовали...
«О, проси, супругъ мой милый,
«Взять обратно столъ злосчастный...
«Лучше быть мнѣ здѣсь несчастной,
«Чѣмъ несчастной за могилой!»...

МЯТЕЛЬ.

Бѣлый снѣгъ кружитъ и вьется;
Запорошенъ путь съ утра;
Вѣтеръ вѣтки гнетъ и воетъ—
Страшно выйти со двора!..
Хлопья рѣютъ и мерцаютъ,
Стелятъ мертвую постель...
А на небѣ—тамъ другая
Звѣздоносная мятель...
Въ тьму безвѣтреннаго неба
Ночь огнями намела,—
И кружится снѣгъ алмазный
Безъ конца и безъ числа!..
Но мятели міродданья
Не растаять никогда,
И въ ея вращеньи вѣчномъ
Таютъ жизни и года...

* * *

Мы—поздніе пѣвцы: міръ злой и обветшалый
Оставилъ только то для насъ,
О чемъ не грезилъ онъ, что проклиналъ—усталый,
Стремяся рухнуть каждый часъ...

Что пламенно любилъ—онъ выразилъ невольно
Въ созданіяхъ искусствъ и въ фоліантахъ книгъ;
А намъ оставилъ то, что сбросилъ добровольно
Съ своихъ заржавленныхъ веригъ.

И грустно мы поемъ, толпа пѣвцовъ печальныхъ,
И прахъ его цѣпей вѣнчаемъ вязью розъ,—
Но позднія мечты блѣднѣй первоначальныхъ,
А грезы позднія—ужаснѣй первыхъ грозъ...

*
* *

Сегодня подъ моимъ окномъ
Все утро птицы щебетали;
Они весну мнѣ обѣщали—
Весну, отцвѣтшую въ быломъ...

Какъ-будто, грѣя сердце лаской,
Вернуться юность можетъ вновь,—
Чтобъ повторить веселой сказкой
Давно угасшую любовь!..

ИЗЪ «ПѢСНИ ПѢСНЕЙ».

Другъ мой строенъ, какъ тополь, какъ горный олень;
Голосъ друга подобенъ свирѣли...
Вотъ онъ, вотъ убѣгаетъ въ кедровую тѣнь;
Вотъ въ окно заглянулъ, вотъ на плитахъ ступень
Безпокойно шаги зазвенѣли!...
Это онъ, это милый мой другъ! Это онъ
Самовластной рукою межъ бѣлыхъ колоннъ
Раздвигаетъ пурпурныя складки.
На крыльцо онъ взбѣжалъ, чтобъ меня устеречь,
И лепечетъ мнѣ кротко любовную рѣчь,
И дрожитъ, какъ больной въ лихорадкѣ.
Онъ лепечетъ: «Приди на свиданье ко мнѣ!
Вылетай изъ гнѣзда, голубица!
Посмотри, какъ цвѣты улыбнулись веснѣ,
Какъ цвѣтамъ улыбнулась денница!
Развернули смоковницы почки свои,
Налились виноградныя лозы.
Нынче пѣли всю ночь до утра соловьи,
И заслушались пѣсенъ ихъ розы.

Выйди, солнце мое, голубица моя!
Голосъ твой мнѣ отраднѣй, чѣмъ пѣснь соловья.
Выйди, горлинка, выйди, родная!
И подъ кровомъ утеса—въ ущельи глухомъ
Мы упьемся весною, упьемся тепломъ,
Въ сладкихъ грезахъ любви утопая!»

* * *

Не пой съ безумной жаждой славы
При встрѣчѣ розовой весны,—
Полны губительной отравы
Ея плѣнительные сны.
Она капризна, какъ больная;
Она измѣнчива, какъ сонъ;
Ея красотъ игра живая—
Игра роскошныхъ похоронъ!
Качая волнъ сребристыхъ пѣну,
Зажегши радугу лучей,
Она несетъ свою измѣну
На нихъ, какъ праздничный трофей...
Настанутъ дни,—скуютъ морозы
Главу косматую волны,—
И облетятъ живыя розы,
И улетятъ святые сны!..

*
* *

Бывало, какъ дѣти, въ душѣ у меня
Толпились созвучья, шутя и звеня;
И—утромъ поссорясь, сходились опять
При лунномъ сіяньи шумѣть и плясать.

Теперь-же,—какъ старцы, созвучья мои
Усѣлися чинно въ кружокъ на скамьи,
И чопорно стали другъ съ другомъ они
Бесѣду вести про минувшіе дни...

* * *

Лунная тихая ночь,—
Воздухъ, исполненный лѣни...
На серебристомъ снѣгу
Темныя, рѣзкія тѣни...
Сердце бы грезить не прочь,—
Только печальна душа,
Только мечтать не могу,—
Холодомъ въ холодъ дыша!

Въ сердцѣ весна отцвѣла:
Тамъ, какъ въ пустынѣ, безгласно;
Прошлое счастье—луной
Смотритъ мертво и неясно...
Въ блесткахъ морозная мгла,
Въ звѣздахъ холодная высь...
Что-жъ ты, любовь, не со мной?
Гдѣ-жъ ты, весна, отзовись?!.

* *
*

Смотри, какъ эта ночь ясна!
Кудрявясь зеленью живою,
Склонились ивы надъ водою,—
И розовѣетъ глубина
Прозрачныхъ водъ огнемъ лучистымъ;
Ночъ дышетъ запахомъ смолистымъ,
И сквозь узоръ густыхъ вѣтвей
Глядитъ заря во мракъ зеленый...
Тамъ утро юности моей;
Тамъ соловей поетъ влюбленный...
Пойдемъ къ зарѣ,—святой возвратъ
Къ былой веснѣ весною слаще...
Какъ лучезарно въ темной чаще!
Какъ сладокъ влажный ароматъ!
Ужель весною колдовала
Безмолвно спавшая зима?
Изъ облаковъ заря соткала
Въ волшебномъ мракѣ терема...
Кого—таинственно алѣя,
Какъ поцѣлуемъ обожженъ,
Хранитъ горячій небосклонъ?

Кого, лаская и лелѣя,
Таитъ весенняя аллея?!.
Тамъ—юность съ дѣвичьимъ лицомъ
Мнѣ улыбнется подъ окномъ,
Вздохнетъ со мной и сыпать станетъ
Съ черемухъ бѣлые цвѣты
И осмѣетъ мои мечты,
И новымъ счастьемъ зарумянитъ...

* * *

Обманули меня соловьи;
Обманули румяныя зори;
Обманули улыбки твои,
Промелькнувшія въ ласковомъ взорѣ...
Но счастливымъ поютъ соловьи,
И весна расцвѣтаетъ прекрасно,
И заря улыбается ясно
На печальныя думы мои...
Кто-же пламень въ природѣ задулъ,
Кто окуталъ все грустью—какъ флеромъ?
И звучитъ мое сердце укоромъ:
—«Не себя-ли ты самъ обманулъ?!».

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ!..

Живите, люди добрые; живите, люди честные!
Стремися, юность смѣлая, безъ устали впередъ! —
Тебѣ земля цвѣтущая, тебѣ огни небесные,
Тебѣ весна румяная и шепотъ вѣшнихъ водъ.

Живите, возлюбившіе все свѣтлое, все чистое,—
Вы, правдѣ неизмѣнные глашатаи земли!
Не даромъ солнце знанія, какъ истина лучистое,
Все ярче разгорается и блещетъ вамъ вдали.

Живите — будьте счастливы! Тотъ счастливъ, кто съ младенчества
Въ тоскѣ желаній призрачныхъ не зналъ лукавыхъ грезъ.
И счастливъ тотъ, кто съ вѣрою погибъ за человѣчество,
Кто рано легъ въ холодный гробъ, кто зла не перенесъ.

Но тѣ еще счастливѣе, кому борьба печальная
Не смѣла крылья юныя до времени разбить,—

Чье слово вдохновенное, какъ арфа музыкальное,
Осталось въ мірѣ дремлющихъ на доброе будить.

Исчезнетъ зло мятежное, пройдутъ мечты лукавыя,
Пройдутъ непостоянные, безумные года,—
Погибнутъ всѣ жестокіе, погибнутъ всѣ неправые,
А истина великая и слово—никогда!

1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Тѣни и тайны	3
Вдохновеніе	4
Была-ль то пѣснь, рожденная мечтою	5
Далекіе міры, какъ огненныя зерна	6
Я знаю генія	7
Не вѣрь, не вѣрь рѣчамъ моимъ веселымъ	8
Точно листья съ древа жизни	9
Утромъ	10
Вечеръ дышетъ ароматомъ	11
Забытая арфа	12
Фантазія (Живые сны воздушною толпою)	13
Срамота	15
Л. Н. Толстому (Я знаю міръ души твоей)	17
Два странника	18
Я знаю грусть: пѣвучая какъ пѣснь	20
Снится мнѣ хуторъ въ вишневомъ саду	21
Что-то будетъ у насъ впереди	22
Святочныя ночи	23
А. А. Фету (Есть въ природѣ безконечной)	24
Когда въ душѣ своей лелѣялъ	25
Мнѣ снилася она, кого боятся всѣ	26
Художникъ (Посв. И. Е. Рѣпину)	27
Я сидѣлъ у окна	28
Nocturno (Не мечты-ли мнѣ напѣли)	29
Это ты!	30
Таинственному другу	31
Въ сумеркахъ весенніхъ	32
Чертогъ фантазій искрометныхъ	33

	стр.
Старая музыкантша	34
Я зналъ	36
На зарѣ любви (Лид. Конст. Ф—овой)	37
Жано (Посвящ. А. В. Колмакову)	39
Вѣчная борьба (Драматич. отрывокъ)	42
Дрожащій блескъ звѣзды вечерней	46
На землѣ все грустно, иль смѣшно	47
Я вѣрю въ то давно глубоко	48
Элегія («Былъ вечеръ блѣдный и сырой»)	49
Во дни ликующаго мая	50
Скоро не будетъ ночей	52
Элегія («Тяжело, милый другъ»)	53
Кукушка	55
Передъ взоромъ ночи	57
Еще дрожитъ слеза	58
Все то же	59
Мечта	61
Пробужденіе	62
Сонетъ («Горятъ надъ землею»)	64
Въ майскихъ сумеркахъ	65
У потока	67
Какъ бѣлыя версты мелькаютъ на скучной дорогѣ	68
Тогда звучнѣй была волна	69
Письмо героя неоконченной поэмы	70
Да, я безуменъ, нѣжный другъ	72
Задумчиво на звѣзды мы смотрѣли	73
Alter ego	74
Дума въ Царскомъ Селѣ	77
Падшій ангелъ	84
Какъ быстро годъ прошелъ!	87
Отошедшимъ	88
Листья	89
Блаженъ, кто—вѣтреннымъ успѣхомъ не пьянъ	91
Вы не видали-ль	92
Моя пѣснь	93

	стр.
Прекрасна ты, осенняя пора!	94
Ночь повила міръ уснувшій	96
Къ чему?	97
На мотивъ А. Шенье (Моимъ друзьямъ)	98
Тишина	100
Ни медленнымъ трудомъ, ни жизнью торопливой	101
Сонетъ («Она—дитя, она—цвѣтокъ Украйны»)	102
Журавли	103
Мой путь	104
Посланіе *** (Ты правъ, пѣвецъ!)	105
По шумнымъ улицамъ ложатся тѣни ночи	106
Полный скорби и стыда	107
Затишье	108
Твоя рука въ моей дрожала	109
Зашумѣлъ, качался взволнованный садъ	110
Фантазія («На челнѣ быстролетномъ я мчался одинъ»)	111
Вѣчный призракъ	112
Что ты сказала—я не разслышалъ	114
Какъ маяки въ пустынѣ водной	115
Не смерть страшна, друзья	116
Мнѣ снился садъ	117
Пѣсня (Отрывокъ изъ средневѣковыхъ сценъ)	118
Капризныхъ модъ ревнивый обожатель	120
Отчего на селѣ эти пѣсни тоскливыя	121
Я грезилъ, что умеръ	122
Какъ нѣжно, какъ тепло въ душѣ моей	123
Отчего такъ звѣзды эти	124
Суета суетъ	125
Щитъ и крестъ	127
Какъ-то въ раннемъ дѣтствѣ	128
Бываютъ странныя минуты	129
Кузница	130
Холодная зима блѣднѣетъ за окномъ	131
Сонетъ (Таинственная жрица суеты)	132
Умолкъ весенній громъ	133

стр.

Время 134
Какъ счастливъ тотъ, кто вѣрить можетъ 135
Я улетѣлъ-бы въ глубь лазури 136
Смерть уступила гнѣвной жизни 137
Осенніе стансы (Теперь кукушка не кукуетъ) . . . 138
Хандра 139
Чужое «Я» 141
Въ туманѣ 142
Грядущее—туманами покрыто 144
Я суевѣрному волненью 145
Дай руку—не бойся 146
Nocturno (Она измучена страстями) 147
Сонетъ (Въ іюньской мглѣ задумчивыхъ ночей) . . 148
Барельефъ (Въ тѣни густыхъ вѣтвей) 149
Что ты плачешь, дорогая 150
Родился день, какъ поздняя любовь 151
Зимой (Все пустынно въ снѣжномъ паркѣ) 152
Семнадцать лѣтъ (Терцины) 154
Когда проходитъ жизнь 155
Садъ трепещетъ 156
Осиротѣлый рай 157
Міръ ликуетъ въ безуміи алчномъ своемъ 158
Въ хаосѣ дѣвственной природы 159
Посланіе (Твое письмо, изгнанникъ дальній) . . . 160
Долина снова. 161
Фантазія (О, какъ мнѣ отрадно въ этомъ свѣтломъ мірѣ) 162
Стансы (Мы ближнихъ къ счастію ревнуемъ) . . . 164
Пепелъ (Посвящ. Ф. Ф. Фидлеру) 165
Люби и помни! (Посвящ. В. М. Ефимову) 166
Ручей 167
Стало скучно тебѣ 169
Изъ «Цвѣтника розъ» Саади:
I. Оправданіе 170
II. Чѣмъ рѣже страсть, тѣмъ выше наслажденье 171
III. Какъ счастливъ тотъ, кого признали . . . 171

стр.
Кровь (Изъ пѣсенъ о мірозданіи) 172
Еврейка 177
Весной запахло 179
Душа—нетающій родникъ 180
Изъ антологіи:
I. Люди забыли, что пѣсни поэта—мечта . . 181
II. Ярко и ало блистаетъ разсвѣтъ 181
III. Расцвѣлъ зеленый міръ 181
Хаджа (Восточная легенда) 182
Къ звонку 186
Окна открыты; изъ темнаго сада 188
Давно таинственной судьбой 189
Сколько жизни, сколько блеску 191
Взойдетъ заря, зайдетъ заря 192
Мой братъ по дружбѣ, другъ по братству (Посв. Ив. Ив. Горбунову-Посадову) 193
Ранній мотылекъ 195
Живемъ, волнуемся, а послѣ 196
Осенній дождь 198
Роптать и мыслить 199
Горячею волной стучится кровь въ виски 200
У печки 201
Сонъ въ церкви 202
Случалось-ли вамъ въ день сверкающаго лѣта . . . 205
Жертвенникъ Авеля 206
Счастье 209
Еще гаремъ не спалъ 211
Сегодня музыка звучитъ въ душѣ моей 212
Скошенныя травы 213
Осень (День осенній, день унылый) 214
Пѣсня (Ночка вешняя) 215
Ты, какъ дитя, мнѣ шепчешь нѣжно 216
Твой гнѣвъ несправедливъ 217
Дождь пересталъ 218
Когда, волнуемый мятежными страстями 219

стр.

Точно слезы покаянья 220
Мы, нѣжнаго пѣвцы 221
Морозною ночью (Покинулъ городъ я) 222
Живые ландыши безжизненной зимой 224
Если розы, росой ослезенныя 225
Поздніе огни 226
Двѣ жизни 228
Въ эту ночь мнѣ снилося чудное и грозное 229
Были нѣжны ихъ свиданья 230
Сонетъ (Когда задумчиво вечерній мракъ ложится) . 231
Наканунѣ весны 232
Моя любовь, какъ ты была чиста! 233
Есть-ли, другъ, въ подлунномъ мірѣ 234
Изъ Викт. Гюго (Надпись на экз. «Божеств. Комедіи») 235
Небо голубое 236
Всѣ спятъ, а я одинъ не сплю 237
На мотивъ Саади Ширази (Имѣлъ я друга) 238
Заря блѣднѣетъ 239
Ѣдетъ въ раковинкѣ моря 241
Первая разлука 243
Кто онъ? Зачѣмъ, откуда этотъ гость 245
Грудь моя болитъ 246
Я. П. Полонскому (По поводу его книги «Вечерній звонъ») 247
Усталое сердце не жаждетъ 248
Когда я съ музою встрѣчалъ 249
Любилъ я съ дѣтства темные лѣса 250
Въ лунную ночь 251
Старыя бумаги вновь перебирая 252
Изъ милыхъ устъ, когда-то мнѣ шептавшихъ . . . 253
Въ дни юности рѣзвой 254
Гостинецъ (Посвящ. В. Л. Величко) 255
Зерна 260
Изъ старыхъ пѣсенъ (Поэтамъ) 261
Стансы (На свѣтѣ есть не мало чудныхъ словъ) . . 262

стр.
Сколько звѣздъ на небѣ ясныхъ 263
Ты сердишься 264
Поэты лгутъ, какъ жизнь 265
«Прощай»! (Посвящ. Аполлону Апол. Коринфскому) . 266
Осень (Вѣтеръ въ вершинахъ шумѣлъ...) 267
Камень и зодчій 268
Весна моей любви, весна моей печали 270
Отъ полдня яркаго и отъ слѣпней несносныхъ . . . 271
На темномъ небѣ звѣзды ночи 272
Незримыя драмы (Посвящ. А. К. Михайлову-Шеллеру) 273
Въ душѣ моей элегія слагалась 275
Мы любимъ, кажется, другъ друга 276
Я видѣлъ таинственный замокъ 277
Снилось мнѣ, что ты со мною 278
Безъ слезъ я погибалъ 279
Напрасно ночь дышетъ изъ сада 280
Сонъ въ одиночествѣ 281
Надъ нами шутитъ жизнь обидно 284
А. Н. Майкову (30 Апрѣля 1888 г.) 285
Замѣтки:
I. И добрыхъ жизнь, и злыхъ мелькнетъ . . 286
II. Свѣтъ мудрости, какъ пламенный свѣтильникъ 286
Замѣтки:
I. Къ чему мечты неумолимый гнетъ 287
II. Все въ мірѣ ложно 287
III. Даритъ намъ молодость мечты 287
IV. Онъ умеръ, но душа его 287
Ободри меня, подыми меня! 288
Изъ стараго альбома:
I. Пойдемъ въ сосновый лѣсъ 289
II. Есть грусть прекрасная 289
Умирающая невѣста 290
Метеоръ 291
Артистъ 293

	стр.
Отреченіе Петра	297
Вѣтеръ уныло въ трубѣ завываетъ	301
Облака и звѣзды	302
Голоса природы	304
Ночные пѣли соловьи	305
Лѣтнія грозы	306
Агонія	307
Левъ Андрокла (Христіанская легенда)	308
Мадонна	314
Опять сегодня юность снилась мнѣ	316
Вѣчность сѣдая сидитъ на обломкѣ гранита	317
Изъ старыхъ сновъ (Мнѣ снилось, другъ)	318
Пѣсня (Встань, моя краса!..)	319
Еще тѣ звѣзды не погасли	320
Многимъ	321
Не пойму я этой ночи	322
Мнѣ грустно!	323
Мой храмъ	324
Шумѣли юноши безпечно	325
Что можетъ быть свѣтлѣй мечты	326
Бѣдная женщина	327
Скорбь Іова (Посвящ. Н. А. Соловьеву-Несмѣлову)	329
Ты помнишь-ли?!	334
Слышу я изъ темной бездны	335
Изъ талмудическихъ сказаній	336
Мятель	340
Мы—поздніе пѣвцы	341
Сегодня подъ моимъ окномъ	342
Изъ «Пѣсни Пѣсней»	343
Не пой съ безумной жаждой славы	345
Бывало, какъ дѣти	346
Лунная тихая ночь	347
Смотри, какъ эта ночь ясна!	348
Обманули меня соловьи	350
На добрую память	351

Важнѣйшія опечатки.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Открываетъ вѣчность двери (стран. 9)	Открываетъ въ вѣчность двери
Не мчатся-ль мнѣ (стран. 14)	Не мчаться-ль мнѣ
Ммѣ снилася она (стран. 26)	Мнѣ снилася она
Въ задремавшій, росою, обрызганный садъ (стр. 28).	Вь задремавшій, росою обрызганный садъ
И кружится по паркету (стр. 39)	И кружиться паркету
Смотри: въ волнѣ лучистыхъ облаковъ (стр. 45) .	Смотри: къ волнѣ лучистыхъ облаковъ
И упретъ, безумствуя, на тлѣнье (стр. 47) . . .	И умретъ, безумствуя, на тлѣнье
Гдѣ безвременно спитъ (стр. 52)	Гдѣ безовременно спитъ
Но все же я весъ цѣпенѣю (стр. 54)	Но все же я весь цѣпенѣю
— Хочу печали!—(стр. 86)	— Хочу печали
Несетъ прохладный дождъ (стр. 91)	Несетъ прохладный дождь
Спокойно зрѣла пѣснь моя.	Спокойно зрѣла пѣснь моя
Въ душѣ, въ мечтаніяхъ смущенныхъ, (стр. 93) .	Вь душѣ, въ мечтаніяхъ смущенныхъ...
Стремится изгонять (стр. 126)	Стремятся изгонять
Вѣдь если я живу,—то для твой же жизни (стр. 217).	Вѣдь если я живу,—то для твоей-же жизни
Сны снесетъ онъ съ собой невидимкою (стр. 169) .	Сны несетъ онъ съ собой и т. д.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ

слѣдующія книги того-же автора:

1) **Стихотворенія Константина Фофанова, изданіе книгоиздательства Германъ Гоппе,** 1887 г. Спб. Изящный томъ in 8, X + 182 страницы.

Содержаніе: I. Мелкія стихотворенія.—II. Фантазіи.—III. Библейскіе мотивы.—IV. Думы.—V. Сказки и поэмы.—VI. Отрывки.— Цѣна въ бумажной обложкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., въ изящ. переплетѣ 2 руб.

2) **Стихотворенія К. М. Фофанова, изданіе А. С. Суворина,** Спб 1889 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вышли и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. «МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ», разсказы, картинки съ натуры, сценки, эскизы и силуэты. Съ сорока рисунками въ текстѣ. Изданіе М. К., Спб., 1892 г. Цѣна 25 коп. въ папкѣ 40 коп. Складъ въ книжномъ магазинѣ Н. П. Морева (Невскій, 105).

А. В. Кругловъ. «СРЕДИ НАСЪ», повѣсти и разсказы. Спб., 1891 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкой 1 руб. 50 к. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Карбасникова.